

**МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

**КУБАНСКИЙ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
Научный центр пропаганды и внедрения инноваций**

**УГОЛОВНАЯ ПОЛИТИКА В СФЕРЕ
ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ ЗДОРОВЬЯ НАСЕЛЕНИЯ,
ОБЩЕСТВЕННОЙ ПРАВСТВЕННОСТИ И ИНЫХ
СОЦИАЛЬНО-ЗНАЧИМЫХ ИНТЕРЕСОВ**

Материалы IV Международной научно-практической конференции
15 апреля 2015 год

Часть I

Краснодар 2015

УДК 343.4 (063)
ББК 7.99 (2) 8
У 26

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Л.А. Прохоров

д.ю.н., профессор, профессор
Кубанского социально-экономического института, Россия

Д.А. Флудас

д.ю.н., профессор, доцент колледжа Хьюз Холл
Кембриджского университета, Греция

А.С. Жаксыбеков

д.полит.н., профессор
Казахского национального педагогического университета им. Абая,
Республика Казахстан

Т.В. Пилюгина

к.ю.н., доцент Кубанского социально-экономического института, Россия

Уголовная политика в сфере обеспечения безопасности здоровья населения, общественной нравственности и иных социально-значимых интересов: материалы IV Международной научно-практической конференции (часть I) , 15 апреля 2015 г. / отв. редактор М.Л. Прохорова. Краснодар: КСЭИ, 2015. – 116 с.

ISBN 978-5-91276-111-9

УДК 343.4 (063)
ББК 67.99 (2) 8
У 26

© Издательство Кубанского социально-экономического института, 2015 г.

СОДЕРЖАНИЕ:

I Раздел:

«Актуальные аспекты совершенствования уголовной политики в области обеспечения здоровья населения и общественной нравственности»

АНИКИН В.А., БАЙДИН А.Н. – Историческая парадигма уголовной ответственности за незаконный оборот наркотических, сильнодействующих и ядовитых веществ в России дореволюционного периода.....	5
ЗАВАЛИЕВ С.В. – Археологическое наследие как составная часть культурного наследия народов Российской Федерации	10
ИЛИКБАЕВА Е.С. – Обращение фальсифицированных, недоброкачественных и незарегистрированных лекарственных средств, медицинских изделий и оборот фальсифицированных биологически активных добавок: к вопросу об уголовно-правовом содержании.....	15

II Раздел:

«Правовое регулирование правоохранительной деятельности в сфере обеспечения безопасности личности, общества и государства»

АУЛОВ А.Н. – Криминологическая характеристика преступлений террористического характера в России	20
БЕГЛАРЯН М.Е., ПИЧКУРЕНКО Е.А. – Информационная безопасность и закон о «персональных данных».....	24
ГОНЧАРОВ Д.К. – Противодействие организованной преступности в новых субъектах Российской Федерации.....	28
ЗАБЛОЦКАЯ А.Г. – Отграничение захвата заложника от смежных составов преступлений и проблемы квалификации.....	32
КЛИМЕНКО Т.М. – Хищение либо вымогательство оружия: некоторые вопросы квалификации.....	39
КУЗЬМИН А.В. – О системе объектов составов преступлений, посягающих на лиц, осуществляющих правоохранительную деятельность	43
ПИЛЮГИНА Т.В., ПЕТРОВ В.И. – Обеспечение правопорядка на территории Краснодарского края – залог стабильного взаимодействия органов государственной власти с гражданским обществом.....	49
СИДОРЕНКО Л.П. – Разграничение похищения человека, незаконного лишения свободы и захвата заложника.....	52

III Раздел:

«Совершенствование уголовной политики в сфере обеспечения иных социально-значимых интересов»

АШРАКАЕВА Д.Х. – Понятие и виды совокупности преступлений как правовая база индивидуализации наказания.....	56
---	----

БАТБАЯР ЭНХЭЭ, ПРОХОРОВА М.Л. – Смягчение наказания по уголовному законодательству Монголии и Российской Федерации: сравнительно-правовой анализ.....	61
ГЕВОРКЯН Л.У. – Принципы уголовного права как нормативно закреплённая идеологическая основа института назначения наказания.....	67
КОЧЕРГА В.А. – К вопросу о дефиниции должностного лица в УК РФ.....	72
КРИВОШЕЕВА О. – Возраст уголовной ответственности по УК РФ.....	77
КУШНЕРЕВ М.Н., ГРИГОРЬЕВА И.А. – Некоторые проблемные аспекты нового уголовного законодательства Республики Казахстан.....	81
ПРОХОРОВ Л.А., КРЫЖАНСТОВСКАЯ В.С. – Защита прав и интересов потерпевшего как гарантия справедливого назначения наказания при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве.....	86
СОБИН Д.В. – Трансформация законодательных подходов к дифференциации уголовной ответственности за нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств (исторический аспект).....	92
ШАБАН МАЖИД ЖОМА САИД, ПРОХОРОВ Л.А. – Ответственность за убийство по мусульманскому праву: особенности доктринальных положений и подходов законодателя Палестины и Российской Федерации	98

IV Раздел:

«Актуальные проблемы общества, экономики, права»

ВОЙТОВА-ДОЛГИХ Я.Н. – Историко-правовые аспекты развития информационной безопасности России.....	103
ПАВЛЮШКЕВИЧ Т.В., ГРИГОРЬЕВА И.А. – Потребности в аудите системы безопасности современного предприятия.....	109

I Раздел:

«Актуальные аспекты совершенствования уголовной политики в области обеспечения здоровья населения и общественной нравственности»

В.А. АНИКИН

*соискатель кафедры уголовного права и процесса
Северо-Кавказского федерального университета*

А.Н. БАЙДИН

*соискатель кафедры уголовного права и процесса
Северо-Кавказского федерального университета*

V.A.ANIKIN

*applicant, Department of criminal law and procedure
North-Caucasus Federal University*

A.N. BAIDIN

*applicant, Department of criminal law and procedure
North-Caucasus Federal University*

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ НАРКОТИЧЕСКИХ, СИЛЬНОДЕЙСТВУЮЩИХ И ЯДОВИТЫХ ВЕЩЕСТВ В РОССИИ ДОРЕВОЛЮЦИОННОГО ПЕРИОДА

THE HISTORICAL PARADIGM OF CRIMINAL LIABILITY FOR TRAFFICKING NARCOTIC, POTENT AND POISONOUS SUBSTANCES IN RUSSIA PRE-REVOLUTIONARY PERIOD

Аннотация. В статье представлен исторический анализ становления института уголовной ответственности за незаконный оборот наркотических, сильнодействующих и ядовитых веществ в России дореволюционного периода.

Ключевые слова: историческая парадигма, уголовная ответственность, незаконный оборот наркотиков, одурманивающих, сильнодействующих и ядовитых веществ.

Annotation. The article presents a historical analysis of the formation of the Institute of criminal liability for illegal circulation of narcotics, strong and poisonous substances in the Russian pre-revolutionary period.

Key words: historical paradigm, criminal liability, illegal drug, narcotic, potent and poisonous substances.

Правовая регламентация уголовной ответственности за оборот сильнодействующих и ядовитых веществ в России до 1917 г. во многом определялась уровнем развития в нашем Отечестве медицинской практики. В связи с этим криминализация указанных деяний отсутствовала в нормах древнерусского права. Кроме того, необходимо учитывать, что в дохристианский период развития одурманивающие вещества активно использовались в различных обрядовых церемониях племен, населявших территорию Древней Руси. Переоценка значения данных веществ происходит лишь с принятием христианства, каноны которого прямо отрицали практики одурманивающего воздействия на человека во время языческих обрядовых церемоний. Так, нарушителей правил обращения с зельем по Уставу князя Владимира Мономаха «О десятинах, судах и людях церковных» (XI-XII вв.) предписывалось подвергать жестокому преследованию вплоть до лишения жизни [1]. Согласно ст. 9 Устава князя Владимира Святославовича зелинничество запрещалось, а ст. 16 возла-

гала лечение больных на церковных людей. Однако, и тогда ограничения, которые накладывались на использование одурманивающих средств, нельзя связывать с осознанием опасности их воздействия на здоровье людей, так как это обосновывалось преимущественно идеей греховности лица и стремлением удержать власть [2].

По мнению В.А. Зелика, «данный исторический период характеризовался острым противоборством между распространявшей свое влияние на территории Древней Руси православной церковью и жрецами славянского язычества. Во времена, предшествующие Крещению Руси, жрецы являлись административной инстанцией княжеской власти, занимающейся контролем оборота зелья (наркотиков) в лечебных и обрядных целях. С Крещением Руси (938-939 гг.) функция контроля над зельем переходит от жрецов к Церкви. Священнослужители, наделенные полномочиями розыска, изобличения и поимки лиц, незаконно занимавшихся оборотом наркотиков в формах «ведьства», «зеленичества», «потворов», «чародеяния», «волхования», стали преследовать жрецов, волхвов и других представителей язычества» [3].

Вместе с тем в рассматриваемый период еще не проводится четкий водораздел между наркотическими, психотропными и ядовитыми веществами. Как отмечает Б.Ф. Калачев в своем исследовании «Наркотики на Руси», вплоть до конца XVIII - начала XIX вв. одурманивающие сознание препараты, такие как наркотики, водка, табак и другие, именовались в нашей стране обобщающим понятием – зелье [4].

Нельзя в то же время не отметить, что уже на заре российской государственности происходит разделение уголовной ответственности за использование зелья в качестве обрядового материала и как средства для совершения преступления. Так, согласно ст. 11 Грамоты князя Ростислава Мстиславовича убийство, совершенное с помощью трав или лекарств, каралось смертью [5].

Таким образом, первый шаг на пути установления уголовно-правового запрета использования наркотических, сильнодействующих и ядовитых веществ был осуществлен под влиянием догм христианского вероучения, которое в борьбе с язычеством стремилось полностью искоренить присущие ему «ведические» практики и установить свой собственный контроль над населением Древней Руси.

Вместе с тем, помимо религиозного аспекта, применение на Руси одурманивающих веществ было связано с традиционным лекарством. Именно поэтому, пока не была создана система аптек в более или менее приближенном к современному пониманию этого слова варианте, вопрос о криминализации оборота одурманивающих веществ не стоял. Историки утверждают, что первая аптека в России появилась в Москве в 1581 г., вторая аптека открылась при царе Алексее Михайловиче также в Москве, а за ней в Вологде – третья. С одной стороны, происходит становление цивилизованных форм фармацевтической деятельности, а, с другой, отмечается беспрецедентный рост фальсификации наиболее дорогостоящих и экзотических лекарственных средств. Отдельные провизоры привлекались к уголовной ответственности за изготовление ядов. Эти смертоносные порошки и микстуры, как известно, ранее нередко использовались, например, для противоправного получения наследства [6]. История сохранила немало фактов отравления бояр лекарствами, приобретенными в зеленых лавках [7]. Не случайно, долгое время в народе аптеки называли «колдовскими кухнями».

Государство и Церковь по понятным причинам неустанно преследовали ведунов в Европейской части России и так называемых лики на Юге страны. Тем самым невольно или умышленно угнеталось развитие народного целительства, исторически адаптированного к природно-климатическим условиям жизни в тех или иных местностях страны [8]. Вместо осторожной поддержки этого института здравоохранения, придания ему цивилизованных форм и включения в фармакологию средств, привычных биологии титульных

национальностей, велась не оправдавшая себя здравоохранительная политика, нередко слепо ориентированная на фармакологию зарубежную [4].

Центральная государственная власть была заинтересована в установлении контроля за аптекарским делом. В основе этого лежало как ни странно не беспокойство о здоровье населения, а элементарный вопрос экономической прибыли. Именно этим руководствовался Иван Грозный, запрещая корчмы. И этим же мотивом руководствовался Петр I, разрешая потребление табака, ранее признаваемого ядовитым веществом.

С конца XVI века все аптекари были подчинены специальному должностному лицу, именуемому аптекарским боярином. В указанный период был сохранен курс на криминализацию незаконного оборота одурманивающих, сильнодействующих и ядовитых веществ. Так, в ст. 23 главы XXII Соборного Уложения 1649 г. устанавливалась смертная казнь в случае отравления человека зельем [9]. Кроме этого, в Соборном Уложении 1649 г. содержались нормы о запрете курения табака (ядовитого вещества в понимании того времени) из рога. Аналогичные запреты содержались и в «Наказе о градском благочинии» царя Алексея Михайловича, согласно которому в городах использовались «объезжие головы», которые с «десятскими, назначениями из местного населения, должны были по улицам и переулкам день и ночь ходить и беречь накрепко, чтобы в улицах и переулках корчмы и табаку и иного такого зла... не было» [10].

Резкое увеличение фармацевтических учреждений к концу XVII в. повлекло учреждение Аптекарского приказа (1699 г.). При нем работали так называемые алхимики, уполномоченные исследовать химический состав и качество препаратов, поставляемых ко двору [11].

Первым законом, положившим начало фармацевтической правовой базе в России, стал Указ Петра I от 22 ноября 1701 г. «О заведении в Москве вновь осьми аптек с тем, чтоб в них никаких вин не было продаваемо; о введении оных Посольскому приказу и об уничтожении зеленых лавок» [12]. В 1720 г. создается химическая лаборатория при Берг-Коллегии, призванная контролировать химический состав лекарственных средств. Артикулом Воинским 1715 г. была введена ответственность за незаконное врачевание. Показательно, однако, что данное преступление было отнесено к политическим преступлениям «против веры». Так как участником Артикулов Воинских являлся специальный субъект — военный, то для преследования и наказания врачей из лиц гражданского населения власти обращались к прежним сборникам казуистического права, например, Стоглаву или еще более древним юридическим источникам [4].

В мае 1718 г. Петр Великий издал Указ о создании в Санкт-Петербурге Генерал-полицмейстерского управления [4]. Согласно п.п. 9 и 10 особой инструкции, которая регламентировала деятельность полиции, последняя должна была осуществлять надзор за всеми подозрительными домами, их досматривать и о таких дворах подавать извещения и явки, а, кроме того, производить контроль за лицами, склонными к потреблению опьяняющих веществ [13].

В дальнейшем целая группа законов — «Об учреждении полиции в городах» от 23 апреля 1733 г., Устав благочиния и Полицейский от 8 апреля 1782 г. — регламентировала вопросы противодействия незаконным действиям с одурманивающими или ядовитыми растениями и лекарствами.

Нормативным актом, однозначно запретившим торговлю в зеленых лавках ядовитыми веществами, стал Указ Анны Иоанновны от 8 января 1733 г. «О запрещении продавать в рядах, в лавках и на торжках мышьяк и всякие ядовитые материалы и о наказании, кто в таковой непозволительной продаже окажется виновным» [12].

20 сентября 1789 г. был принят Аптекарский устав, в п. 18 которого указывалось, что «вещи ядовитые содержать аптекарю под собственным своим хранением за замком и

печатью и отпускать их по требованиям самому; при отпуске, для отвращения могущего последовать какого-либо несчастья, иметь письменный вид и сведение, кому именно и на что требуется, и по таком удостоверении, взяв от присланного в получении расписку, отпускать; потом вносить все обстоятельно в особливую книгу» [14].

Особо следует подчеркнуть, что развитие уголовного законодательства об ответственности за незаконный оборот наркотических, сильнодействующих и ядовитых веществ происходило параллельно с развитием медицинского законодательства. Так, с начала XIX в. в Российской империи формируется процесс регулирования оборота готовых лекарственных форм. Так, в частности, в акте «О порядке продажи ядовитых вещей и аптекарских материалов» 1813 г. [15], в котором описывается 59 наименований ядовитых веществ; в акте «О новых правилах продажи ядовитых и сильнодействующих веществ и каталогах оных» 1830 г. [15] осуществлено разделение лекарственных препаратов (их общее число составило 117 наименований) на ядовитые и сильнодействующие, из которых к последним отнесен морфий, наркотин, опий и другие средства. Обращает на себя внимание тот факт, что к перечисленным веществам относились и некоторые наркотически средства (например, морфий, опий). В «Списке ядовитых и сильнодействующих веществ» 1892 г. [15] впервые в истории отечественной медицины сильнодействующие и ядовитые вещества группируются по спискам: «А», «Б», «В», «Г». Кодеин, морфий, кокаин и др. наркотики отнесены к литературе «А», в то время как каннабинол (гашиш) и опий — к «В». Всего указано 197 наименований ядовитых и сильнодействующих лекарств.

Данный список подтверждает, что наркотические средства включались в один список с ядовитыми и сильнодействующими веществами и рассматривались как одно целое. Разграничение данных веществ как предмета преступлений на отдельные составляющие будет осуществлено гораздо позже. Все действия, связанные с продажей ядовитых веществ в аптеках, сводились в единые правила, изложенные в Уставе Врачебном (ст. 879, 899 и др.), на статьи которого ориентировались нормы административного права (например, «Учреждения и Уставы Таможенные»), уголовного и уголовно-процессуального законодательства. Долгое время они, как и Устав Врачебный (ранее — Аптекарский Устав), помещались в Своде Законов издания 1832, 1845, 1857 и 1902 г.г. [16].

В XIX в. происходит дальнейшее развитие уголовной ответственности за оборот сильнодействующих и ядовитых веществ. Так, Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. содержало главу «О преступлениях и проступках против постановлений, ограждающих народное здоровье». В ней, в свою очередь, был выделен раздел «О нарушении правил, установленных для продажи, хранения, употребления веществ ядовитых и сильнодействующих». Уголовное уложение 1903 г. дифференцировало уголовную ответственность за: нарушение правил хранения, отпуска или использования сильнодействующих или ядовитых веществ; нарушение правил использования ядовитых или сильнодействующих веществ; хранение для продажи или продажа сильнодействующих или ядовитых веществ без лицензии или с нарушением ее условий. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что в отличие от петровского законодательства в этих нормах устанавливалась ответственность лишь за оборот, а не за потребление сильнодействующих или ядовитых веществ.

Поскольку проблема незаконного оборота наркотиков (в первую очередь, опия и гашиша) в XIX — нач. XX в.в., будучи территориально локализованной, главным образом существовала в Амурской, Приморской и Туркестанской областях, в 1915 г. был издан Указ Императора России «О мерах борьбы с опиокурением», распространявшийся на территории Приамурского, а также Иркутского генерал-губернаторства Забайкальской области.

В 1915 г. Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, 1864 г., Уголовное уложение 1903, Уложение о наказаниях 1845-1885 г. были опубликованы отдельным Сборником, наподобие кодекса [16]. В нем, в частности, статьями 104, 1041 1042 отделения «О поступках против народного здравия» Устава о наказаниях регламентировалось использование (употребление, хранение, продажа) ядовитых и сильнодействующих веществ служащими аптекам населению. В свою очередь, статьи 867, 668, 869, 8711, 885, 895, 899 Уложения о наказаниях значительно уточняли круг незаконных действий, связанных с ядовитыми и сильнодействующими веществами.

На данном историческом этапе уже формируется определенный перечень незаконных действий, связанных с оборотом указанных выше веществ, предусматривается наказание за их незаконное использование.

Таким образом, парадигма становления уголовной ответственности за незаконный оборот наркотических, сильнодействующих и ядовитых веществ в России дореволюционного периода сводится к следующему:

- установление запрета на гражданский оборот «зелья» (X-XIX вв.);
- формирование принципа отграничения ответственности за использование одурманивающих веществ в обрядовых целях и в целях совершения преступления (убийства) (X в.);
- государственная поддержка создания аптекарского дела (XVI-XVII вв.);
- установление государственной монополии на оборот сильнодействующих веществ (начиная с Ивана Грозного – запрет корчм и замена их кабаками, включая Петра I – государственная монополия на аптекарское дело);
- систематизация одурманивающих веществ и разделение их на наркотические, ядовитые, сильнодействующие (20-е годы XIX в.);
- последовательная криминализация использования ядовитых и сильнодействующих веществ (XI- начало XX в.);
- нормативная регламентация фармацевтической деятельности, с закреплением порядка хранения и использования ядовитых и сильнодействующих веществ (XVIII- XIX вв.);
- криминализация нарушений в сфере хранения, использования, выдачи сильнодействующих и ядовитых веществ со стороны сотрудников аптек (XIX в.);
- установление уголовной ответственности за нарушения запрета на потребление сильнодействующих и ядовитых веществ (начало XX в.).

Литература:

1. Мусаев А.Н., Сбирунов П.Н., Целинский Б.П. Противодействие незаконному обороту наркотических средств. М., 2000. С. 105.
2. Шмелева Е. Г. Незаконный оборот сильнодействующих или ядовитых веществ в целях сбыта: уголовно-правовые и криминологические аспекты: автореф. дис. канд. юрид. наук. Тюмень, 2008. С. 10.
3. Зелик В. А. Уголовно-правовые и криминологические аспекты противостояния наркотизму в России: дис... канд. юрид. наук. Краснодар, 2001. С. 10.
4. Калачев Б.Ф. Наркотики на Руси // URL: http://narkotiki.ru/research_5283.html
5. Российское законодательство X–XX веков. Т. 1. М., 1984. С. 213–217.
6. Коваленко К.Ю. Противодействие преступлениям, совершаемым на объектах фармацевтического рынка: уголовно-правовые и криминологические меры: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н.Новгород, 2007. С. 11
7. Заблудовский П.Е. История медицины и здравоохранения. М., 1966. С. 25.

8. Бертенсон Л.Б. Несколько слов о знахарском и шарлатанском врачевании и о германском законопроекте, направленном к ограничению вреда от такого врачевания // Журнал русского общества охраны народного здоровья. 1911. № 2. С. 1–11.
9. Российское законодательство. Т. 2. М., 1985. С. 369–371.
10. Дьяков С.В. Государственные преступления (против основ конституционного строя и безопасности государства) и государственная преступность. М., 1999. С. 74.
11. Фисюн В.В. Противодействие незаконному обороту лекарственных средств и фармацевтических препаратов (уголовно-правовой и криминологический аспекты): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. С. 10.
12. Полное собрание законов Российской империи с 1649 г. (ПСЗРИ). Т. IV. 1700 – 1712, ст. 1879. СПб. 1830. С. 177.
13. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. Т. V. № 3203.
14. Аптекарский устав Российской империи // <http://nvkzapteki.ru/224-aptekarskiy-ustav-rossiyskoy-imperii.html>
15. ЦГИАМ СССР. Ф. I. Оп. 1. Д. 511 // www.narkotiki.ru/research/5284.html.
16. Свод законов уголовных: Изд. 2-е. СПб., 1915.

С.В. ЗАВАЛИЕВ

*аспирант кафедры уголовного права и криминологии
Кубанского государственного университета*

S.V. ZAVALIEV

*postgraduate of the Department of Criminal Law and Criminology
Kuban State University*

АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ КАК СОСТАВНАЯ ЧАСТЬ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ НАРОДОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ARCHAEOLOGICAL HERITAGE AS AN INTEGRAL PART OF CULTURAL HERITAGE OF THE PEOPLES OF THE RUSSIAN FEDERATION

Аннотация. В статье представлен анализ археологического наследия как предмета преступлений, его соотношения с культурным наследием. Автором разработан комплекс отличительных признаков, свойственных археологическому наследию.

Ключевые слова: культурное наследие, археологическое наследие, предмет преступления, отличительные признаки археологического наследия.

Annotation. The article presents the analysis of the archaeological heritage as a subject of crime, its relationship to cultural heritage. The author developed a set of distinctive characteristics of the archaeological heritage.

Key words: cultural heritage, archaeological heritage, the subject of crime, the distinctive features of archaeological heritage.

Чтобы оценить соотношение археологического и культурного наследия народов Российской Федерации, следует проанализировать сущность данных явлений, рассмотрев при этом положения действующего законодательства, а также мнения ученых по этому вопросу.

В настоящее время археологическое наследие относится к одному из видов культурного наследия народов Российской Федерации, вследствие чего видится необходимым разобраться с содержанием такого явления, как «культура». Дать полное, исчерпывающее и универсальное определение термину культура крайне сложно. Чаще всего понятие «культура» определяется как «совокупность материальных и духовных ценностей». Так,

например, в культурологии чаще всего изучают культуру с позиции аксиологической школы, рассматривающую ее как совокупность ценностей.

Определение понятия «ценности», получившее наибольшее признание, было сформулировано советским философом В.П. Тугариновым. Он определял ценности как «предметы, явления и их свойства, которые нужны людям определённого общества или класса или отдельной личности в качестве средства удовлетворения их потребностей и интересов, а также – идеи и побуждения в качестве нормы, цели или идеала» [1].

Отсюда следует, что ценностью является то, что ценится человеком, в чем он нуждается, испытывая необходимость в удовлетворении собственных потребностей. Уместно привести здесь высказывание М. Вебера: «Понятие культуры есть ценностное понятие... культура охватывает те и только те компоненты действительности, которые в силу отнесения к ценности становятся значимыми для нас» [2].

Полагаем целесообразным рассматривать понятия культуры и культурных ценностей с позиции именно этого направления. Как следует из изложенного ранее, фундаментальным началом культуры являются ценности, определяемые применительно к рассматриваемой проблеме как культурные и археологические ценности.

В своей совокупности культурные ценности составляют культурное наследие, определение которого дано Основах законодательства Российской Федерации о культуре [3]. Так, в ст. 3 Основ сказано, что культурное наследие народов Российской Федерации – это материальные и духовные ценности, созданные в прошлом, а также памятники и историко-культурные территории и объекты, значимые для сохранения и развития самобытности Российской Федерации и всех ее народов, их вклада в мировую цивилизацию.

В связи с этим В.В. Кулыгин замечает, что «в широком философском смысле это понятие (культурные ценности) охватывает как материальные объекты, так и продукты духовной деятельности» [4]. Такое понимание археологических и культурных ценностей неприемлемо для уголовного права, поэтому в праве и юридической науке культурными и археологическими ценностями признаются лишь материальные объекты культуры. Это не значит, что духовные ценности не являются предметом правового регулирования. Они охраняются правом, прежде всего как интеллектуальная собственность, но иными его отраслями. Таким образом, в интересующем нас контексте археологическим и культурными ценностями будут являться лишь материально выраженные объекты и предметы.

Определение таких «материальных объектов и предметов» четко сформулировано в Федеральном законе от 25.06.2002 г. № 73-ФЗ (ред. от 8 марта 2015 г.) «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» [5] (далее Закон об ОКН). Он даёт исчерпывающее определение и однозначно устанавливает взаимосвязь объектов культурного и археологического наследия.

Так, ст. 3 этого Закона определяет объекты культурного наследия (памятники истории и культуры) народов Российской Федерации как объекты недвижимого имущества (включая объекты археологического наследия) и иные объекты с исторически связанными с ними территориями, произведениями живописи, скульптуры, декоративно-прикладного искусства, объектами науки и техники и иными предметами материальной культуры, возникшие в результате исторических событий, представляющие собой ценность с точки зрения истории, археологии, архитектуры, градостроительства, искусства, науки и техники, эстетики, этнологии или антропологии, социальной культуры и являющиеся свидетельством эпох и цивилизаций, подлинными источниками информации о зарождении и развитии культуры.

Под объектами археологического наследия понимаются частично или полностью скрытые в земле или под водой следы существования человека в прошлых эпохах (включая все связанные с такими следами археологические предметы и культурные слои), ос-

новным или одним из основных источников информации о которых являются археологические раскопки или находки. Объектами археологического наследия являются, в том числе, городища, курганы, грунтовые могильники, древние погребения, селища, стоянки, каменные изваяния, стелы, наскальные изображения, остатки древних укреплений, производств, каналов, судов, дорог, места совершения древних религиозных обрядов, отнесенные к объектам археологического наследия культурные слои.

Таким образом, из указанных положений названного закона можно сделать однозначный вывод о том, что объекты археологического наследия являются составной частью объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации и соотносятся между собой как часть и целое и неотделимы друг от друга. Уместным здесь будет вспомнить слова Аристотеля, о том, что «целым называется то, у чего не отсутствует ни одна из тех частей, состоя из которых, оно именуется целым от природы, а также то, что так объемлет объемлемые им вещи, что последние образуют нечто одно» [6].

Однако в то же время законодательство постоянно приходится дополнять пунктами, касающимися объектов археологического наследия, что косвенно свидетельствует об их нетождественности другим объектам культурного наследия, что также подчёркивается в самом Законе об ОКН, где объекты археологического наследия выделены законодателем в отдельную группу. Всё это связано с тем, что они являются объектами культурного наследия особого рода. Они и связанные с ними предметы материальной культуры относятся к отдельной категории. Как и другие объекты культурного наследия, археологические объекты могут быть представлены в виде отдельных памятников, ансамблей и достопримечательных мест. В то же время объекты археологического наследия обладают рядом особенностей, выделяющих их из ряда других объектов культурного наследия, ввиду чего стоит рассмотреть присущие им отличительные признаки.

Первый отличительный признак объекта археологического наследия – это то, что, несмотря на прямое положение Закона об ОКН о том, что объекты культурного наследия являются недвижимым имуществом (ст. 3), объекты археологического наследия могут быть как недвижимыми, так и движимыми культурными ценностями, что выделяет их в совершенно особую группу памятников истории и культуры.

При этом, в основном, движимые археологические ценности обнаруживаются при раскопках на недвижимых объектах археологического наследия. Закон об ОКН понимает под такими ценностями «археологические предметы» и определяет их как движимые вещи, основным или одним из основных источников информации о которых независимо от обстоятельств их обнаружения являются археологические раскопки или находки, в том числе предметы, обнаруженные в результате таких раскопок или находок.

Вторым отличием является то, что границы объекта археологического наследия определяются на основании археологических полевых работ, в то время как границы территории объекта культурного наследия определяются проектом границ территории объекта культурного наследия на основании архивных документов, в том числе исторических поземельных планов, и научных исследований с учетом особенностей каждого объекта культурного наследия, включая степень его сохранности и этапы развития (ст. 3¹ Закона об ОКН).

Третий отличительный признак проявляется в том, объекты культурного наследия по категории историко-культурного значения и ценности относятся к объектам федерального, регионального и местного (муниципального) значения, в то время как все объекты археологического наследия относятся исключительно к федеральному уровню (ст. 4 Закона об ОКН).

Четвертый признак касается порядка выявления и признания объектов археологического наследия путем внесения их в единый государственный реестр объектов культурного наследия, от чего также зависит и момент начала осуществления в отношении них государственной охраны. Согласно ст. 16¹ Закона об ОКН выявленный объект культурного наследия подлежит государственной охране в соответствии с настоящим Федеральным законом до принятия решения о включении его в реестр либо об отказе во включении его в реестр. Дело в том, что момент и способ выявления объектов археологического и культурного наследия определяется по-разному. Так, объекты археологического наследия считаются выявленными объектами культурного наследия со дня их обнаружения лицом, получившим разрешение (открытый лист) на проведение работ по выявлению и изучению объектов археологического наследия (ч.16 ст. 16¹ Закона об ОКН).

В то же время объект, обладающий признаками объекта культурного наследия, в отношении которого в региональный орган охраны объектов культурного наследия поступило заявление о его включении в реестр, является выявленным объектом культурного наследия со дня принятия региональным органом охраны объектов культурного наследия решения о включении такого объекта в перечень выявленных объектов культурного наследия (ч. 5 ст. 16¹ Закона об ОКН). Данные положения свидетельствуют о том, что момент возникновения отношения по государственной охране археологических объектов перенесён на более ранний период и возникает с момента их непосредственного обнаружения.

Пятый отличительный признак касается возраста объектов археологического и культурного наследия, достигнув которого, они могут признаваться таковыми, а также быть включенными в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации. Согласно ч. 12 ст. 18 Закона об ОКН в реестр могут быть включены выявленные объекты культурного наследия, со времени возникновения или с даты создания которых либо с даты исторических событий, с которыми такие объекты связаны, прошло не менее сорока лет (за исключением мемориальных квартир и мемориальных домов, которые связаны с жизнью и деятельностью выдающихся личностей, имеющих особые заслуги перед Россией, и которые могут быть отнесены к объектам культурного наследия до истечения указанного срока после смерти таких лиц). Включению в реестр подлежат объекты археологического наследия, с момента возникновения которых прошло не менее ста лет. Данная норма говорит о том, что для объектов археологического наследия законодатель установил более высокую временную границу, преодолев которую они могут признаваться таковыми и быть включенными в единый государственный реестр.

Шестой признак заключается в том, что все объекты археологического наследия, а также все археологические предметы, залегающие на поверхности земли, в земле или под водой, находятся исключительно в государственной собственности (3 ст. 49 Закона об ОКН) и отчуждению нее не подлежат (1 ст. 50 Закона об ОКН). А объекты культурного наследия независимо от категории их историко-культурного значения могут находиться в федеральной собственности, собственности субъектов Российской Федерации, муниципальной собственности, частной собственности, а также в иных формах собственности, если иной порядок не установлен федеральным законом (1 ст. 48 Закона об ОКН). Кроме того, земельные участки или участки водного объекта, в границах которых располагается объект археологического наследия, ограничены в обороте. Согласно Земельному кодексу РФ (далее – ЗК РФ) они не предоставляются в частную собственность (ст. 27 ЗК РФ).

Интересным является и тот факт, что объект археологического наследия и земельный участок, в пределах которых он располагается, находятся в гражданском обороте раздельно (ч. 2 ст. 49 ЗК РФ). При этом земельные участки в границах объекта археологиче-

ского наследия согласно ст. 94 ЗК РФ относятся к землям историко-культурного назначения. Согласно этой же статье в пределах земель историко-культурного назначения вводится особый правовой режим использования земель, ограничивающий или запрещающий деятельность, не совместимую с основным назначением этих земель, в случае же с объектом археологического наследия основное назначение – это его сохранение и использование. На землях историко-культурного назначения, в том числе землях объектов археологии, подлежащих исследованию и консервации, согласно ЗК РФ может быть запрещена любая хозяйственная деятельность (ч.3 ст. 99 ЗК РФ). Данные земли могут быть изъяты у землепользователя в случае использования их не по целевому назначению, в том случае если землепользователь не выполняет требований к сохранению археологического объекта или совершает действия, угрожающие сохранности данного объекта и влекущие утрату им своего значения (ч.3 ст. 99 ЗК РФ; ч.1 ст. 54 Закона об ОКН).

Подводя итоги анализу соотношения археологического и культурного наследия, важно отметить, что именно те отличия, которые устанавливает законодатель для объектов археологического наследия, помогают выделить в самостоятельную группу преступления, которые посягают на археологические ценности. Хотя такие составы преступлений и разбросаны по разным разделам уголовного закона, а статьи, предусматривающие ответственность за совершение преступлений против археологического наследия, защищают в зависимости от их расположения в той или иной главе и разделе УК отличные общественные отношения, ключевым, базовым понятием в данных составах выступает предмет преступного посягательства, отличающийся таким специфическим признаком, как археологическая ценность. Он и предопределяет их выделение в самостоятельные составы.

Литература:

1. Тугаринов В. П. Теория ценностей в марксизме. Л., 1968. С. 11.
2. Вебер М. Объективность познания в области социальных наук и социальной политики // Культурология. XX век: антология. М., 1995. С. 571.
3. http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_165970/#p54 // Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. № 46. Ст. 2615.
4. Кулыгин В.В. Уголовно-правовая охрана культурных ценностей. М., 2006. С. 25.
5. Федеральный закон от 25.06.2002 г. № 73-ФЗ (ред. от 8 марта 2015 г.) «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2002. № 26. Ст. 2519; http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_170121/.
6. Новая философская энциклопедия // <http://iph.ras.ru/elib/3372.html>.

Е.С. ИЛИКБАЕВА
*студентка магистратуры юридического факультета
Кубанского государственного университета*

E.S. ELIKBAEVA
*master's student of law faculty
Kuban state University*

**ОБРАЩЕНИЕ ФАЛЬСИФИЦИРОВАННЫХ, НЕДОБРОКАЧЕСТВЕННЫХ И
НЕЗАРЕГИСТРИРОВАННЫХ ЛЕКАРСТВЕННЫХ СРЕДСТВ, МЕДИЦИНСКИХ
ИЗДЕЛИЙ И ОБОРОТ ФАЛЬСИФИЦИРОВАННЫХ БИОЛОГИЧЕСКИ
АКТИВНЫХ ДОБАВОК: К ВОПРОСУ ОБ УГОЛОВНО-ПРАВОВОМ
СОДЕРЖАНИИ**

**CIRCULATION OF COUNTERFEIT, SUBSTANDARD AND UNREGISTERED
MEDICINES, MEDICAL DEVICES AND THE TURNOVER OF COUNTERFEIT
DIETARY SUPPLEMENTS: THE ISSUE OF CRIMINAL LEGAL CONTENT**

Аннотация. В статье представлен уголовно-правовой анализ состава обращения фальсифицированных, недоброкачественных и незарегистрированных лекарственных средств, медицинских изделий и оборота фальсифицированных биологически активных добавок (ст. 238¹ УК РФ).

Ключевые слова: фальсификация лекарственных препаратов, недоброкачественные и незарегистрированные лекарственные средства, биологически активные добавки, состав преступления, производство, сбыт, ввоз на территорию Российской Федерации.

Annotation. The article presents criminal-legal analysis of the circulation of falsified, substandard and unregistered medicines, medical devices and trafficking of counterfeit dietary supplements (article 238¹ of the Criminal code).

Key words: adulteration of drugs, substandard and unregistered medicines, biologically active additives, the crime, the production, sale, import to the Russian Federation.

Вопрос противодействия фальсификации лекарственных препаратов и обороту на территории России таких средств в настоящее время достаточно актуален, поскольку данный вид преступлений, судя по статистическим данным, набирает обороты.

Кроме того, следует отметить, что преступная деятельность по фальсификации лекарственных препаратов негативно влияет на отношения сертификации и стандартизации в сфере государственной фармакологии, на экономические отношения, на нормальный порядок деятельности финансовой системы государства, на законный оборот лекарственных препаратов, на безопасное и качественное лечение, а также на здоровье и жизнь граждан Российской Федерации.

Проблема противодействия изготовлению и распространению фальсифицированных лекарственных препаратов в настоящее время является актуальной во всех странах. По информации Всемирной организации охраны здоровья, количество фальсифицированных лекарственных препаратов во всем мире увеличивается из года в год, и Российская Федерация не является исключением.

Фальсифицированное фармацевтическое производство становится одним из наиболее выгодных и прибыльных видов нелегального бизнеса после незаконной торговли оружием и наркотиками.

Зарубежный опыт свидетельствует о том, что фальсификация лекарственных препаратов не обязательно должна сопровождаться подделкой их качества, это может быть неправильная маркировка, касающаяся происхождения самого лекарственного препарата.

Фальсифицированные лекарственные препараты могут поставляться в страну контрабандой или изготавливаться на больших фармакологических предприятиях, которые оснащены современным оборудованием и обеспечены соответствующими специалистами.

Принимая во внимание, что норма об уголовной ответственности за названный вид преступной деятельности для Российской Федерации является новой, возникает необходимость проведения анализа состава преступления, предусмотренного ст. 238¹ УК РФ. Эта статья введена в УК Федеральным законом от 31 декабря 2014 г. № 532-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части противодействия обороту фальсифицированных, контрафактных, недоброкачественных и незарегистрированных лекарственных средств, медицинских изделий и фальсифицированных биологически активных добавок».

Основным непосредственным объектом преступления, предусмотренного ст. 238¹ УК РФ, являются общественные отношения в сфере обеспечения здоровья населения в процессе осуществления законного оборота лекарственных препаратов, безопасного и качественного лечения.

Круг дополнительных непосредственных объектов образуют здоровье и жизнь человека, отношения в сфере реализации установленного в целях защиты здоровья населения порядка оборота лекарственных препаратов, сертификации и стандартизации в сфере государственной фармакологии, нормальный порядок деятельности финансовой системы государства.

Порядок оборота лекарственных препаратов на территории Российской Федерации четко регламентирован следующими нормативными актами:

- Федеральным законом от 12 апреля 2010 г. № 61-ФЗ (ред. от 8 марта 2015 г.) «Об обращении лекарственных средств» [1];
- Федеральным законом от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ (ред. от 6 апреля 2015 г.) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» [2];
- Федеральным законом от 16 сентября 1998 г. № 158-ФЗ (ред. от 29 декабря 2010 г.) «О лицензировании отдельных видов деятельности» [3];
- Федеральным законом от 27.12.2002 г. № 184-ФЗ (ред. от 20 апреля 2015 г.) «О техническом регулировании» [4];
- Федеральным законом от 2.01.2000 г. № 29-ФЗ (ред. от 31 декабря 2014 г.) «О качестве и безопасности пищевых продуктов» [5];
- Положением о лицензировании производства лекарственных средств, утвержденным постановлением Правительства РФ от 6 июля 2012 г. № 686
- Правилами ввоза лекарственных средств для медицинского применения на территорию Российской Федерации, утвержденными постановлением Правительства РФ от 29 сентября 2010 г. № 771 (ред. от 15.10.2014 г.) [7];
- Положением о Министерстве здравоохранения Российской Федерации, утвержденным постановлением Правительства РФ от 19 июня 2012 г. № 608 (ред. от 14.03.2015 г.) [8];
- Положением о Федеральной службе по надзору в сфере здравоохранения, утвержденным постановлением Правительства РФ от 30.06.2004 г. № 323 (ред. от 27 декабря 2014 г.) [9];
- Приказом Минздрава РФ от 4.06.2001 г. № 181 «О введении в действие отраслевого стандарта «Система стандартизации в здравоохранении. Основные положения»» [10];
- Приказом Минздрава РФ от 26.03.2001 г. № 88 «О введении в действие отраслевого стандарта «Государственный информационный стандарт лекарственного средства. Основные положения»» [11];

– Приказом Минздрава РФ от 7.02.2000 г. № 45 «О системе мер по повышению качества клинических лабораторных исследований в учреждениях здравоохранения Российской Федерации» [12];

– Приказом Минздрава РФ от 1.11.2001 г. № 388 «О государственных стандартах качества лекарственных средств» [13];

– Национальным стандартом Российской Федерации «Правила производства и контроля качества лекарственных средств», утвержденным постановлением Госстандарта России от 10.03.2004 г. № 160-ст [14];

– Правилами оптовой торговли лекарственными средствами для медицинского применения, утвержденными приказом Минздравсоцразвития РФ от 28 декабря 2010 г. № 1222н [15];

– Отраслевым стандартом «Правила отпуска (реализации) лекарственных средств в аптечных организациях. Основные положения», утвержденным приказом Минздрава РФ от 4.03.2003 г. № 80 [16];

– Положением об информационной системе, обеспечивающей субъекты обращения лекарственных средств необходимой информацией, утвержденным приказом Минздрава РФ от 28.05.2003 г. № 224 [17].

Предметом данного преступления являются фальсифицированные лекарственные препараты. При этом необходимо понимать, что такое лекарственный препарат. Данное понятие определено в п. 1 ст. 4 Федерального закона от 12 апреля 2010 г. № 61-ФЗ «Об обращении лекарственных средств». Это вещества или их комбинации, вступающие в контакт с организмом человека или животного, проникающие в органы, ткани организма человека или животного, применяемые для профилактики, диагностики (за исключением веществ или их комбинаций, не контактирующих с организмом человека или животного), лечения заболевания, реабилитации, для сохранения, предотвращения или прерывания беременности и получения из крови, плазмы крови, из органов, тканей организма человека или животного, растений, минералов методами синтеза или с применением биологических технологий. К лекарственным средствам относятся фармацевтические субстанции и лекарственные препараты.

В соответствии с п. 37 ст. 4 названного Федерального закона фальсифицированным лекарственным средством признается лекарственное средство, сопровождаемое ложной информацией о его составе и (или) производителе.

Для решения вопроса о том, является ли лекарственный препарат фальсифицированным, необходимо четко усвоить понятия «маркировка лекарственного препарата» и «Государственный реестр лекарственных препаратов».

В соответствии со ст. 46 того же Федерального закона маркировка лекарственного препарата – это ведомости, которые наносятся на этикетку, внешнюю и внутреннюю упаковку лекарственного средства. Они должны наноситься хорошо читаемым шрифтом на русском языке, содержать название лекарственного препарата, название и адрес его изготовителя, регистрационный номер, серию; способ применения, дозировку действенного вещества в каждой единице и их количество в упаковке, срок годности; условия хранения, предупредительные надписи.

На основании ст. 1 Федерального закон РФ от 2.01.2000 г. № 29-ФЗ «О качестве и безопасности пищевых продуктов» биологически активные добавки – природные (идентичные природным) биологически активные вещества, предназначенные для употребления одновременно с пищей или введения в состав пищевых продуктов.

На основании п. 2 ст. 4 Федерального закона «Об обращении лекарственных средств» фармацевтические субстанции – лекарственные средства в виде действующих веществ биологического, биотехнологического, минерального или химического происхо-

ждения, обладающие фармакологической активностью, предназначенного для производства, изготовления лекарственных препаратов и определяющие их эффективность.

Государственный реестр лекарственных препаратов Российской Федерации – нормативный документ, который содержит ведомости про лекарственные препараты, разрешенные для производства и применения в медицинской практике.

Объективную сторону преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 238¹ УК РФ, составляют альтернативные формы преступного поведения по фальсификации лекарственных препаратов, а именно:

- производство фальсифицированных лекарственных препаратов, медицинских изделий;
- сбыт фальсифицированных лекарственных препаратов или медицинских изделий;
- ввоз на территорию Российской Федерации фальсифицированных лекарственных препаратов или медицинских изделий;
- производство фальсифицированных биологически активных добавок, содержащих не заявленные при государственной регистрации фармацевтические субстанции;
- сбыт фальсифицированных биологически активных добавок, содержащих не заявленные при государственной регистрации фармацевтические субстанции;
- ввоз на территорию Российской Федерации фальсифицированных биологически активных добавок, содержащих не заявленные при государственной регистрации фармацевтические субстанции.

Производство фальсифицированных лекарственных препаратов образуют действия, направленные на изготовление лекарственных препаратов, количественный и качественный состав которых не отвечает требованиям действующего законодательства в сфере фармацевтического рынка. Производство фальсифицированных лекарственных препаратов образует оконченный состав преступления с момента начала совершения действий, направленных на получения таких средств.

Под сбытом необходимо понимать любые возмездные или безвозмездные формы реализации фальсифицированных лекарственных средств.

Условием ответственности за указанные деяния является совершение их в крупном размере. Согласно примечанию к ст. 238¹ УК таковым признается стоимость лекарственных средств, медицинских изделий или биологически активных добавок в сумме, превышающей сто тысяч рублей.

Субъект рассматриваемого преступления – общий. В связи с характеристикой данного элемента состава читаю необходимым внести дополнения в ст. 238¹ УК РФ и включить в нее указание на такой квалифицирующий признак, как совершение посягательства специальным субъектом. Это обусловливается тем, что в большинстве случаев организаторами данного преступления выступают лица, обладающие специальными навыками в области медицины, т.е. врач, фармацевт и пр.

Субъективная сторона преступления характеризуется прямым умыслом.

Квалифицирующими признаками преступления согласно ч.2 ст. 238¹ УК выступает совершение его группой лиц по предварительному сговору или организованной группой; с причинением по неосторожности причинение тяжкого вреда здоровью либо смерти человека.

Особо квалифицирует посягательство согласно ч. 3 ст. 238¹ УК причинение по неосторожности смерти двум или более лицам.

Литература:

1. Федеральный закон от 12 апреля 2010 г. № 61-ФЗ (ред. от 8 марта 2015 г.) «Об обращении лекарственных средств» // Собрание законодательства РФ. 2010. № 16. Ст. 1815; СПС «КонсультантПлюс».

2. Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ (ред. от 6 апреля 2015 г.) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2011. № 48. Ст. 6724; СПС «КонсультантПлюс».

3. Федеральный закон от 16 сентября 1998 г. № 158-ФЗ (ред. от 29 декабря 2010 г.) «О лицензировании отдельных видов деятельности» // Собрание законодательства РФ. 2001. № 33 (Часть I). Ст. 3430; СПС «КонсультантПлюс».

4. Федеральный закон от 27.12.2002 г. № 184-ФЗ (ред. от 20 апреля 2015 г.) «О техническом регулировании» // Собрание законодательства РФ. 2002. № 52 (часть I). Ст. 5140; СПС «КонсультантПлюс».

5. Федеральный закон от 2.01.2000 г. № 29-ФЗ (ред. от 31 декабря 2014 г.) «О качестве и безопасности пищевых продуктов» // Собрание законодательства РФ. 2000. № 2. Ст. 150; СПС «КонсультантПлюс».

6. Положением о лицензировании производства лекарственных средств: утв. постановлением Правительства РФ от 6 июля 2012 г. № 686 Собрание законодательства РФ. 2012. № 29. Ст. 4116; СПС «КонсультантПлюс».

7. Правила ввоза лекарственных средств для медицинского применения на территорию Российской Федерации: утв. постановлением Правительства РФ от 29 сентября 2010 г. № 771 (ред. от 15.10.2014 г.) // Собрание законодательства РФ. 2010. № 41 (2 ч.). Ст. 5235; СПС «КонсультантПлюс».

8. Положение о Министерстве здравоохранения Российской Федерации: утв. постановлением Правительства РФ от 19 июня 2012 г. № 608 (ред. от 14.03.2015 г.) // Собрание законодательства РФ. 2012. № 26. Ст. 3526; СПС «КонсультантПлюс».

9. Положение о Федеральной службе по надзору в сфере здравоохранения: утв. постановлением Правительства РФ от 30.06.2004 г. № 323 (ред. от 27 декабря 2014 г.) // Собрание законодательства РФ. 2004. № 28. Ст. 2900; СПС «КонсультантПлюс».

10. Приказ Минздрава РФ от 4.06.2001 г. № 181 «О введении в действие отраслевого стандарта «Система стандартизации в здравоохранении. Основные положения»» // СПС «КонсультантПлюс».

11. Приказ Минздрава РФ от 26.03.2001 г. № 88 «О введении в действие отраслевого стандарта «Государственный информационный стандарт лекарственного средства. Основные положения»» // СПС «КонсультантПлюс».

12. Приказ Минздрава РФ от 7.02.2000 г. № 45 «О системе мер по повышению качества клинических лабораторных исследований в учреждениях здравоохранения Российской Федерации» // Здравоохранение. 2000. № 6, № 7.

13. Приказ Минздрава РФ от 1.11.2001 г. № 388 «О государственных стандартах качества лекарственных средств» // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2001. № 49.

14. Национальный стандарт Российской Федерации «Правила производства и контроля качества лекарственных средств», утвержденным постановлением Госстандарта России от 10.03.2004 г. № 160-ст // <http://www.zakonprost.ru/content/base/part/394451>.

15. Правила оптовой торговли лекарственными средствами для медицинского применения: утв. приказом Минздравсоцразвития РФ от 28 декабря 2010 г. № 1222н // Российская газета. 2011. 11 февраля.

16. Отраслевой стандарт «Правила отпуска (реализации) лекарственных средств в аптечных организациях. Основные положения»: утв. приказом Минздрава РФ от 4.03.2003 г. № 80 // <http://www.farmcom.ru/apteka/dokumenty-dlya-aptek/neobxodimie/prikaz-minzdrava-rf-ot-4-marta-2003-g-n-80-ob-utverjdenii-otraslevogo-standarta-pravila-otpuska-realizacii-lekarstvennix-sredstv-v-aptechnix-organizacijax-osnovnie-polojeniya>.

17. Положение об информационной системе, обеспечивающей субъекты обращения лекарственных средств необходимой информацией: утв. приказом Минздрава РФ от 28.05.2003 г. № 224 // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2003. № 37.

II Раздел:
«Правовое регулирование правоохранительной деятельности в сфере обеспечения безопасности личности, общества и государства»

А.Н. АУЛОВ

*аспирант кафедры уголовного права и криминологии
Кубанского государственного университета*

A.N. AULOV

*postgraduate student of the Department of criminal law and criminology
Kuban state University*

**КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРЕСТУПЛЕНИЙ
ТЕРРОРИСТИЧЕСКОГО ХАРАКТЕРА В РОССИИ**

**CRIMINOLOGICAL CHARACTERISTICS OF CRIMES OF TERRORIST
NATURE IN RUSSIA**

Аннотация. В статье представлена криминологическая характеристика преступлений, связанных с осуществлением террористической деятельности, в России: определено их состояние, динамика, а также основные их характерные черты, что необходимо для построения модели профилактики терроризма.

Ключевые слова: терроризм, террористический акт, преступления террористического характера, террористическое сообщество, противодействие терроризму.

Annotation. The article presents the criminological characteristics of crimes related to terrorist activities in Russia: to determine the status, dynamics as well as their main characteristics, that is needed to build the model of prevention of terrorism.

Key words: terrorism, terrorist act, terrorist offences, terrorist groups, counter-terrorism.

Проблема террористической угрозы приобрела в XX в. характер общемировой глобальной угрозы. Нарастающими темпами развиваются преступления террористического характера и в нынешнем веке. По данным организации MIPT Terrorism Knowledge Base (ТКВ), на долю пятерки стран, наиболее пострадавших от терроризма (это Ирак, Пакистан, Афганистан, Индия и Йемен), приходится 90% терактов в мире. Вслед за ними идут Сомали, Нигерия, Таиланд и Россия, а замыкают десятку Филиппины. Наибольшее количество террористических атак отмечалось с 2005 по 2009 г.г. в Ираке. На Пакистан, Индию и Афганистан за этот период пришлось примерно по 10% террористической активности, а на Таиланд, Филиппины и Россию – в среднем по 4% [1]. За минувшие десять лет лишь 31 страна не сталкивалась с проблемами терроризма. Начиная с 11 сентября 2001 г., число террористических актов с каждым годом увеличивалось более чем в четыре раза и достигло своего пика в 2007 г., в разгар конфликта в Ираке. Вместе с тем нельзя не отметить, что усилия государств, направленные на противодействие террористической угрозе, не позволяют терроризму полностью поглотить мировое пространство. Так, в 2011 г. в терактах по всему миру погибли 7473 человека, что на 25% меньше, чем в 2007 г. [2]

«Терроризм, – пишет М. Болтунов, – обрел черты наступательности, высокой технической оснащенности, отличается изощренностью и жестокостью» [3].

В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года отмечается, что среди основных источников угроз национальной безопасности – «деятельность террористических организаций, группировок и отдельных лиц, направленная на насильственное изменение основ конституционного строя РФ, дезорганизацию нормального функ-

ционирования органов государственной власти (включая насильственные действия в отношении государственных, политических и общественных деятелей), уничтожение военных и промышленных объектов, предприятий и учреждений, обеспечивающих жизнедеятельность общества, устрашение населения, в том числе путем применения ядерного и химического оружия либо опасных радиоактивных, химических и биологических веществ ...» [4].

Исследователи международного Института экономики и мира в 2014 г. включили Россию в первую десятку стран с наиболее высоким уровнем террористической угрозы. По итогам 2010 г. Россия занимала седьмую позицию в индексе, в 2011-12 г. – девяную из 158 [5].

Руководитель Следственного комитета РФ еще в 2009 г. заявил, что терроризм в России, к сожалению, становится явлением все более обыденным [6].

Свидетельствуют о неблагоприятном положении дел и данные официальной статистики МВД России: в 2008 г. было зарегистрировано 642 преступления террористического характера, в 2009 г. – 654, в 2010 г. – 779, в 2011 г. – 365, в 2012 г. – 637, в 2013 г. – 661. Беспрецедентный рост этих преступлений был отмечен в 2014 г. – 1127 (+70,5%) [7].

По данным Национального антитеррористического комитета, с 2008 г. в России наблюдается устойчивая тенденция роста и террористических актов.

Так, в 2008 г. было зафиксировано 2 террористических акта: (Республика Северная Осетия – Алания (подрыв 6 ноября террористом-смертником маршрутного такси в г. Владикавказе: погибли – 12, ранены – 43 человека) и Республика Дагестан (вооруженное сопротивление членов бандподполья в ходе проведения контртеррористической операции в г. Махачкале; погибших и раненых нет).

В 2009 г. – 6 террористических актов с использованием взрывных устройств (подрыв транспортных средств – 4; подрыв сотрудников силовых ведомств при исполнении ими своих должностных обязанностей – 1; подрыв мест дислокации войсковых частей, отделов внутренних дел, контрольно-пропускных пунктов на федеральных трассах – 1). В Чеченской Республике совершено 2 теракта (погибли – 4, ранены – 6 человек), из которых 1 совершил террорист-смертник; в Республике Дагестан – 2 теракта (пострадавших нет); в Республике Ингушетия – 1 теракт (погибли – 4, ранены – 7 человек); в Тверской области – 1 теракт (погибли – 26, ранены – 96 человек).

В 2010 г. совершено 23 террористических акта, в том числе с использованием взрывных устройств (подрыв транспортных средств – 9; подрыв сотрудников силовых ведомств, при исполнении ими своих должностных обязанностей – 3; подрыв мест дислокации войсковых частей, отделов внутренних дел, контрольно-пропускных пунктов на федеральных трассах – 3; подрыв в местах массового пребывания людей – 6; подрыв критически важных объектов инфраструктуры – 1), с использованием огнестрельного оружия (обстрел сотрудников силовых ведомств, при исполнении ими своих должностных обязанностей) – 1. Террористические акты совершены в г. Санкт-Петербурге – 1 теракт (1 человек ранен); г. Москве – 2 теракта (погибли – 40, ранены – 88 человек) двумя террористками-смертницами. В Республике Дагестан – 11 терактов (погибли 20, ранены – 132 человека), из них 4 совершили террористы-смертники; в Республике Ингушетия – 2 теракта (погибли 2, ранены – 11 человек), в том числе 1 совершил террорист-смертник; в Кабардино-Балкарской Республике – 1 теракт (погиб 1, ранены – 29 человек); в Ставропольском крае – 3 теракта (погибли 7, ранен – 71 человек); в Республике Северная Осетия-Алания – 1 теракт (погибли 19, ранены – 182 человека), совершенный террористом-смертником; в Краснодарском крае – 1 теракт (пострадавших нет); в г. Орел – 1 теракт (пострадавших нет).

В 2011 г. совершено 10 террористических актов с использованием взрывных устройств (подрыв сотрудников силовых ведомств, при исполнении ими своих должностных

обязанностей – 2; подрыв мест дислокации войсковых частей, ОВД, КПП на федеральных трассах – 2; подрыв в местах массового пребывания людей – 5) и с применением огнестрельного оружия (обстрел сотрудников силовых ведомств при исполнении ими своих должностных обязанностей – 1). В Республике Дагестан совершено 6 терактов (погибли 12, ранены – 125 человек), из которых 2 совершили террористы-смертники; в Чеченской Республике – 2 теракта (погибли 9, ранены – 22 человека), из них один совершен 3 террористами-смертниками; в Московской области – 1 теракт (погибли 36, ранен – 191 человек), совершенный террористом-смертником; в Хабаровском крае – 1 теракт (ранен 1 человек) [8].

Характерные черты преступлений террористического характера в РФ следующие:

- во-первых, терроризм в России имеет ярко выраженный сезонный характер. Активизация террористической деятельности происходит в весенне-летний период. Об этом свидетельствует тот факт, что в 2009 г. всплеск террористических проявлений наблюдался в мае (307) и августе (424). В то время как в январе этого года было совершено 35 преступлений террористического характера [9]. Только в июне в г. Махачкале убиты министр внутренних дел Республики Дагестан А. Магомедтагиров (5 июня), заместитель председателя Правительства Республики Ингушетия Б. Аушев (13 июня). 22 июня в Республике Ингушетия совершено покушение на Президента республики Ю.-Б. Евкурова, получившего тяжелые ранения;

- во-вторых, террористические преступления в РФ обладают ярко выраженной географией. Основной зоной их локализации остается Северный Кавказ, Москва и Московская область. «На Северном Кавказе все еще сохраняется чудовищный уровень коррупции и расслоения в обществе. Все это является идеальной питательной средой для самого разного рода радикальных движений», – сказал эксперт в беседе с Би-би-си [10]. Кроме того, Россия граничит с государствами Центральной Азии, в которых активно действуют радикальные группировки, спонсируемые из Катара и Саудовской Аравии. По данным ФСБ России, 80% всех терактов на Северном Кавказе приходится на Дагестан и Кабардино-Балкарию [10]. Им свойственна распространенность в крупных городах и областных центрах;

- в-третьих, на протяжении последних 6 лет в России наблюдается устойчивая тенденция роста преступлений террористического характера;

- в-четвертых, прослеживается ярко выраженная локализация террористических преступлений: для Северного Кавказа характерно совершение террористических актов в местах дислокации силовых ведомств, для террористических актов, совершаемых за пределами Северного Кавказа, – в местах массового скопления гражданского населения (метро, общественный транспорт, рынки); местам общественного пользования, административные здания;

- в-пятых, основными способами совершения террористических актов в России являются подрыв стационарного взрывного устройства, подрыв террориста-смертника, применение огнестрельного оружия;

- в-шестых, преступления террористического характера совершаются лицами молодого возраста, которые в силу своей социальной неустроенности, ограниченности социальных возможностей реализации личностного потенциала, под влиянием профессиональных проповедников-сектантов вовлекаются в финансируемые зачастую зарубежными спецслужбами террористические организации;

- в-седьмых, в России подавляющее большинство террористических преступлений совершается организованными террористическими сообществами, отличительной чертой которых выступает объединение лиц на религиозной основе; их субъектов отличает владе-

ние профессиональными навыками военного дела; высокий уровень наркотизации и получение материального вознаграждения за террористическую деятельность.

Приведенные выводы позволяют определить вектор построения деятельности по противодействию терроризму в РФ. В этой связи особо следует подчеркнуть, что уповать лишь на репрессивные меры противодействия терроризму нельзя. Прежде всего, необходимо переходить к адекватной политике социального развития регионов и формирования государственной национальной политики. Нельзя не обратить внимания на определенные шаги, предпринимаемые государством в указанном направлении. Так, в 2015 г. в России создано агентство по делам национальностей [11]. В п. 2 Указа Президента РФ определены его функции, содержание которых вселяет определенный оптимизм:

а) выработка и реализация государственной национальной политики, нормативно-правовое регулирование и оказание государственных услуг в сфере государственной национальной политики;

б) осуществление мер, направленных на укрепление единства многонационального народа Российской Федерации (российской нации), обеспечение межнационального согласия, этнокультурного развития народов Российской Федерации, защиты прав национальных меньшинств и коренных малочисленных народов Российской Федерации;

в) взаимодействие с национально-культурными автономиями, казачьими обществами и иными институтами гражданского общества;

г) разработка и реализация государственных и федеральных целевых программ в сфере межнациональных отношений;

д) контроль за реализацией государственной национальной политики;

е) осуществление государственного мониторинга в сфере межнациональных и межконфессиональных отношений;

ж) профилактика любых форм дискриминации по признакам расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности;

з) предупреждение попыток разжигания расовой, национальной и религиозной розни, ненависти либо вражды.

В условиях все возрастающих внешних угроз, нескрываемого стремления определенных зарубежных групп дестабилизировать обстановку в России с упором на национальные элиты национальная политика приобретает первостепенное значение, в том числе и для профилактики преступлений террористического характера.

Литература:

1. <http://www.rg.ru/2012/12/05/terrorism-site.html>.
2. <http://www.rg.ru/2012/12/05/terrorism-site.html>.
3. Болтунов М. «Альфа» - смерть террору. М., 2003. С. 7.
4. <http://www.rg.ru/2012/12/05/terrorism-site.html>.
5. <http://www.rg.ru/2012/12/05/terrorism-site.html>.
6. <http://www.kapital-rus.ru/index.php/articles/article/175472>.
7. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации, в том числе в Крымском федеральном округе за январь - декабрь 2014 года // <https://mvd.ru/reports/item/2994866/>.
8. http://antiterror.ru/in_russia/81051648.
9. Журавель В. 2008 – 2012 годы: состояние и тенденции борьбы с терроризмом в России // Мир и политика. 2012. № 10 // <http://www.intelros.ru/readroom/mir-i-politika/mp-10-2012/16858-2008-2012-gody-sostoyanie-i-tendencii-borby-s-terrorizmom-v-rossii.html>.
10. http://www.bbc.co.uk/russian/russia/2012/12/121211_russia_high_terrorism_level.
11. Указ Президента РФ от 31.03.2015 № 168 «О Федеральном агентстве по делам национальностей» // <http://www.pravo.gov.ru>, 1.04.2015 г.

М.Е. БЕГЛАРЯН

*к.ф.-м.н., доцент, зав. каф. социально-гуманитарных и
естественнонаучных дисциплин СКФ ФГБОУВО «РГУП»*

Е.А. ПИЧКУРЕНКО

к.пед.н., доцент, зав. каф. математики и информатики

НЧОУ ВПО КСЭИ

M.E. BEGLARYAN

*Ph.D., Associate Professor, Head. KAF. social, humanitarian and
natural sciences GFR FGBOUVO "RPMU"*

E.A. PICHKURENKO

candidate of pedagogical sciences, Associate Professor,

Head. KAF. Mathematics and Computer Science

NCHOU VPO KSEI

БЕЗОПАСНОСТЬ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

SECURITY OF PERSONAL DATA IN MODERN RUSSIA

Аннотация. Безопасность персональных данных в России является актуально в свете внесения существенных изменений в Федеральный Закон № 152 «О персональных данных», которые должны усилить контроль над базами данных о гражданах России, ужесточить ответственность за нарушения в этой сфере. Измененный закон существенным образом затронет иностранные компании, имеющие доступ к персональным данным россиян.

Ключевые слова: дата-центр, доступ к персональным данным, информационное общество, персональные данные, право на использование, федеральный закон.

Annotation. Security of personal data in Russia is important nowadays of significant changes in the Federal Law № 152 "On Personal Data", which should strengthen the control over the database of the Russian people to toughen the penalties for violations in this area. The new law affect foreign companies that have access to the personal data of the Russians.

Key words: data-center, access to personal data, information society, personal data, right to use, federal law.

Согласно Конституции Российской Федерации главной ценностью государства является человек и его жизнь. Российское государство строит не только демократическое общество, а также информационное общество. В данный момент, учитывая развитие информационных технологий, компьютерной техники, средств связи и передачи информации, необходимо понимать степень рисков при обеспечении защиты сферы частной жизни гражданина.

В ч. 1 статьи 24 Конституции РФ содержится норма, согласно которой «сбор, хранение и распространение информации о частной жизни лица без его согласия не допускается». Данное положение Конституции РФ имеет фундаментальный, системообразующий характер. Здесь заложено определение смысла и содержания многих нормативно-правовых актов разного уровня, выделяющих категории «частная жизнь», «персональные данные», «конфиденциальная информация».

Понимание важности категории «персональные данные», прежде всего, связано с современными автоматизированными системами обработки и хранения информации, компьютерными базами данных, к которым возможен как правомерный, так и неправомерный удаленный доступ через технические каналы связи. Именно эти системы сделали революцию в вопросах систематизирования, структурирования и хранения данных, но и создали

прецеденты нарушения конфиденциального режима для сведений персонального характера.

Российское государство сделало много в законодательной и исполнительной областях комплексного подхода к обеспечению защиты персональных данных. В этой связи особенно важно, чтобы вырабатываемый подход охватывал весь спектр проблем от юридических вопросов до технической составляющей. Необходимо обеспечить надежную защиту информационных систем, упорядочить общественные информационно-правовые отношения.

Рассмотрим комплект законов и подзаконных актов, которые были приняты за последние годы и стоят на страже персональных данных наших граждан, например:

- Федеральный закон (далее ФЗ) от 27 июля 2006 г. N 152-ФЗ "О персональных данных" (с изменениями и дополнениями)
- постановление Правительства РФ от 21.03.2012 № 211 "Об утверждении перечня мер, направленных на обеспечение выполнения обязанностей, предусмотренных Федеральным законом "О персональных данных" изменениям, внесенным Федеральным законом от 07.05.2013 № 99, и принятыми в соответствии с ним нормативными правовыми актами, операторами, являющимися государственными или муниципальными органами"
- постановление Правительства РФ от 01.11.2012 № 1119 "Об утверждении требований к защите персональных данных при их обработке в информационных системах персональных данных",
- приказ Роскомнадзора от 15.03.2013 № 274, определившего перечень стран, обеспечивающих адекватную защиту прав субъектов персональных данных, и другим нововведениям.
- приказ ФСТЭК России от 18.02.2013 № 21 "Об утверждении Состав и содержания организационных и технических мер по обеспечению безопасности персональных данных при их обработке в информационных системах персональных данных".

ФЗ «О персональных данных» принес в жизнь важные положения для государства, бизнеса, работодателей и судебной власти.

Рассмотрим статью 5 «Принципы обработки персональных данных», в которой говорится, что «обработка персональных данных должна ограничиваться достижением конкретных, заранее определенных и законных целей. Не допускается обработка персональных данных, несовместимая с целями сбора персональных данных». На практике это означает, что до получения сведений персонального характера, необходимо уведомить граждан о том, для чего эти сведения понадобились и, что с ними будут делать. Изменение целей требует уведомления их владельцев.

Закон указывает, что хранить данные необходимо «не дольше, чем этого требуют цели обработки». Но ФЗ позволяет обезличивать данные для ведения статистических исследований или анализа.

Каждая статья данного закона прописывает правила, которыми должны руководствоваться работодатели и в соответствии с которыми вносятся изменения и дополнения в ТК РФ.

Отметим, что в согласии на обработку персональных данных необходимо четко прописывать цель обработки персональных данных, перечень самих данных и срок, в течение которого действует согласие, а также способ отмены данного согласия.

В рамках 7 статьи, «операторами и третьими лицами, получающими доступ к персональным данным, должна обеспечиваться конфиденциальность таких данных». Исключений из этого требования в последней редакции закона нет.

Итак, о безопасности персональных сведений персонала и клиентов теперь должна заботиться абсолютно каждая организация. Другими словами, российским компаниям теперь придется иметь дело с новым классом информации. Если раньше при классификации данных в коммерческой организации достаточно было учитывать три основных категории информации (публичная, конфиденциальная, секретная), то ФЗ № 152 практически требует создать еще один класс информации – персональные данные (клиентов, служащих и т.д.). Однако очевидно, что изменение принципов классификации влечет за собой модификацию политики IT-безопасности.

Теперь любая современная система обработки данных должна иметь подсистему защиты данных.

Руководителям организаций, специалистам в области IT и защиты информации следует учитывать положения закона в сфере защиты персональных данных. Электронный магазин, например, обязан уничтожать персональные сведения своих покупателей, которые были собраны для осуществления оплаты за покупку. Если же транзакция уже осуществлена, деньги магазином получены, а данные покупателя (например, номер кредитной карты, адрес и т.д.) все еще остаются в базе данных компании, это является нарушением закона. Ч. 4 ст. 21 указывает сроки и причины уничтожения персональных данных, которые уже отработаны в соответствии с правомерной необходимостью или неправомерно. В различных правовых/неправовых случаях указываются сроки от трех рабочих дней до тридцати дней. Отметим, что речь здесь идет именно о личной информации. Обезличенные сведения уничтожать не обязательно.

Статья 19 ФЗ «О персональных данных» устанавливает меры по обеспечению безопасности персональных данных при их обработке. Контроль над выполнением этих требований. В этой статье в ч. 3-6 прописываются все государственные и, возможно, иные организации, которые несут ответственность за техническую и юридическую сохранность персональных данных. В соответствии с этим законом введены следующие подзаконные акты:

- Инструкцию по организации защиты персональных данных, содержащихся в информационных системах органов внутренних дел РФ, утвержденную приказом МВД РФ от 6 июля 2012 г. N 678
- Типовые требования по организации и обеспечению функционирования шифровальных (криптографических) средств, предназначенных для защиты информации, не содержащей сведений, составляющих государственную тайну в случае их использования для обеспечения безопасности персональных данных при их обработке в информационных системах персональных данных, утвержденные ФСБ РФ 21 февраля 2008 г. N 149/6/6-622
- Методические рекомендации по обеспечению с помощью криптосредств безопасности персональных данных при их обработке в информационных системах персональных данных с использованием средств автоматизации, утвержденные ФСБ РФ 21 февраля 2008 г. N 149/54-144
- Об организации и проведении работ по обеспечению безопасности персональных данных при обработке в информационных системах персональных данных в Росреестре. Приказ Росреестра от 29 января 2013 г. N П/31
- Об обеспечении безопасности персональных данных при их обработке в автоматизированных информационных системах налоговых органов см. приказ ФНС России от 21 декабря 2011 г. N ММВ-7-4/959.

Перечень подобных приказов, писем и рекомендаций может быть продолжен. Главное, что государственная машина во исполнение ФЗ № 152 реально работает. Нагромаж-

дение этих «советов», «рекомендаций» и «пожеланий» иногда только усложняют работу реальных организаций и производств.

В настоящее время, когда финансово-экономическая и геополитическая ситуация в мире очень сложная, а Россия подвергается политическим и иным атакам, законодатели решили показать иностранным компаниям «кто в доме хозяин» и приняли изменения в законе «О персональных данных». Эти изменения серьезным образом касаются именно иностранных компаний, Совет Федерации РФ одобрил изменения, касающиеся хранения персональных данных россиян исключительно на серверах в России. Они вступают в силу с 1 сентября 2015 года. Некоторые законодатели и политики рекомендуют дать иностранным организации больший срок и отложить вступление изменений в силу с 2016 года.

Этот законопроект обязывает иностранные интернет-компании хранить личные данные россиян только в России. Парламентарии отметили, что действовали в соответствии с позицией Высшего суда Евросоюза. Этот суд недавно настоятельно рекомендовал компании Google обеспечить удаление персональной информации по запросу пользователей.

Если проект вступит в силу, операторам в обязанность будет вменено «обеспечение записи, систематизации, накопления, хранения, уточнения (обновления, изменения), извлечения персональных данных граждан... в базах данных информации, расположенных на территории РФ, а также указывать сведения о месте расположения таких баз данных», – говорится в пояснительной записке.

Крупные иностранные интернет-компании - это Twitter, Facebook, Booking.com, располагающие базами данных российских пользователей, должны будут открыть свои филиалы в России для хранения персональных данных наших соотечественников.

Когда закон вступит в силу, Роскомнадзор сможет, на основании вступившего в силу судебного акта, ограничивать доступ к информации, обрабатываемой с нарушением российского закона. Внесенные поправки определяют порядок ограничения доступа к такой информации. В целях ограничения доступа к этой информации предлагается создать черный список – реестр нарушителей прав субъектов персональных данных.

Отсрочка вступления в силу этих изменений связаны в первую очередь с тем, чтобы иностранные компании имели возможность создать свои дата-центры, офисы, хранилища на территории РФ.

10 апреля 2015 года РБК опубликовало сообщение «Google» начала переносить серверы в российские дата-центры». Это сообщение было подтверждено на сайте агентства Прайм, где дополнительно указывается, что используются дата-центры «Ростелекома».

Процесс начался. Он может занять некоторое время и российскому IT-рынку надо будет расширять мощности, для предоставления соответствующих услуг, и еще выработать правильную ценовую политику.

Итак, новый закон должен обезопасить персональные данные россиян в мировом информационном пространстве.

Литература:

1. Бегларян М.Е., Пичкуренок Е.А. От федеральной целевой программы «Электронная Россия» к долгосрочной целевой программе «Информационное общество». «Уголовная политика в сфере обеспечения безопасности здоровья населения, общественной нравственности и иных социально-значимых интересов» Материалы II Международной научно-практической конференции, 25 мая 2013. Часть II. Краснодар, 2013.

2. Бегларян М.Е., Пичкуренок Е.А. Проблемы формирования информационно-правового пространства России. «Экономика. Право. Печать» Вестник КСЭИ. Научный и информационно-методический журнал. Краснодар 2014, № 3-4 (63-64)

3. Бегларян М.Е., Пичкуренко Е.А. Перспективы «Электронного правительства» в России. Уголовная политика в сфере обеспечения здоровья населения, общественной нравственности и иных социально-значимых интересов: материалы III Международной конференции. 2014г. Краснодар: КСЭИ. – 409с.

4. <http://www.consultant.ru/>.

5. <http://www.garant.ru/>.

Д.К. ГОНЧАРОВ

*студент магистратуры юридического факультета
Кубанского государственного университета*

D.K. GONCHAROV

*master's student of the law faculty
Kuban state University*

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ОРГАНИЗОВАННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ В НОВЫХ СУБЪЕКТАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

COUNTERING ORGANIZED CRIME IN THE NEW CONSTITUENT ENTITIES OF THE RUSSIAN FEDERATION

Аннотация. В статье рассмотрены тенденции и закономерности развития современной организованной преступности. Проанализирована ее структурно-функциональная характеристика. Рассмотрены некоторые вопросы противодействия организованной преступности в Российской Федерации, в том числе в Крыму.

Ключевые слова: организованная преступность, угроза, современное государство, борьба с организованной преступностью.

Annotation. The article examines the trends and patterns of development of modern organized crime. Analyze its structural and functional characteristics. Some aspects of combating organized crime in the Russian Federation, including in the Crimea.

Key words: organized crime, threat, modern state, fight against organized crime.

Практика социальной жизни свидетельствует о том, что одной из самых острых проблем современной России остается национальная и международная преступность. Преступность является чрезвычайно опасным деструктивным явлением социально-правового характера, наносит наибольший ущерб обществу. Особую угрозу представляет организованная преступность, опасность которой резко отличается от опасности неорганизованных ее проявлений. Она оказывает влияние на все политические и социальные процессы в государстве и способна поражать различные виды органов государственной власти и направления их деятельности, а причиненный им вред касается различных сфер жизнедеятельности современного государства, уменьшает уровень доверия к государственному аппарату и его международный авторитет. В современных условиях организованная преступность является одним из важнейших факторов, создающих благоприятную почву для усиления социально-экономической напряженности, противостояния в обществе, проявлений политического экстремизма и распространения коррупции. Осознание общественно опасного характера и реальных масштабов угрозы, которую несут в себе организованные преступные структуры, выработки эффективных мер борьбы является актуальной задачей юридической, экономической и политической наук, законодательной, исполнительной и судебной власти.

Организованная преступность не имеет границ, а преступники мало обеспокоены соображениями соблюдения государственного суверенитета. Она формирует силу, угро-

жающую социально-экономическому развитию нашей страны, при этом масштабы ее постоянно растут. Организованная преступность способна не просто расширять свою деятельность, но и нацеливать ее на подрыв безопасности экономики государства. Необходимо адекватно оценивать масштабы и степень угрозы, которую несет в себе организованная преступность, которая, быстро разрастаясь, угрожает стабильности государства, препятствует его экономическому развитию и подрывает демократические институты.

18 марта 2015 г. Президентом Российской Федерации, главой правительства Крыма, спикером крымского парламента и главой г. Севастополя подписан договор о включении Крыма и Севастополя в состав России в качестве новых субъектов.

Согласно указанному договору Крым считается принятым в Россию с даты подписания документа, в соответствии с которым в РФ появились два новых субъекта: Республика Крым и город федерального значения Севастополь. До 1 января 2015 г. был установлен переходный период, в течение которого новые субъекты были интегрированы в правовую, экономическую, финансовую и кредитную системы России.

Исходя из положений Федерального конституционного закона от 21.03.2014 г. № 6-ФКЗ «О принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов – Республики Крым и города федерального значения Севастополя», с 01.01.2015 г. на их территории в полном объеме применяется законодательство Российской Федерации, а также нормативные правовые акты органов государственной власти республики и местного самоуправления, принятые данными органами после 18 марта 2014 г., если они не противоречат федеральному законодательству.

Данные глобальные перемены в Российской Федерации дали свои положительные результаты в борьбе с организованной преступностью.

Так, в конце декабря 2014 г. в г. Москве был задержан лидер керченской преступной группировки, которая орудовала в г. Керчи с 1994 по 2005 г.г. В марте 2015 г. криминального авторитета, который много лет находился в международном розыске, привезли на территорию г. Керчи для проведения следственных действий. По предварительным данным, он является одним из заказчиков громкого убийства в 1998 г. бывшего первого вице-премьера Крыма Александра Сафонцева. Тогда злоумышленники заложили бомбу с дистанционным управлением в урну, стоявшую у входа в один из корпусов симферопольской турбазы «Таврия». При взрыве первый вице-премьер получил тяжёлые ранения и скончался в больнице. По подозрению в совершении преступления задержали трех членов ОПГ. Еще одному их пособнику удавалось скрываться от правоохранителей в течение 11 лет, пока его не арестовала испанская полиция в городе Лас-Пальмас, куда он прибыл в составе команды рыболовецкого судна. Через полгода, в январе 2010 г., его экстрадировали в Украину, после чего поместили в керченский СИЗО. Кроме того, по данному делу в декабре 2014 г. был задержан экс-начальник Керченского отдела по борьбе с коррупцией Службы Безопасности Украины.

В марте 2015 г. в Верховный суд Республики Крым направлено уголовное дело одного из лидеров организованной преступной группы, совершившей в 1996-2006 г.г. в Зауралье серию особо тяжких преступлений против личности. В ходе расследования данного уголовного дела была доказана его причастность к убийству предпринимателя в Крыму в 2002 г. Материалы уголовного дела выделены в отдельное производство. По данным следствия, в 2002 г. указанный лидер в г. Евпатории нанял киллера для убийства местного коммерсанта. Подозреваемый хотел завладеть имуществом бизнесмена. Убийца подкараулил автомобиль жертвы и расстрелял его. Предприниматель скончался на месте, его водитель и охранник получили серьезные ранения.

В марте 2015 г. Керченский городской суд вынес приговор в отношении трех членов организованной преступной группы. Они признаны виновными в вооруженных напа-

дениях на домовладения, хранении оружия. Установлено, что преступная группа была организована в середине 2014 г. В ее состав входил один местный житель и двое жителей Украины. За это время было совершено три разбойных нападения на домовладения в Керченском регионе. Злоумышленники угрожали оружием и применяли электрошокер в отношении потерпевших.

По статистическим данным МВД России, в январе – марте 2015 г. зарегистрировано 542,8 тыс. преступлений, что на 1,6% больше, чем за аналогичный период прошлого года. Рост регистрируемых преступлений отмечен в 54 субъектах Российской Федерации, снижение – в 27 субъектах.

В январе – марте 2015 г. с использованием оружия совершено 2,0 тыс. преступлений (+2,8%). Наибольшее количество зарегистрированных преступлений данной категории отмечается в Республике Дагестан (111), Московской области (106), г. Москве (91), г. Санкт-Петербурге (81), Свердловской области (71).

В январе – марте 2015 г. выявлено 66,0 тыс. преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, что на 4,6% больше, чем за аналогичный период прошлого года. По сравнению с январем – мартом 2014 г. на 6,2% возросло число выявленных преступлений, совершенных с целью сбыта наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, их удельный вес в числе преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, увеличился с 49,1% в январе – марте 2014 г. до 49,8%.

В январе – марте 2015 г. зарегистрировано 411 преступлений террористического характера (+58,7%) и 331 преступление экстремистской направленности (+22,6%).

В январе – марте 2015 г. организованными группами или преступными сообществами совершено 4,0 тыс. тяжких и особо тяжких преступлений.

В Крыму в январе – марте 2015 г. зарегистрировано 8,1 тыс. преступлений, в том числе в Республике Крым – 6,3 тыс., в г. Севастополе – 1,8 тыс.

Количество выявленных преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия, составило 132. С использованием оружия совершено 11 преступлений, в том числе в Республике Крым – 9, в г. Севастополе – 2.

В январе – марте 2015 г. выявлено 494 преступления, связанных с незаконным оборотом наркотиков. Число выявленных преступлений, совершенных с целью сбыта наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, составило 178.

В январе – марте 2015 г. зарегистрировано 2 преступления террористического характера и 2 преступления экстремистской направленности.

Заслуживает внимания научная точка зрения, согласно которой организованная преступность рассматривается как общественно опасное социальное явление, существующее в виде преступных сообществ, имеющих сложные организационно-иерархические связи, наличие в обороте огромных денежных средств, системы защитных мероприятий и коррупции. Некоторые исследователи считают, что организованная преступность – это массовое устойчивое социальное явление, выражающееся в осуществлении совокупности организованных преступлений и деятельности по созданию организованных криминальных групп, объединений и организаций, ориентированных на систематическое получение незаконных доходов и образующих систему защиты от социального контроля с помощью коррупции.

В современном мире организованная преступность стала бизнесом, который стремительно развивается и которому становится тесно в пределах границ какой-то отдельной страны, и такие виды преступной деятельности, как наркобизнес, торговля оружием, похищение и продажа автотранспорта, торговля людьми, являются прямым тому подтверждением, ведь они не знают границ и осуществляются, как правило, на территории не-

скольких государств. Стремительное развитие и разрастание организованной преступности как международного явления связано с различными факторами.

К тенденциям в развитии организованной преступности можно отнести следующие:

- резкое распространение, связанное с использованием электронных средств;
- проникновение в легальную экономику;
- усиление коррумпированности чиновников;
- усиление развития наркобизнеса.

В Крыму, кроме того, благоприятствует существованию организованной преступности хорошая транспортная инфраструктура. Через несколько морских портов, в том числе Керченский, Феодосийский, Ялтинский, Севастопольский и Евпаторийский, происходит торговый, туристский и деловой обмен с зарубежьем. Через международный аэропорт и пять аэропортов поменьше, в том числе военных, сейчас успешно совершаются транспортные и даже пассажирские перевозки. Действует паромная переправа Крым — Кубань и переправы нелегальные.

Особая опасность организованной преступности заключается в том, что она, имея ярко выраженный антисоциальный характер, тем не менее, благодаря высокому уровню латентности, существует параллельно с жизнью законопослушного общества.

В организованных преступных группах существует своя иерархия. Одни члены преступных групп сами совершают преступления различного характера, а другие, к которым относятся руководители группировок и руководители этих руководителей, непосредственно преступлений не совершают, но через звенья системы управляют преступной деятельностью, накапливая огромный капитал. Руководители организованной преступности становятся уважаемыми членами общества. Для самоутверждения и собственной безопасности они пытаются проникнуть во все уровни органов власти и управления самостоятельно или с помощью завербованных за материальные блага, коррумпированных должностных лиц с целью осуществления своей политики, прежде всего, решения на всех уровнях экономических проблем для получения максимальной прибыли. Они пытаются направить общественную жизнь в нужное им русло, влиять на принятие тех или иных политических решений, законодательных и других нормативных актов с целью саботажа или реформ в нужном им направлении.

Учитывая вышеизложенное, можно констатировать, что сегодня глобализационные процессы присущи и организованной преступности, которая непрерывно меняется, приспособляясь к новым условиям жизнедеятельности людей, заполняя неконтролируемые и слабо контролируемые сферы. Организованная преступность в XXI в. приобрела качественно новые черты. Лидеры уголовного мира активно и планомерно создают более сплоченные преступные сообщества с жестким централизованным построением и подчиненностью. К ним относятся преступные группы с суровой дисциплиной, наличием разведки и контрразведки, вооружением, отрядами боевиков, современным техническим оснащением.

Таким образом, вполне очевидно, что эффективное противодействие возникновению, развитию и деятельности организованной преступности является одним из центральных направлений государственной деятельности. Однако только внутригосударственных мероприятий указанного противодействия недостаточно, поскольку сфера их применения ограничивается территорией государства. Поэтому особое значение здесь приобретает международное взаимодействие.

Литература:

1. Арутюнов А.А. Современные тенденции групповой и организованной преступности // Российский следователь. 2012. №22. С. 32-35.

2. Белоцерковский С.Д. Актуальные вопросы следственной и судебной практики по уголовным делам о преступлениях организованных преступных формирований // Российский следователь. 2013. №4. С. 17-19.

3. Белоцерковский С.Д. Организованная преступность и координация деятельности правоохранительных органов по борьбе с ней // Законность. 2011. №6. С. 38-41.

4. Доклад о результатах и основных направлениях деятельности Министерства внутренних дел Российской Федерации в 2014 году. М., 2015.

5. Ильин А.Е., Прокофьева Т.В. Истоки современной организованной преступности // Российский следователь. 2014. №4. С. 34-41.

6. Ильин Е.И. Структурно-функциональная характеристика организованной преступности // Оперативник (сыщик). 2014. №3. С. 60-65.

7. Прохоров Л.А. Дискуссионные вопросы понятия организованной преступности // Ученые записки КубГУ, юридический факультет. Вып. 2. Краснодар, 2003. С. 138-146.

8. Состояние преступности в России в январе-марте 2015 года // Официальный сайт МВД России. Раздел «Пресс-центр». Подраздел «Статистика».

А.Г. ЗАБЛОЦКАЯ

*доцент кафедры уголовного права
и криминологии института права
ФГБОУ ВПО «Тольяттинский государственный университет»,
кандидат юридических наук, доцент*

A.G. ZABLOTSKAYA

*associate Professor of criminal law
and criminology of the Institute of law
of the Togliatti state University,
candidate of legal Sciences, associate Professor*

ОТГРАНИЧЕНИЕ ЗАХВАТА ЗАЛОЖНИКА ОТ СМЕЖНЫХ СОСТАВОВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ И ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ

DELIMITATION OF THE HOSTAGE TAKING FROM ADJACENT OFFENCES AND QUALIFICATION PROBLEMS

Аннотация. В статье раскрываются особенности отграничения признаков состава преступления, предусмотренного ст. 206 УК РФ, от признаков составов преступлений, предусмотренных ст. ст. 126, 127, 128 УК РФ, проблемы квалификации, в том числе по совокупности деяний. Кроме того, автор приводит аргументы, доказывая, что захвату заложника в законе придана большая общественная опасность, чем похищению человека, незаконному лишению свободы и незаконной госпитализации в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях.

Ключевые слова: похищение человека, незаконное лишение свободы, захват заложника, проблемы квалификации, физическое ограничение личной свободы, свобода человека, общественная безопасность, незаконные требования преступников.

Annotation. The article reveals peculiarities of delimitation of signs of structure of the crime provided by article 206 of the criminal code, the features of crimes envisaged in articles 126, 127, 128 of the criminal code, qualification problems, including the totality of acts. In addition, the author makes the case, arguing that the seizure of hostages in the law given a larger danger to society than the crime of kidnapping, illegal imprisonment and illegal hospitalization in a medical organization providing psychiatric care in a hospital.

Key words: kidnapping, illegal restraint, hostage-taking, qualification problems, physical limitations on personal freedom, human freedom, public safety, illegal demands of criminals.

Похищение человека, незаконное лишение свободы, незаконная госпитализация в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, и захват заложника по большому счету объединяет то, что все они связаны с неправомерным принудительным физическим ограничением личной свободы потерпевшего. Вместе с тем, каждое из них само по себе конкретное самостоятельное преступление, хотя основным непосредственным объектом первых трех преступлений является личная свобода человека, жизнь и здоровье которого рассматриваются здесь в качестве факультативного объекта. В отличие от этого основной непосредственный объект захвата заложника – общественная безопасность в самом широком смысле, безопасность жизни и здоровья, свобода людей, оказавшихся в заложниках [1].

Сравнение санкций ст. 126, 127, 128 и 206 УК РФ показывает, что захвату заложника в законе придана большая общественная опасность, чем похищению человека, незаконному лишению свободы и незаконная госпитализация в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях. Возможно, такая его оценка связана с тем, что оно совершается более дерзко, факт захвата и характер требований преступников не держатся в тайне, они сразу же сообщаются гражданам, организациям или соответствующим государственным органам. Поэтому за неквалифицированный вид захвата заложника в ч. 1 ст. 206 УК предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок от 5 до 10 лет, тогда как похищение человека без квалифицирующих признаков (ч. 1 ст. 126 УК) наказывается принудительными работами на срок до пяти лет либо лишением свободы на тот же срок. Неквалифицированное незаконное лишение свободы (ч. 1 ст. 127 УК) наказывается ограничением свободы на срок до двух лет либо принудительными работами на срок до двух лет, либо арестом на срок от трех до шести месяцев, либо лишением свободы на срок до двух лет. За незаконную госпитализацию в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, также неквалифицированную (ч. 1 ст. 128 УК), может применяться ограничение свободы на срок до трех лет либо принудительные работы на срок до трех лет, либо лишение свободы на тот же срок.

Захват заложника относится к преступлениям против общественной безопасности по основному объекту. Дополнительным объектом является личная свобода человека, а при особо квалифицированном деянии (ч. 4 ст. 206 УК) – также жизнь человека.

Наиболее актуальным, на наш взгляд, является отграничение захвата заложников от похищения человека. Обращение к проблеме уголовно-правовой оценки похищения человека обусловлено двумя обстоятельствами. Во-первых, данный вид преступления в последние годы получает все большее распространение. Основным мотивом его совершения служат корыстные побуждения, наиболее часто – получение выкупа. Во-вторых, существует значительная конкуренция уголовно-правовых норм, предусматривающих ответственность за похищение человека, совершенное из корыстных побуждений, и захват заложника, совершенный по тому же мотиву [2].

Действительно, если обратиться к диспозициям п. «з» ч.2 ст.126 и п. «з» ч.2 ст.206 УК РФ, то мы увидим, что оба преступления характеризуются корыстной мотивацией и состоят в противоправном, тайном или открытом завладении человеком, совершенном с насилием или без такового, сопряженным с удержанием потерпевшего в определенном месте помимо его воли. Конечно, похищение во многих случаях сопровождается изъятием лица из привычной микросоциальной среды, перемещением в иное место, но и захват возможен при таких же обстоятельствах. Кроме того, похищение человека может быть произведено в ситуации, когда похищенный добровольно прибывает на место последующего насильственного удержания, когда похищение состоит в удержании человека в месте его привычного пребывания, но сопровожда-

ется дезинформацией о реальном местонахождении и т.д. Поэтому, на наш взгляд, критерий изъятия лица из его микросоциальной среды не является достаточным для разграничения похищения человека и захвата заложника. Да и содержание рассматриваемых норм не дает оснований для их разграничения по данному критерию.

Объектом похищения человека является его личная свобода. При этом под ней следует понимать не только физическую свободу (передвижения, перемещения), но и свободу поведенческого характера, лишенную физического принуждения. Таким образом, объектом похищения человека следует признать охраняемые уголовным законом общественные отношения, которые составляют содержание понятия свободы личности. Часть 3 ст. 126 УК, в частности, предусматривает квалифицированные составы похищения, совершенного организованной группой, повлекшего по неосторожности смерть потерпевшего или иные тяжкие последствия. Данные составы являются двухобъектными, поскольку преступлением причиняется вред не только свободе личности (основной объект), но и иным общественным отношениям – жизни, здоровью, собственности (дополнительный объект) [3].

Основным объектом захвата заложника выступает общественная безопасность, а дополнительными – свобода, жизнь или здоровье людей, собственность, порядок управления. Почему же основным объектом захвата не является личность? Ведь именно на нее осуществляется посягательство, именно ее свободе, жизни, здоровью угрожает преступник? И все-таки основная опасность деяния заключается в том, что оно наносит ущерб жизненно важным интересам всего общества, неопределенно большого круга лиц. На это указывает цель совершения захвата – принуждение государства, организации или гражданина совершить какое-либо действие или воздержаться от его совершения как условие освобождения заложника. Сам же захват или удержание заложника являются лишь средством достижения основной цели. Поэтому свободу человека, а также иные общественные отношения, за исключением общественной безопасности, в данном преступлении следует отнести к дополнительным или факультативным объектам.

Итак, у похищения человека и захвата заложника разные основные объекты посягательства и, казалось бы, по этому критерию можно провести их разграничение. Однако во многих случаях при похищении, так же как и при захвате, целью посягательства и его основным объектом оказываются не свобода человека, а иные общественные отношения. Похищение же, лишение или ограничение свободы служит лишь средством достижения поставленной цели, способом посягательства на другие объекты. Так, корыстный мотив может заключаться в стремлении получить деньги, имущество, права на него и т.д. Причем, как и при захвате, требования об их передаче, совершении определенных действий или воздержании от их совершения предъявляются, как правило, не самому похищенному, а иным лицам, заинтересованным в его освобождении. В этих ситуациях, естественно, затрагиваются интересы неопределенно большого круга лиц. Полагаем, что в указанных случаях свободу человека необходимо считать дополнительным объектом, а основным – общественную безопасность. В этой связи во многих случаях разграничение захвата заложника и похищения человека из корыстных побуждений по объекту преступления невозможно [4].

Весьма затруднительно разграничение рассматриваемых составов и по их объективной стороне. И захват, и похищение из корыстных побуждений, как отмечалось, заключаются в насильственном или ненасильственном завладении человеком, изъятии его, как правило, из привычной микросреды, лишении или ограничении свободы и предъявлении определенных требований к иным субъектам с условием освобождения похищенного/захваченного после их выполнения. Таким образом, объективные стороны обоих составов практически полностью совпадают.

Однако по объективной стороне по характеру действий захват заложника носит открытый характер, о факте захвата виновные сообщают или средствами массовой информации или официальным органам. Похищение человека чаще происходит тайно, виновные скрывают ме-

сто нахождения похищенного. Только в случае требования выкупа они сообщают о похищении близким лицам. Лишение свободы при захвате заложника выступает не целью, а средством достижения иной цели преступника. Ради достижения этих целей сам факт захвата и предъявляемые при этом требования не только не скрываются, а, напротив, выступают средством понуждения государства, организации и т.д. к выполнению их требований.

В преступлениях же, предусмотренных ст. ст. 126 и 127 УК РФ, субъект, даже преследуя корыстные цели, не заинтересован в предании их огласке и, тем самым, не нарушает общественную безопасность. Кроме этого, похищение человека всегда связано с его перемещением из места, где он находился, в другое место, а захват заложника заключается в насильственном удержании лица в месте его нахождения. Захват заложника всегда сопровождается предъявлением требований государству, организации, третьим лицам, а похищение человека может совершаться и без предъявления требований. Но если требования при похищении человека и предъявляются, то, как правило, они обращены к самому похищенному, а не к государству, организации или третьим лицам. При незаконном лишении свободы виновный никаких требований не предъявляет и не перемещает лицо из одного места в другое [5].

Совпадение анализируемых составов наблюдается не только по объектам и объективным сторонам, но и по их другим элементам. Оба преступления совершаются с прямым умыслом, оба в большинстве случаев имеют цель понуждения третьей стороны совершить или воздержаться от совершения каких-либо действий. Правда, характер действий может различаться в зависимости от интересов похитителей, захватчиков, однако чаще всего он определяется корыстными побуждениями в широком смысле этого понятия [6].

Следует вывод, что захват заложника, совершенный из корыстных побуждений, и похищение человека, совершенное из тех же побуждений и сопряженное с предъявлением требований к третьей стороне, на самом деле являются одним преступлением, которое должно, по нашему мнению, расцениваться как захват заложника. Наиболее четким критерием разграничения захвата и других смежных составов является выдвижение определенных требований к государству, организациям или гражданам как условие освобождения потерпевшего. Отсутствие этого признака означает отсутствие состава захвата заложника.

Захват заложника с его последующим убийством отличается от посягательства на жизнь государственного или общественного деятеля предусмотренного ст. 277 УК РФ, тем, что последнее преступление предусматривает ответственность за убийство определенного законом лица в целях прекращения его государственной или иной политической деятельности или из мести за нее, а убийство заложника является мстью за несвоевременное выполнение или невыполнение предъявленных требований к третьим лицам.

В отличие от террористического акта квалифицирующим признаком является применение при захвате заложника не только огнестрельного оружия, но и иного, в том числе и холодного, а также предметов, используемых в качестве оружия. Таковыми признаются различные предметы хозяйственно-бытового назначения (топор, лопата), палка, камни и другие предметы.

Захват заложника при террористическом акте, организации незаконного вооруженного формирования или участия в нем, организации преступного сообщества (преступной организации), угона судна воздушного или водного транспорта либо железнодорожного подвижного состава, массовых беспорядках также квалифицируется по совокупности ст. 206 УК и соответствующих статей Кодекса, предусматривающих ответственность за данные преступления [7].

Отличие захвата заложников от вымогательства состоит в том, что захват совершается с целью понуждения к выполнению определенных действий, в том числе, и имущественного характера, а вымогательство – это само требование передачи имущества или права на имущество и т.д. В отличие от ранее действовавшего законодательства Уголовный кодекс 1996 г. не предусматривает в ч. 3 ст. 163, ст. 221, 226 и 229 такого квалифицирующего признака, как сопряженность вымогательства с захватом заложника. Поэтому, если в действиях лица имеются признаки

вымогательства и захвата заложника, содеянное должно квалифицироваться по совокупности преступлений.

Захват заложника, соединенный с насилием, отличается от грабежа и разбоя, соединенных с насилием, по цели его применения. При захвате заложников насилие применяется с целью захвата или удержания заложника, в процессе предъявления требований с целью понуждения третьих лиц к удовлетворению его требований, подтверждая реальность своих угроз в адрес заложника, а также с целью мести за невыполнение его требований. При грабеже и разбое насилие применяется для завладения чужим имуществом [8].

Отличие захвата заложника от незаконного лишения свободы, предусмотренного ст. 127 УК РФ, заключается в том, что сущность волевого приказа незаконного лишения свободы состоит в активном стремлении добиться поставленной цели – лишить свободы человека, а захват заложников – не цель, а средство достижения указанной в законе цели – понуждения. Ответственность за захват заложника и похищение человека наступает с 14-летнего возраста, а за незаконное лишение свободы, торговлю людьми – с 16 лет.

Также стоит обратить внимание на то, что захват заложника зачастую осуществляется организованными вооруженными группами. И зачастую такие действия ошибочно квалифицируются только лишь в рамках состава бандитизма. С одной стороны такой подход достаточно обоснован, поскольку бандитизм является более опасным преступлением. Однако Пленум Верховного Суда РФ в п. 13 постановления от 17 января 1997 г. № 1 «О практике применения судами законодательства об ответственности за бандитизм» указал: «Судам следует иметь в виду, что ст. 209 УК РФ, устанавливающая ответственность за создание банды, руководство и участие в ней или в совершаемых ею нападениях, не предусматривает ответственность за совершение членами банды в процессе нападения преступных действий, образующих самостоятельные составы преступлений, в связи с чем, в этих случаях следует руководствоваться положениями ст. 17 УК РФ, согласно которым при совокупности преступлений лицо несет ответственность за каждое преступление по соответствующей статье или части статьи УК РФ» [9].

Захват заложника нередко имеет место в местах лишения свободы. Как правило, квалификация осуществляется по совокупности преступлений. Лишь в случае применения физического или психического насилия к сотрудникам или осужденным, используемым в качестве заложников для давления на администрацию в целях выполнения или невыполнения какого-нибудь требования (например, возможности беспрепятственно покинуть место лишения свободы, освобождение от должности каких-либо лиц или незаконное облегчение режима отбывания наказания), содеянное образует только состав захвата заложника [10].

Кроме того, нам представляется достаточно интересным обратить внимание на следующую проблему.

Известные события 17 августа 1998 г. ознаменовались не только очередным случаем падения уровня материального благополучия основной массы населения Российской Федерации, но и появлением новых объектов притязаний, а именно – банков. Так, 7 сентября 1998 г. отставной армейский капитан Юрий Быстров прорвался в кабинет управляющего филиалом банка СБС-АГРО в г. Санкт-Петербурге и под угрозой сожжения себя и управляющего филиалом потребовал возврата 14 тыс. долларов, которые он за несколько месяцев до этого поместил на счет в банке. После получения валюты Быстров сдался представителям власти. 18 декабря 1998 г. в г. Москве 40-летний геолог Александр Шрайбер, пройдя в кабинет главного бухгалтера банка «Российский кредит», потребовал немедленной выдачи причитающихся ему в соответствии с постановлением суда 3700 долл. США. Получив от работников банка по мотивам отсутствия денег отказ, разгневанный вкладчик выхватил пистолет и объявил троих служащих, находившихся в кабинете главбуха, заложниками. Через сорок минут, получив около 70 тысяч руб., Шрайбер вышел из кабинета главбуха и был задержан работниками милиции. Шрайберу было предъявлено обвинение по ч. 2 ст. 206 УК (захват заложника) [11].

Конечно, данные ситуации требуют вмешательства правоохранительных органов. Однако, как нам представляется, давая юридическую оценку содеянному, соответствующие правоохранительные органы оказываются в сложном положении, поскольку их решение будет иметь не только правовое звучание, но в определенной мере и политическое. В самом деле, признав такого рода случаи правомерными, а определенные предпосылки к тому, как это будет показано ниже, имеются, правоохранительные органы могут невольно дать толчок к аналогичным действиям сотен тысяч обманутых вкладчиков, которые также желают вернуть свои законные вклады. Напротив, при осуждении таких лиц, и тем более суровом, правоохранительные органы рискуют в еще большей степени потерять доверие к себе со стороны рядовых граждан.

Реализация гражданами своих прав и свобод неразрывно связана с исполнением корреспондирующих им обязанностей со стороны других организаций или отдельных лиц и поэтому нередко затрагивает их интересы. Поэтому в целях создания и поддержания баланса законных интересов различных участников отношений государство устанавливает определенный порядок осуществления прав и обязанностей заинтересованными субъектами. Чаще всего этот порядок связан с обращением субъекта за защитой законных интересов в органы власти и, в первую очередь, в суд. Вместе с тем в различных отраслях права содержатся нормы, разрешающие гражданам в определенных пределах защищать свои права непосредственно собственными действиями.

Так, в ст. 12 Гражданского кодекса РФ среди способов защиты гражданских прав упоминается и самозащита гражданских прав. Причем, согласно ст. 14 ГК речь идет о самозащите только действительно принадлежащих субъекту, но никак не предполагаемых прав. В этой же статье в общем виде определяются и критерии допустимости действий, которыми может осуществляться самозащита. К ним, в частности, относятся соразмерность способов самозащиты (действий) нарушению и отсутствие превышения пределов действий, необходимых для пресечения нарушения.

В п. 9 постановления Пленумов Верховного Суда РФ и Высшего Арбитражного Суда РФ № 6/8 от 1 июля 1996 г. «О некоторых вопросах, связанных с применением части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» специально подчеркивается, что «самозащита не может быть признана правомерной, если она явно не соответствует способу и характеру нарушения, и причиненный вред является более значительным, чем предотвращенный» [12]

Таким образом, в постановлении оговаривается, что самозащита не признается правомерной только при одновременном наличии обоих критериев, наличие одного из них не исключает признание ее правомерной. При этом соразмерность действий нарушению означает именно соразмерность между нарушением прав и последствиями действия, посредством которого защищается нарушенное право.

Из перечисленных в ст. 12 ГК РФ способов, помимо собственно самозащиты, самым потерпевшим могут осуществляться также восстановление положения, существовавшего до нарушения права, и пресечение действий, нарушающих право или создающих угрозу его нарушения. Применительно к действиям по «выбиванию» принадлежащих гражданам материальных средств, можно сказать, что они могут в некоторых случаях выступать в качестве самозащиты или последнего из названных способов защиты и, следовательно, соответствовать нормам гражданского законодательства. Однако в каждом конкретном случае вывод о законности самозащиты может быть сделан только на основе анализа всех конкретных обстоятельств дела.

Указанные выше случаи были объективно оценены судом как неправомерные. Однако вопрос верности квалификации как захвата заложника остается открытым. При квалификации преступления по ст. 206 УК РФ необходимо обратить внимание на то, что требования преступников в подавляющем большинстве случаев являются неправомерными (например, передача им в собственность чужого имущества или прав). Однако как квалифицировать действия лица, лишившего свободы других лиц и предъявляющего правомерные требования? На наш взгляд, та-

кие действия должны расцениваться следующим образом: стремление лица к защите своих законных прав и интересов здесь сочетается с нарушением установленного порядка защиты таких интересов. Поэтому подобные действия следует рассматривать в некоторых случаях как самоуправство с соответствующей квалификацией по ст. 330 УК РФ.

Таким образом, мы полагаем, что Пленуму Верховного Суда РФ необходимо разъяснить в своем постановлении, что действия лица, лишившего свободы и удерживающего других лиц с целью защиты своих законных прав и интересов, должны быть квалифицированы по статье 330 УК РФ как самоуправство.

Литература:

1. Семенцова И.А. Уголовное право. Гриф МО РФ. М.: Феникс, 2005. С. 195.
2. Журавлев И.А., Резепкин О.Ю. Захват заложника. Уголовно-правовая регламентация проблемы. Монография. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2003. С. 53.
3. Молчанов Д.М. Захват заложника и похищение человека: основания освобождения от уголовной ответственности // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке. Сборник материалов третьей международной научно-практической конференции. М.: ТК Велби, 2006. С. 161-165.
4. Клишин Ю. Похищение человека, незаконное лишение свободы и захват заложников – преступления разные // Закон. 2002. № 6. С. 132-134.
5. Габибова Г. Отграничение похищения человека от захвата заложника // Законность. 2002. № 11. С. 49-51.
6. Пашков М.Ю. Проблемы разграничения похищения человека и захвата заложника // Труды юридического факультета Ставропольского государственного университета. Вып. 2. Ставрополь: Изд-во СГУ, 2003. С. 140-143.
7. Киреев М.П., Нерсиян Г.Л. Захват заложника: взгляд изнутри // Информатизация и информационная безопасность правоохранительных органов. Труды XV международной научной конференции, 23-24 мая 2006 г. М.: Изд-во Акад. управления МВД России, 2006. С. 202-204.
8. Бикеев И.И. Разграничение захвата заложника и смежных преступлений // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. Вып. 27. - Тольятти: ВУиТ, 2003. С. ВУиТ. С. 39-44.
9. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17 января 1997 г. № 1 «О практике применения судами законодательства об ответственности за бандитизм» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 1997. № 3. С. 2.
10. Курс уголовного права. Том 4. Особенная часть / под ред. Г.Н. Борзенкова и В.С. Комиссарова. М.: ИКД «Зерцало-М», 2002. С. 423.
11. Кашина О.С. Актуальные проблемы ответственности за захват заложника // Новое в законодательстве России: проблемы теории и практики применения. Сборник научных статей. Вып. 2. Саратов: Изд-во Саратов. юрид. ин-та МВД России, 2005. С. 52-55.
12. Постановление Пленума Верховного Суда РФ и Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 1 июля 1996 г. № 6/8 «О некоторых вопросах, связанных с применением части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 1996. № 9.

Т.М. КЛИМЕНКО

*д.ю.н., заведующий кафедрой, профессор
кафедры уголовного права и криминологии института права
Тольяттинского государственного университета*

T.M. KLIMENKO

*D. Yu.N., head of Department, Professor
the Department of criminal law and criminology of the Institute of law
Togliatti state University*

ХИЩЕНИЕ ЛИБО ВЫМОГАТЕЛЬСТВО ОРУЖИЯ: НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ

THEFT OR EXTORTION OF WEAPONS: SOME QUESTIONS OF QUALIFICATION

Аннотация. В статье проанализированы некоторые вопросы квалификации преступлений, предусмотренных ст. 226 Уголовного кодекса Российской Федерации.

Ключевые слова: оружие, взрывчатые вещества, взрывные устройства, преступление, вопросы квалификации.

Annotation. This article analyzes some of the issues of qualification of crimes under article 226 of the Criminal code of the Russian Federation.

Key words: weapons, explosives, explosive devices, crime, issues of qualification.

Система любого государства имеет конкретные социально-исторические координаты и выражает его политику. Правовая система государства как часть его общей системы отражает волю народа, в том числе отношение к проблемам преступности, особенно если предмет преступления – это предметы, изъятые из гражданского оборота либо существенно ограниченные в нем, т.е., например, предмет преступления, предусмотренного ст. 226 УК РФ.

Любое правонарушение обладает характером и определенной степенью общественной опасности, но совершение его с применением оружия, взрывчатых веществ и взрывных устройств и, тем более, ядерного, химического или других видов оружия массового поражения, увеличивает степень общественной опасности деяния в разы.

Так, например, хищение, совершенное с применением оружия, квалифицируется только как разбой, даже если потерпевшему и не причиняется реальный вред при нападении, а преступление, совершенное с применением предметов, указанных в ч. 1 или 2 ст. 226 УК, в зависимости от цели преступления – либо как убийство, совершенное общеопасным способом, либо как террористический акт, либо как диверсия и т.д.

Таким образом, предмет, наряду с другими признаками преступления, позволяет устанавливать, что причинение вреда от его совершения возможно не только какому-то одному или двум лицам, а неограниченно неопределенному кругу лиц.

К сожалению, в последние годы, начиная с 90-х годов прошлого столетия, наблюдается постоянный рост преступлений, как связанных с применением оружия, так и с его незаконным оборотом, в том числе с хищением либо вымогательством соответствующих предметов, в среднем, на 1,8% ежегодно [1]. Более того, становится практически нормой разрешение любой конфликтной ситуации с помощью оружия, как на почве личных неприязненных взаимоотношений, так и в любой иной ситуации [2].

Анализ дефиниции «хищение» показывает, что только наличие в действиях лица совокупности признаков, входящих в определение данного понятия, позволит квалифицировать действия виновного с учетом способа его совершения как одну из форм хищения.

При этом квалификация ряда преступлений, связанных с хищением либо вымогательством, предметом которых выступает не чужое имущество, вызывает определенные трудности в процессе правоприменения.

Одной из особенностей редакции ст. 226 УК является бланкетность ее диспозиции, т.к. для установления вида и признаков предмета преступления следует руководствоваться положениями Федерального закона от 13 декабря 1996 г. № 150-ФЗ (ред. от 8 марта 2015 г.) «Об оружии» [3].

Вызывает сложность и то обстоятельство, что в ст. 226, так же, как и в статьях 221 и 229, Уголовного кодекса РФ хищение и вымогательство расположены в одной статье. Как представляется, указанное объединение в одной статье двух самостоятельных видов преступлений не совсем верно по ряду оснований.

Во-первых, как уже было отмечено, это два самостоятельных состава преступлений, одно из которых квалифицируется как хищение, а второе – вымогательство, т.е. фактически действия, которые предшествуют изъятию и обращению имущества в пользу виновного либо третьих лиц.

Во-вторых, обязательным признаком субъективной стороны при хищении выступает цель – корысть, что непосредственно вытекает из определения понятия «хищение», а в деяниях, связанных с вымогательством, данный признак является факультативным.

В-третьих, уголовный закон дифференцирует виды и размеры ответственности за такие преступления против собственности, как ненасильственные формы хищения (ст.ст. 158-160, ч. 1 ст. 161 УК) и хищения, совершенные с применением насилия, как не опасного (п. «г» ч. 2 ст. 161 УК), так и опасного (ст. 162 УК) для жизни или здоровья. Однако такой дифференциации не наблюдается в отношении преступлений, предусмотренных статьями 221, 226 и 229 УК.

Вымогательство же уже в ч. 1 ст. 163 УК, так же, как и в части 1 статей 221, 226 (и по ч. 2) и 229 Уголовного кодекса, содержит такой признак, как «угроза применения насилия», в качестве обязательного.

Кроме того, понятие и признаки хищения, вымогательства, конкретных форм хищения и в главе 24 «Преступления против общественной безопасности» (для статей 221 и 226 УК), и в главе 25 «Преступления против здоровья населения и общественной нравственности» (для ст. 229 УК) не раскрываются.

Поэтому правоприменители при квалификации указанных преступлений вынуждены обращаться к терминам и дефинициям, используемым к конкретным формам хищения в преступлениях против собственности. Это нередко приводит к тому, что ученые, отмечая особенности квалификации деяний, связанных с хищением либо вымогательством, имеющих иной, а не чужое имущество, предмет, вынуждены как бы «подтягивать» те или иные признаки совершенного преступления под признаки хищения или вымогательства. Ряд спорных вопросов не нашел отражения и в разъяснениях постановления Пленума Верховного Суда РФ от 12 марта 2002 г. № 5 «О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств» [4].

Поскольку доктринальное толкование закона носит рекомендательный характер, многообразие точек зрения ученых на правовую природу, сущность и отличия указанных преступлений в зависимости от предмета преступного посягательства значительно затрудняют в тех или иных случаях правильность их квалификации [5].

Как отмечено ранее, обязательным признаком хищения является наличие в действиях виновного корыстной цели. С этим можно согласиться, но частично, при квалификации преступлений, как посягающих на собственность, так и в иных, ответственность за которые предусмотрена ст.ст. 221, 226 и 229 УК. Например, военнослужащий, дезертируя из

воинской части, совершает хищение оружия. Утверждать, что в его действиях присутствует корысть, будет неправильно, так как побудительная причина его поступка и цель, к которой он стремится, могут быть различными, не ограничиваясь только корыстью. При этом в соответствии с разъяснениями постановления Пленума Верховного Суда РФ от 12 марта 2002 г. № 5 дезертирство военнослужащего с оружием при наличии в содеянном признаков хищения оружия должны квалифицироваться по совокупности преступлений, предусмотренных статьей 226 и частью второй статьи 338 УК РФ (п. 20).

Аналогичны рассуждения применительно, например, к хищению наркотиков для личного потребления либо связанного с тем, чтобы помочь кому-то из близких, страдающих наркозависимостью или имеющих определенные медицинские показатели. Разве будет верным утверждение, что эти лица руководствуются корыстными мотивами?

Можно согласиться с тем, что хищение оружия и других предметов преступления по ч.ч. 1 или 2 ст. 226 УК нередко связано с дальнейшим их сбытом, т.е. предполагает наличие в действиях виновного корыстной цели. Совершенно справедливо в данном случае квалифицировать содеянное по совокупности преступлений. Так, если лицо совершает хищение оружия, его основных частей, боеприпасов, взрывчатых веществ или взрывных устройств, его деяние квалифицируется по ст. 226 и ст. 222 или 222¹ (соответствующие части) Уголовного кодекса. В данном случае сбыт указанных предметов охватывается диспозициями соответствующих частей статей 222 или 222¹ УК.

Аналогично можно квалифицировать содеянное, если предмет преступления составляют наркотические средства или психотропные вещества, а также растения, содержащие наркотические средства или психотропные вещества, либо их части, содержащие наркотические средства или психотропные вещества, – по ст. 229 и ст. 228¹ УК.

Однако если предметом сбыта выступают ядерное, химическое или другие виды оружия массового поражения, а равно материалы или оборудование, которые могут быть использованы при создании оружия массового поражения, либо ядерные материалы или радиоактивные вещества, т.е. предметы преступления, предусмотренные ч. 2 ст. 226 или ст. 221 УК соответственно, квалификация не столь однозначна.

Это связано с тем, что ответственность за сбыт именно данных предметов преступления в качестве самостоятельных составов преступлений в главе 24 УК не предусмотрена. Действия лиц при их совершении могут подлежать квалификации, например, по ст. 221 и ст. 220 УК, т.е. как хищение и незаконное обращение с ядерными материалами или радиоактивными веществами (в частности, приобретение, передача и т.д.). Однако, данная позиция достаточна спорна.

Мы поддерживаем позицию ученых о необходимости реформирования статей 221, 226 и 229 УК в отдельные нормы [6]. При этом, как представляется, разбойное нападение в целях хищения в указанных составах преступлений подлежит самостоятельной квалификации, как обстоятельство, особо отягчающее наказание. Однако, к сожалению, до сих пор мнение ученых не нашло должного подтверждения в соответствующих статьях – 221, 226 и 229 УК.

Теперь о вымогательстве. По ч.ч. 1 или 2 ст. 226 УК подлежат квалификации такие ненасильственные формы хищения указанных в диспозиции предметов преступления, как кража, мошенничество, ненасильственный грабёж.

Логично предположить, что под вымогательством в указанных частях ст. 226 УК следует понимать высказывание угрозы, которая может либо причинить ущерб собственнику или владельцу данных предметов (например, уничтожение или повреждение его имущества), либо касаться сведений о частной или частно-публичной жизни лица, разглашение которых способно негативно отразиться на репутации, в том числе деловой, лица, к которому предъявляются указанные требования, или его близких. Но при этом угроза при-

чинения вреда здоровью потерпевшего выходит за рамки конструкции состава преступления, предусмотренного ч. 1 или 2 ст. 226 УК.

Следовательно, как вымогательство по ч.ч. 1 или 2 ст. 226 УК следует признавать «...требование передачи под угрозой уничтожения или повреждения чужого имущества, а равно под угрозой распространения сведений, позорящих потерпевшего или его близких, либо иных сведений, которые могут причинить существенный вред правам или законным интересам потерпевшего или его близких...».

Если же угроза связана с применением насилия, вымогательство по действующему законодательству подлежит квалификации по соответствующей части (3 или 4, в зависимости от вида насилия) ст. 226 УК.

Отсюда следует вывод о необходимости разграничения преступлений, связанных с хищением и вымогательством, с учетом предмета рассматриваемых видов преступлений, так же, как и в преступлениях против собственности.

В заключение следует отметить, что необходимо не просто вносить те или иные новеллы в уголовный закон, а только те, которые прошли криминологическую экспертизу на научность, целесообразность, обоснованность и удобство в правоприменении, т.е. позволяющих единообразно трактовать те или иные признаки при квалификации преступлений.

В противном случае доктринальное толкование закона может вызвать ряд разночтений у правоприменителей и, как следствие, привести к судебным-следственным ошибкам.

Литература:

1. Состояние преступности в России / <http://genproc.gov.ru/upload>.
2. Смирнов А.М. Привлечение к уголовной ответственности за внесудебные (внеправовые) способы разрешения социальных конфликтов (самосуд): актуальность постановки проблемы // Вестник Владимирского юридического института. 2014. № 3 (32). С. 104-107.
3. Федеральный закон от 13 декабря 1996 г. № 150-ФЗ (ред. от 8 марта 2015 г.) «Об оружии» / Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 51. Ст. 5681; Система ГАРАНТ: <http://base.garant.ru/10128024/#ixzz3Y1Sognzc>.
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 12 марта 2002 г. № 5 (ред. от 3 декабря 2013 г.) «О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2002. № 5; Система ГАРАНТ: <http://base.garant.ru/1352597/#ixzz3Y1MhYgWs>.
5. Багрова О.Л. Уголовная ответственность за хищение либо вымогательство оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. С. 23; Зварыгин В.Е. Незаконный оборот огнестрельного оружия: Уголовно-правовой и криминологический аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ижевск, 2002. С. 8; Клименко Т.М. Проблемы противодействия наркопреступности, наркотизму и наркомании в Российской Федерации (вопросы теории и практики): монография. Волгоград, 2008. С. 147; Прохорова М.Л. Наркотизм: социально-психологические, криминологические и уголовно-правовые аспекты: дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2001. С.216 и др.
6. Зварыгин В.Е. Указ. соч. С. 121; Леонов Д.А. Хищение либо вымогательство наркотических средств или психотропных веществ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Краснодар, 2006. С. 7; Нугуманов А.Р. Хищение либо вымогательство наркотических средств или психотропных веществ: уголовно-правовые и криминологические аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Уфа, 2009. С. 10; Скорилкина Е.Н. Незаконный оборот оружия, совершенный путем хищения либо вымогательства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. С. 9.

А.В. КУЗЬМИН

*соискатель кафедры уголовного права и процесса
Северо-Кавказского федерального университета*

A.V. KUZMIN

*applicant, Department of criminal law and procedure
North-Caucasus Federal University*

О СИСТЕМЕ ОБЪЕКТОВ СОСТАВОВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, ПОСЯГАЮЩИХ НА ЛИЦ, ОСУЩЕСТВЛЯЮЩИХ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

ABOUT SYSTEM OBJECTS FORMULATIONS OF CRIMES AGAINST THE PERSONS RESPONSIBLE FOR LAW ENFORCEMENT

Аннотация. В статье на основе критического анализа высказанных в специальной литературе позиций формируется система объектов преступлений, посягающих на лиц, осуществляющих правоохранительную деятельность, и определяется их содержание.

Ключевые слова: объект преступления, система объектов преступления, посягательства на лиц, осуществляющих правоохранительную деятельность, порядок управления.

Annotation. In the article on the basis of a critical analysis expressed in the literature of positions a system of objects of crimes against the persons responsible for law enforcement, and determined their content.

Key words: object of the crime, the system of objects of a crime, assault on persons engaged in law enforcement, governance.

Определение видового объекта посягательств на лиц, осуществляющих правоохранительную деятельность, связано с определенными трудностями в силу отсутствия единого подхода к определению его содержания. Так, Г.Ф. Поленов отмечал, что вопрос об «объекте преступлений против порядка управления приобретает принципиальное значение, поскольку он непосредственно связан с установлением сущности, специфики этой категории преступлений, с их отграничением от иных групп преступлений» [1].

В 30-е г. XX в. преобладающей выступала точка зрения, согласно которой объекты должностных преступлений и преступлений, посягающих на порядок управления, совпадают. Так, В.Д. Меньшагин указывал: «Говоря об объекте посягательства при преступлениях против порядка управления, необходимо указать также и на идентичность этого объекта с объектом должностных преступлений» [2]. В 60-е гг. XX в. приведенная позиция была опровергнута в пользу отграничения видовых объектов указанных преступлений. Так, Г.Ф. Поленов писал: «Дело в том, что объект должностных преступлений гораздо шире объекта преступлений против порядка управления, он выходит за рамки общественных отношений, ограниченных сферой управления. Управленческие общественные отношения при должностных преступлениях выступают лишь как составная часть их родового объекта, как часть нормальной деятельности государственного аппарата» [1].

В начале XXI в. интересный подход относительно объекта рассматриваемой группы преступлений был сформулирован в монографии А.Ю. Кизилова. Он обращает внимание, в частности, на то, что главным в дискуссии при определении объекта интересующих нас посягательств является вопрос не о том, «каким способом и кем нарушается управленческая деятельность государственных органов (с последующим уходом в рассуждения о качественной специфике отношений, имеющих, на самом деле, единую государственно-управленческую природу), а о том, что и посредством должностных преступлений, и путем совершения посягательств на порядок управления наносится ущерб одной и той же социальной ценности – нормальной деятельности публичного аппарата управления» [3].

Таким образом, осуществлена попытка ренессанса идеи о тождественности объекта должностных преступлений и преступлений против порядка управления. Поддержать подобные высказывания не представляется возможным. Большинство ученых-юристов считают, что видовым объектом рассматриваемой группы посягательств следует признавать законную управленческую деятельность органов государственной власти и местного самоуправления, то есть порядок управления [4].

На наш взгляд, видовым объектом преступлений против порядка управления выступает совокупность качественно однородных общественных отношений, складывающихся на основе установленных в государстве нормативных предписаний между гражданами и уполномоченными субъектами в лице представителей компетентных органов при осуществлении ими государственного либо муниципального управления.

Между тем, в литературе справедливо обращается внимание на специфику видового объекта преступлений, связанных с посягательством на представителя власти. Так, в частности, Ю.В. Баглай отмечает, что «видовым объектом преступлений, совершаемых в отношении сотрудников правоохранительных органов, являются отношения управления, возникающие в процессе управляющего воздействия государственных органов управления (в лице их представителей) на членов общества по поводу осуществления последними функции социального общения, и имеющие своей целью поддержание состояния стабильности, упорядоченности и защищенности социальных отношений» [5].

Действительно, деятельность, которую осуществляют представители правоохранительных органов, являет собой специфический вид государственной службы. Так, в ст. 2 ФЗ «О системе государственной службы» [6] правоохранительная выделена особо. Раскрывая функциональную характеристику правоохранительной государственной службы, А.М. Артемьев указывает, что:

во-первых, государственная правоохранительная служба является социально востребованной деятельностью, с ее помощью решаются задачи общесоциального характера;

во-вторых, функции правоохранительной государственной службы производны от функций органа, службы или учреждения, осуществляющего обеспечение задач в сфере правоохранительной деятельности государства;

в-третьих, функции правоохранительной службы определяются родовым объектом правоохранительной деятельности: безопасность; законность и правопорядок; борьба с преступностью; защита прав и свобод человека и гражданина;

в-четвертых, функциональные особенности отдельных правоохранительных должностей определяются ее местом и ролью в механизме правоохранительной деятельности (фазе правоохранительной деятельности государства) [7].

Сказанное позволяет ставить вопрос о специфике объекта уголовно-правовой охраны в составах, связанных с посягательствами на лиц, осуществляющих правоохранительную деятельность. На наш взгляд, подвидовым объектом преступлений, предусмотренных в ст. 317–320 УК РФ, выступают общественные отношения, складывающиеся в процессе основанной на законе деятельности лиц, осуществляющих правоохранительную деятельность, направленную на обеспечение установленного в обществе порядка управления.

И, действительно, «персональная» криминализация названных деяний связана именно с тем, что они осуществляются в связи с выполнением потерпевшим своего служебного долга, в результате чего нарушается безопасность не только отдельной личности, но и всего государства. Государственный суверенитет складывается, в том числе, и из деятельности независимых, неуязвимых субъектов, действующих в условиях личной безопасности, которым делегированы полномочия законодательной, исполнительной власти и правоохранительной деятельности. В связи с этим объединение в гл. 32 УК РФ таких разнотипных преступлений, как посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного

органа (ст. 317 УК РФ) и, например, самоуправства (ст. 330 УК РФ), считаем необоснованным.

Помимо этого, в отечественной уголовно-правовой доктрине развернулась дискуссия относительно определения непосредственного объекта преступлений, совершаемых в отношении сотрудников правоохранительных органов, осуществляющих деятельность по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности. В основе первой точки зрения, которую отстаивал Г.Ф. Поленов [8], находилась концепция двуобъектности преступлений: основным определяющим объектом для преступлений, посягающих на субъекта управления, признавалась нормальная деятельность, авторитет милиции и работников милиции, народных дружин и народных дружинников. Интересы личности работника милиции или народного дружинника при совершении этого преступления – второй (дополнительный) объект. Эта позиция активно поддерживается и в современной доктрине. Так, на взгляд Н.К. Рудый, «под непосредственным объектом посягательства на жизнь сотрудника правоохранительного органа, ..., следует понимать порядок управления в правоохранительных органах, вооруженных силах и других войсках и воинских формированиях России (основной непосредственный объект)» [9].

По мнению сторонников второй позиции, указанные преступления имеют своим объектом жизнь, здоровье и достоинство лиц определенной категории. В данном случае возникает резонный вопрос, а чем эти преступления отличаются от преступлений против жизни и здоровья.

В основе третьей точки зрения содержится мнение о признании в рассматриваемых преступлениях в качестве непосредственного объекта нормальной деятельности органов власти, а также их авторитет [10].

Считаем, что предпочтительнее выглядит первая из представленных позиций. Действительно, в качестве основного объекта преступлений, направленных против сотрудников правоохранительных органов, выступают общественные отношения, складывающиеся в процессе осуществления ими своих обязанностей по службе, а в качестве дополнительного – их жизнь, здоровье, честь, достоинство, телесная и психическая неприкосновенность, личная безопасность [5].

Таким образом, основным непосредственным объектом составов преступлений, посягающих на лиц, осуществляющих правоохранительную деятельность (ст. 317- 319 УК РФ), выступают общественные отношения, складывающиеся в сфере осуществления ими функций по охране общественного порядка в условиях, регламентированных законом, в том числе, безопасности службы.

Спецификой характеризуется непосредственный объект разглашения сведений о мерах безопасности, применяемых в отношении должностного лица правоохранительного или контролирующего органа (ст. 320 УК РФ). На взгляд С.Я. Поскова, непосредственным объектом являются тайна, неприкосновенность сведений, ее составляющих, тех мер безопасности, которые применяются в отношении должностного лица правоохранительного органа [11]. Однако с такой трактовкой непосредственного объекта данного состава преступления вряд ли можно согласиться. Прежде всего, в силу того, что тайна и ее неприкосновенность не могут выступать в качестве объекта рассматриваемого посягательства. Вред от преступных действий причиняется не им, а безопасности деятельности должностных лиц правоохранительных или контролирующих органов. Следовательно, в результате разглашения сведений о мерах безопасности нарушается установленный порядок обеспечения личной безопасности указанных лиц. Следовательно, непосредственным основным объектом рассматриваемого состава преступления выступают общественные отношения, складывающиеся в сфере реализации предусмотренных законом мер по обеспечению лич-

ной безопасности должностных лиц, осуществляющих правоохранительную деятельность, и их близких.

Составы преступлений связанные с посягательством на лиц, осуществляющих правоохранительную деятельность, являются двуобъектными. Дополнительным объектом посягательства на жизнь сотрудника правоохранительного органа выступает жизнь сотрудника или его близких.

Дополнительным объектом применения насилия в отношении представителя власти выступает здоровье представителя власти и его близких. Вместе с тем в доктринальных источниках представлена и более широкая позиция относительно этого вопроса. Так, на взгляд К.В. Третьякова, дополнительным обязательным непосредственным объектом, данного состава преступления выступает безопасность жизни и здоровья конкретного человека, являющегося представителем власти либо его близким [12]. Думается, что такой подход в данном случае неприемлем, поскольку необоснованно в круг дополнительных объектов состава преступления, криминализуемого в ст. 318 УК РФ, включать безопасность жизни.

Дополнительным объектом оскорбления представителя власти выступает его честь и достоинство. Раскрывая содержание чести как дополнительного объекта рассматриваемого состава преступления, следует подчеркнуть, что эта категория отражает оценку личностных, деловых и профессиональных качеств представителя власти с точки зрения общества. Достоинство же представителя власти сводится к личностной оценке индивидом своих человеческих качеств, а также уровня своего профессионализма. Служебная репутация – оценка обществом качества несения государственной службы должностным лицом.

Дополнительным объектом разглашения сведений о мерах безопасности, применяемых в отношении должностного лица правоохранительного или контролирующего органа, выступают интересы личной безопасности должного лица правоохранительного или контролирующего органа, а также их близких. В отечественной уголовно-правовой доктрине существует подход, согласно которому в содержание дополнительного объекта разглашения сведений о мерах безопасности, применяемых в отношении должностного лица правоохранительного или контролирующего органа включаются такие блага, как честь и достоинство личности [13]. Такую точку зрения вряд ли можно поддержать, поскольку указанные блага играют значение дополнительного необязательного (факультативного) объекта данного состава преступления. Вред чести и достоинству личности при разглашении сведений о мерах безопасности, хотя и может быть причинен, но крайне редко сопровождается названными деяниями.

В уголовно-правовой доктрине ряд авторов выделяет и дополнительный необязательный объект (факультативный) в составах преступлений о посягательствах на лиц, осуществляющих правоохранительную деятельность (ст. ст. 317-320 УК РФ). Так, факультативным объектом посягательства на жизнь сотрудника правоохранительного органа (ст. 317 УК РФ) называют честь и достоинство потерпевшего, его имущественные интересы и т. д. [14] На наш взгляд, выделение факультативного непосредственного объекта в данном случае уместно. Действительно, зачастую посягательства на лиц, осуществляющих правоохранительную деятельность, сопровождаются их оскорблением, унижением чести и достоинства, повреждением имущества. Анализ судебной практики показывает, что из 69 приговоров, вынесенных в отношении виновных в подобных посягательствах, в 75,4 % (52 приговора) были установлены факты оскорбления и унижения личности сотрудника правоохранительного органа [15]. Все это в обязательном порядке должно быть учтено при оценке общественной опасности конкретного преступного деяния и учитываться при определении окончательного вида и размера наказания виновному.

Факультативными объектами разглашения сведений о мерах безопасности, применяемых в отношении должностного лица правоохранительного или контролирующего органа, могут быть жизнь, здоровье, неприкосновенность жилища, собственность указанных лиц. Вред указанным благам может наступить в результате того, что в результате разглашения сведений о мерах безопасности у лица, в отношении которого они применялись, может наступить стрессовые, фрустрационные состояния, синдром тревоги, инфаркт и т.п. Преступники, обладающие в результате разглашения сведений информацией, где находится охраняемое лицо, могут осуществить незаконное проникновение в жилище, повредить его собственность. В этой связи в ч. 2 ст. 320 УК РФ осуществлена дифференциация уголовной ответственности в зависимости от тяжести наступивших последствий, в ней предусмотрено наступление в результате разглашения сведений о мерах безопасности тяжких последствий.

Резюмируя изложенное, следует еще раз обратить внимание на то, что

1. Видовым объектом преступлений против порядка управления выступает совокупность качественно однородных общественных отношений, складывающихся на основе установленных в государстве нормативных предписаний между гражданами и уполномоченными субъектами в лице представителей компетентных органов при осуществлении ими государственного либо муниципального управления.

2. Специфика составов преступлений, связанных с посягательством на лиц, осуществляющих правоохранительную деятельность, позволяет сформировать их подвидовой объект. Таковым являются общественные отношения, складывающиеся в процессе основанной на законе деятельности лиц, осуществляющих правоохранительную деятельность, направленную на обеспечение установленного в обществе порядка управления.

3. Составы преступлений, связанные с посягательствами на лиц, осуществляющих правоохранительную деятельность, являются двухобъектными:

– непосредственным основным объектом составов преступлений, посягающих на лиц, осуществляющих правоохранительную деятельность (ст. 317-319 УК РФ), выступают общественные отношения, складывающиеся в сфере осуществления ими функций по охране общественного порядка в условиях, регламентированных законом, в том числе, безопасности службы;

– непосредственным основным объектом состава преступления, криминализованного в ст. 320 УК РФ, выступают общественные отношения, складывающиеся в сфере реализации предусмотренных законом мер по обеспечению личной безопасности должностных лиц, осуществляющих правоохранительную деятельность, а также их близких.

– дополнительным непосредственным объектом состава посягательства на жизнь сотрудника правоохранительного органа (ст. 317 УК РФ) является жизнь сотрудника правоохранительного органа или его близких; состава применения насилия в отношении представителя власти (ст. 318 УК РФ) – здоровье представителя власти, в том числе сотрудника правоохранительного органа, или его близких; состава оскорбления представителя власти (ст. 319 УК РФ) – его честь и достоинство; состава разглашения сведений о мерах безопасности, применяемых в отношении должностного лица правоохранительного или контролирующего органа (ст. 320 УК РФ) – интересы личной безопасности должностного лица правоохранительного или контролирующего органа, а также их близких;

4. Составы преступлений, регламентируемые ст.ст. 317-320 УК РФ, характеризуются наличием факультативного непосредственного объекта: согласно ст. 317 и 318 УК РФ – это честь и достоинство, неприкосновенность жилища; ст. 320 УК РФ – жизнь, здоровье, неприкосновенность жилища, собственность указанных лиц.

Литература:

1. Поленов Г.Ф. Ответственность за преступления против порядка управления. М., 1966. С. 5.
2. Меньшагин В.Д. Преступления против порядка управления. М., 1938. С. 5.
3. Кизилов А.Ю. Уголовно-правовая охрана управленческой деятельности представителей власти. Ульяновск, 2002. С. 51.
4. Баглай Ю.В. Уголовно-правовая охрана сотрудников правоохранительных органов, осуществляющих деятельность по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности (по данным Приволжского округа): автореф. дис. ...канд. юрид. наук. М., 2010; Балова А.М. Посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2010; Третьяков К. В. Уголовная ответственность за насилие в отношении представителя власти: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2009; Шабанов А.В. Охрана жизни и здоровья сотрудника правоохранительного органа (уголовно - правовая и криминологическая характеристика): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-н/Д., 2003; Шкода А.В. Уголовная ответственность за разглашение сведений о мерах безопасности, применяемых в отношении должностного лица контролирующего или правоохранительного органа: дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2006 и др.
5. Баглай Ю.В. Уголовно-правовая охрана сотрудников правоохранительных органов, осуществляющих деятельность по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности (по данным Приволжского округа): автореф. дис. ...канд. юрид. наук. М., 2010. С. 23.
6. Федеральный закон от 27.05.2003 № 58-ФЗ (ред. от 02.07.2013 г.) «О системе государственной службы Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2003. № 22. Ст. 2063; <http://www.consultant.ru/popular/gossluzh/#info>. (Дата обращения 3 апреля 2015 г.).
7. Артемьев А. М. Государственная правоохранительная служба: системные свойства, функции, правовое обеспечение: автореф. дис. ... док-ра юрид. наук. М., 2008. С. 32.
8. Поленов Г.Ф. Поленов Г.Ф. Ответственность за преступления против порядка управления. М., 1966. С. 5-11.
9. Рудый Н. К. Преступления против порядка управления, посягающие на служебную деятельность и личность представителей власти: сравнительный анализ законодательства России и стран СНГ: автореф. дис. канд. юрид. наук. М., 2009. С. 11.
10. Гамидов Р.Т. Применение насилия в отношении представителя власти: уголовно-правовое и криминологическое исследование (на примере Республики Дагестан): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. С. 7; Третьяков К. В. Уголовная ответственность за насилие в отношении представителя власти: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2009 и др.
11. Посков С.Я. Расследование разглашения сведений о мерах безопасности, применяемых в отношении должностного лица правоохранительного органа: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владивосток, 2012. С. 6.
12. Третьяков К. В. Уголовная ответственность за насилие в отношении представителя власти: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2009. С. 10.
13. Шкода А.В. Уголовная ответственность за разглашение сведений о мерах безопасности, применяемых в отношении должностного лица контролирующего или правоохранительного органа: дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2006. С. 14.
14. Балова А.М. Посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2010. С. 5.
15. Результаты авторского изучения судебной практики.

Т.В. ПИЛЮГИНА

*доцент кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права
Кубанского социально-экономического института, к.ю.н.*

В.И. ПЕТРОВ

*доцент кафедры истории и культурологии
Кубанского государственного университета,
к.и.н., г. Краснодар
E-mail: history1380@mail.ru*

T. PILYUGIN

*associate Professor of criminal and penal law
Kuban social and economic Institute, candidate of law.N.*

V. PETROV

*Candidate of History, associated professor
of History and Culturology Department
of Kuban State University, city of Krasnodar
E-mail: history1380@mail.ru*

**ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРАВОПОРЯДКА НА ТЕРРИТОРИИ КРАСНОДАРСКОГО
КРАЯ – ЗАЛОГ СТАБИЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ОРГАНОВ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ С ГРАЖДАНСКИМ ОБЩЕСТВОМ**

**THE RULE OF LAW ON THE TERRITORY OF KRASNODAR REGION IS A
KEY TO SUSTAINABLE COOPERATION OF PUBLIC AUTHORITIES WITH CIVIL
SOCIETY**

Аннотация. Главной целью постоянно действующего координационного совещания является совершенствование деятельности по поддержанию правопорядка и эффективное взаимодействие органов исполнительной власти края с гражданским обществом. В настоящее время большое внимание уделено обеспечению взаимодействия полиции с силовыми структурами и органами исполнительной власти по получению и обмену информации о происходящих процессах в целом. Видеоразрешение камер позволяет установить даже личность человека. Примерами успешной работы по раскрытию особо тяжких преступлений могут служить факты раскрытия различных преступлений в районах Краснодарского края.

Ключевые слова: обеспечение правопорядка, Совет безопасности, прогнозирование развития ситуации, народные и казачьи добровольные дружины.

Abstract. The Main purpose of a permanent coordination meetings is to improve the activities of law enforcement and the effective interaction of Executive authorities of the region with civil society. Currently much attention is paid to ensure the cooperation of the police and the security forces and bodies of Executive power to obtain and exchange information about the ongoing processes in General. The video camera allows you to set even the personality of the person. Examples of successful work for the disclosure of particularly serious crimes may serve as evidence of disclosure of various crimes in the districts of the Krasnodar territory.

Key words: rule of law, the security Council, forecasting the development of the situation, and Cossack folk volunteer militias.

При губернаторе Краснодарского края создано постоянно действующее координационное Совещание по обеспечению правопорядка – Совет безопасности. Положение о Свете разработано в соответствии с Конституцией Российской Федерации, Указа Президента Российской Федерации от 11 декабря 2010 года N 1535 "О дополнительных мерах по

обеспечению правопорядка" [1], постановления Правительства Российской Федерации от 5 декабря 2005 года N 725 "О взаимодействии и координации деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации и территориальных органов федеральных органов исполнительной власти" [2]. Совещание призвано осуществлять согласованные действия территориальных органов исполнительной власти, расположенных на территории Краснодарского края и органов местного самоуправления муниципальных образований Краснодарского края по обеспечению правопорядка в пределах края.

Главной целью постоянно действующего координационного совещания – Совета безопасности является совершенствование деятельности по поддержанию правопорядка и эффективное взаимодействие органов исполнительной власти края, органов местного самоуправления и муниципальных образований с территориальными федеральными органами исполнительной власти, расположенными на территории Краснодарского края, в сфере обеспечения правопорядка на территории Краснодарского края на основе эффективной информационно-аналитической деятельности. К одной из самых главных задач Совета относится обобщение и анализ информации о состоянии правопорядка на территории края, а также прогнозирование развития ситуации в этой области, а так же всесторонний анализ эффективности деятельности органов МВД Российской Федерации и территориальных органов всех федеральных органов исполнительной власти, органов местного самоуправления по обеспечению правопорядка в нашем крае. Безусловно, большое значение имеет совместная работа, взаимодействие госорганов с институтами гражданского общества и социально ориентированными некоммерческими объединениями по вопросам обеспечения порядка на территории Краснодарского края. В Положении о Совете безопасности определены широкие права и полномочия координационного совещания. Совет может «подключаться» к координации деятельности правоохранительных органов [3, с. 64]. Так, в целях обеспечения общественного порядка и общественной безопасности во время подготовки и проведения публичных и массовых мероприятий, приуроченных к празднованию Дня Весны и Труда, 70-й годовщине Победы в Великой Отечественной войне сотрудниками полиции будут приниматься все необходимые меры по организации совокупности мероприятий по предупреждению криминальных ситуаций [4, с.82].

В настоящее время большое внимание уделено обеспечению взаимодействия полиции с силовыми структурами и органами исполнительной власти по получению и обмену информации о происходящих процессах в целом. Во время проведения праздничных мероприятий традиционно планируется привлечение к обеспечению правопорядка добровольно-народных и казачьих дружин [5, с. 12]. Сотрудниками ГИБДД и ДПС будет обеспечиваться безопасность дорожного движения, профилактика и пресечение правонарушений, в том числе связанных с управлением транспортными средствами в состоянии алкогольного опьянения. С целью антитеррористической безопасности населения, сотрудники правоохранительных органов, с применением технических средств и служебных собак предварительно обследуют территорию мест проведения массовых мероприятий. Немалое внимание органы уделяют работе с населением. Так, по всем фактам противоправных действий, гражданам предлагается незамедлительно обращаться в дежурную часть ОМВД России в районах по «Телефонам доверия» [6, с. 98].

Ежегодно на обеспечение муниципальной ведомственной целевой программы «Безопасный Краснодар в бюджете города выделялись необходимые средства (27 550 тыс. руб. в 2014 году). Часть из этих средств направляется на установку и обслуживание камер наблюдения, которых на сегодняшний день уже более 600 - стационарных, поворотных, купольных. Благодаря этому сегодня ведется наблюдение более чем за 70 дорожными перекрестками, остановками общественного транспорта, автостанциями г. Краснодара, за автовокзалом, аэропортом и за государственными, муниципальными образовательными

учреждениями, административными зданиями, парками и скверами, торгово-развлекательными центрами, храмами и т.д. [7, с. 3]. Изображение непрерывно транслируется на экраны единой дежурной диспетчерской службы города в режиме «онлайн». Видеоразрешение камер позволяет установить даже личность человека, попавшего в поле зрения объектива. Информация хранится не менее 21 дня, и сотрудники органов ВД активно ее запрашивают. Так, уже установлено, что в местах, где установлено больше камер, совершается гораздо меньше правонарушений, чем в не контролируемых местах.

Если говорить о значении профилактики правонарушений, то надо дать высокую оценку Закону «О профилактике правонарушений в Краснодарском крае», который был принят Постановлением Законодательного Собрания Краснодарского края от 22 октября 2013 года (в ред. Закона Краснодарского края от 04.02.2014 N 2879-КЗ) [8]. Этот своевременный и важный закон устанавливает общие направления профилактики правонарушений, определяет задачи и принципы профилактики правонарушений на территории нашего края, и регулирует отношения, возникающие в процессе осуществления профилактической работы по обеспечению законности, правопорядка и общественной безопасности в Краснодарском крае [9, с.116].

Закон определил основные направления деятельности по вопросам профилактики правонарушений:

- профилактика безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних;
- предупреждение преступных посягательств в отношении несовершеннолетних;
- профилактика экстремистской деятельности;
- предупреждение терроризма, в том числе выявление и последовательное устранение причин и условий, способствующих совершению террористических актов;
- профилактика наркомании;
- профилактика алкоголизма;
- профилактика правонарушений среди лиц, освобожденных из мест лишения свободы, а также лиц, осужденных к наказанию, не связанному с лишением свободы;
- виктимологическая профилактика.

Только в 2014 году в крае было проведено около 5 тыс. мероприятий с массовым пребыванием граждан, в том числе коммерческих, в которых приняло участие 11 млн. человек [10, с. 118]. Для обеспечения общественного порядка задействовалось около 180 тыс. сотрудников полиции. При этом нельзя было использовать личный состав с маршрутов патрулирования, административных участков оставляя тем самым их уязвимыми для преступных посягательств. Безусловно, получая доходы от проведения мероприятий, их организаторы должны выделять денежные средства и на охрану общественного порядка [11, с.21]. Вполне очевидно, что в таких случаях необходимо возлагать ответственность и на организаторов этих общественных мероприятий.

Одним из приоритетных направлений в 2014 году являлась задача повышения результативности оперативно-розыскной деятельности. Это было напрямую связано с реализацией главного принципа – обеспечение неотвратимости наказания за совершенное преступление.

Примерами успешной работы по раскрытию особо тяжких преступлений могут служить факты раскрытия различных преступлений в Красноармейском районе, в Армави-ре, Кропоткине, Анапе, Геленджике и Новороссийске.

Литература:

1. Указ Президента Российской Федерации от 11 декабря 2010 г. № 1535 "О дополнительных мерах по обеспечению правопорядка"// СПС «Консультант Плюс».
2. Постановление Правительства Российской Федерации от 5 декабря 2005 года N 725 "О взаимодействии и координации деятельности органов исполнительной власти

субъектов Российской Федерации и территориальных органов федеральных органов исполнительной власти"// СПС «Консультант Плюс».

3. Петров В.И. К вопросу о национальной безопасности, политико-экономической интеграции России в мировом пространстве // Уголовная политика в сфере обеспечения безопасности здоровья населения, общественной нравственности и иных социально-значимых интересов материалы II Международной научно-практической конференции. Ответственный редактор: М.Л. Прохорова. Краснодар 2013.

4. Петров В.И. Основные тенденции современного терроризма в условиях глобализации. Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2007. № 24 (96). С. 78-82.

5. Петров В.И. К вопросу о политико-экономической интеграции России // Общество: политика, экономика, право. 2010. № 2. С. 11-13.

6. Петров В.И. Основы обществоведческих и гуманитарных дисциплин в современных условиях // Современный специалист и профессиональные компетенции: методический аспект подготовки материалы Международной научно-методической конференции. 2013. С. 96-102.

7. Косенко В. Предвидеть - значит предупредить // Краснодарские известия. 17.04.2014.

8. Закон «О профилактике правонарушений в Краснодарском крае» в ред. Закона Краснодарского края от 04.02.2014 N 2879-КЗ.

9. Касьянов В.В., Петров В.И. Развитие гражданского общества Краснодарского края как составной части этнорегионального полиэтнического сообщества Юга России // Aspectus. 2014. № 3. С. 114-118.

10. Петров В.И., Федина И.М. Зарождение индустрии гостеприимства в Кубано-Черноморье // Курорты. Сервис. Туризм. 2014. № 3-4 (24-25). С. 116-119.

11. Петров В.И. Особенности развития гражданского общества в России (на примере Краснодарского края) // Вестник Академии знаний. 2014. № 1 (8). С. 18-22.

Л.П. СИДОРЕНКО

доцент кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права

Кубанский социально-экономический институт

кандидат исторических наук

L.P. SIDORENKO

assistant professor of criminal and criminal-executive right

Kuban Social and Economic Institute

РАЗГРАНИЧЕНИЕ ПОХИЩЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА, НЕЗАКОННОГО ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ И ЗАХВАТА ЗАЛОЖНИКА

DISTINCTION KIDNAPPING, ILLEGAL IMPRISONMENT AND HOSTAGE-TAKING

Аннотация. В статье дается краткая характеристика таких составов преступления, как похищение человека, незаконное лишение свободы, захват заложника. Проведен их сравнительный анализ с целью разграничения при квалификации данных деяний.

Ключевые слова: диспозиция статьи, захват заложника, квалификация преступного деяния, незаконное лишение свободы, объект преступления, объективная сторона преступления, похищение человека, субъект преступления, субъективная сторона преступления.

Annotation. The article provides a brief description of the offenses of kidnapping, unlawful imprisonment, hostage. Their comparative analysis with a view to distinguishing with quasi-lifikatsii these acts.

Key words: disposition of articles, hostage-taking, the qualification of a criminal act, unlawful imprisonment, object of the crime, the objective aspect of crime, kidnapping, perpetrator, a subjective one-tron crime.

В соответствии с нормами Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) [1] действия, связанные с посягательством на свободу человека могут быть квалифицированы как похищение человека (ст. 126 УК РФ), незаконное лишение свободы (ст. 127 УК РФ), захват заложника (ст.206 УК РФ), что порождает в ряде случаев конкуренцию норм. В результате возникает потребность научно обоснованного решения проблемы разграничения названных составов преступлений. Это диктуется потребностями правоприменительной практики.

Традиционно в отечественной доктрине и судебной практике отграничение похищения человека, незаконного лишения свободы, захвата заложника проводится по элементам составов преступлений. Понятие состава преступления образуют четыре группы признаков: объект, объективная сторона преступления, субъект, субъективная сторона преступления. Сравнительный анализ похищения человека и незаконного лишения свободы показывает, что непосредственным объектом этих преступлений является физическая свобода человека, а в качестве дополнительного объекта может выступать безопасность жизни и здоровья гражданина. Таким образом, объект названных составов преступлений является единым, что и определило место норм ст.ст. 126, 127 в главе 17 «Преступления против свободы, чести и достоинства личности» УК РФ.

В действующем уголовном законодательстве нормы, регламентирующие захват заложника, содержатся в ст. 206 главы 24 УК РФ «Преступления против общественной безопасности». Поэтому одним из основополагающих критериев отграничения захвата заложника от похищения человека и незаконного лишения свободы является объект преступного посягательства.

И.А. Журавлев считает, что сущность общественной безопасности при захвате заложника проявляется в том, что данное деяние наносит ущерб интересам всего общества, а не конкретному человеку. Преступник преследует цель понуждения государства, организации или гражданина совершить определенные действия либо, напротив, воздержаться от них [4, с. 16].

Далее стоит заметить, что дополнительным объектом при захвате заложника выступает физическая свобода человека, которая в преступлениях, предусмотренных статьями 126, 127 УК РФ является непосредственным объектом.

Отграничение похищения человека от незаконного лишения свободы осуществляется по объективной стороне преступления, которую образуют признаки, характеризующие преступление с внешней стороны. К сожалению, диспозиция ст. 126 УК РФ четкого определения похищения человека не дает. В свою очередь, в диспозиции ст.127 УК РФ указывается, что незаконное лишение человека свободы не должно быть связано с его похищением. В этом проявляется дополнительная сложность разграничения исследуемых составов преступлений. В качестве структурных элементов объективной стороны преступления, предусмотренного ст. 126 УК РФ, можно назвать действия преступника, которые совершаются последовательно. Во-первых, к ним относится захват человека. Под завладением (захватом) человека понимаются совершенные тайно, открыто, с помощью обмана либо злоупотребления доверием противоправные умышленные активные действия виновного, направленные на принуждение потерпевшего переместиться в место его последующего содержания [5, с. 77].

Во-вторых, само перемещение потерпевшего в определенное место. В-третьих, необходимо, чтобы в дальнейшем он удерживался преступниками вопреки его воле. Преступление по своей конструкции является формальным, поскольку считается оконченным с момента противоправного пространственного перемещения потерпевшего вопреки его воле.

Незаконное лишение свободы предполагает установление факта удержания потерпевшего помимо его воли в определенном месте, где он находился на момент осуществления посягательства. В результате потерпевший лишается возможности беспрепятственно перемещаться в пространстве, избирать место своего пребывания. Преступление считается оконченным с начала незаконного удержания лица вопреки его воле. Как справедливо отмечается в юридической литературе, период удержания не оказывает влияния на юридическую оценку деяния. Исключение составляет случай явной кратковременности незаконного лишения свободы, исключающее общественную опасность, а, следовательно, и преступность указанного деяния [2, с. 27, 28].

Таким образом, незаконное лишение свободы проявляется только в незаконном ограничении свободы человека, а похищение - в захвате человека, изъятии его из обычной среды и перемещении в другое место с целью дальнейшего удержания. Проблемы отграничения похищения человека от незаконного лишения свободы возникают в случаях, когда перед похищением лица следует его предварительное удержание в течение непродолжительного периода времени (например, в квартире потерпевшего), и только после этого его перемещают в другое место. Принято считать, что здесь имеет место поглощение состава незаконного лишения свободы похищением человека [5, с. 79]. Вместе с тем, в этих ситуациях необходимо учитывать не только признаки объективной, но и субъективной стороны преступления, а именно исследовать направленность умысла преступников.

В юридической литературе называется и такой существенный признак незаконного лишения свободы, как возможность совершения деяния путем бездействия. Н.В. Бойко приводит пример, когда потерпевший изначально соглашается находиться в запертом помещении, а затем преступник отказывается его освободить и он находится в помещении против своей воли [3, с. 11].

Еще раз акцентируем внимание на моменте окончания указанных преступлений. Как захват заложника, так и насильственное похищение человека, незаконное лишение свободы представляют собой длящиеся преступления с формальным составом. При этом, захват заложника считается оконченным с момента фактического лишения свободы потерпевшего, т.е. с момента захвата, если преступник преследовал цель понудить государство, организацию, гражданина выполнить его требования как условие освобождения заложника. Похищение человека также начинается с момента захвата, но является оконченным с момента его перемещения хотя бы на некоторое время в другое место.

Следует согласиться с авторами, полагающими, что основным отличительным признаком объективной стороны, позволяющим отграничить захват заложника от незаконного лишения свободы и похищения человека, является публичность [4, с. 16].

Исследуемые деяния характеризуется виной в форме прямого умысла. Особенности их субъективной стороны определяются целью совершения преступления. Для квалификации деяния в качестве похищения человека либо незаконного лишения свободы цель не является обязательным признаком. Она может быть различной - месть, корысть и т.д. При захвате заложника виновный осознает, что незаконно захватывает другого человека в качестве заложника в целях понуждения государства, организации или гражданина совершить какое-либо действие или воздержаться от совершения какого-либо действия и желает наступления таких последствий. Виновного интересует, в первую очередь, возможность использования удерживаемого лица, а не его личность. Во время взятия заложников, при-

нуждаемые лица являются более или менее случайными жертвами преступления, так как они находятся на месте преступления. Совершение такого действия или воздержание от него является условием освобождения заложника.

Существенным отличительным признаком похищения человека может служить примечание к ст. 126 УК РФ. В нем сказано, что лицо освобождается от уголовной ответственности в случаях, когда добровольно освободило потерпевшего. Аналогичное примечание содержится и в ст. 206 УК РФ, согласно которому лицо, освободившее заложника добровольно либо по требованию властей, освобождается от уголовной ответственности. Подобное положение в ст. 127 УК РФ отсутствует. Учитывая, что по степени общественной опасности похищение человека и захват заложника являются более тяжкими, позиция законодателя не вполне понятна.

Подводя итог проведенного сравнительного анализа похищения человека, незаконного лишения свободы и захвата заложника можно сказать следующее.

Захват заложника представляет собой большую общественную опасность, чем похищение человека и незаконное лишение свободы. Это обусловлено тем, что в качестве объекта уголовно-правовой охраны при захвате заложника выступает не только личная свобода человека, но и общественная безопасность как обстановка спокойствия в обществе.

Основной проблемой отграничения исследуемых составов преступления является отсутствие описательной диспозиции в ч.1 ст. 126 УК РФ. Под похищением человека следует понимать умышленный противоправный захват человека, дальнейшее перемещение его в пространстве и удержание помимо его воли в определенном месте, совершенное с применением насилия или угрозы его применения либо путем обмана.

С субъективной стороны отграничение захвата заложника от незаконного лишения свободы и похищения человека, обусловлено интеллектуальным моментом умысла, которым охватывается опосредованное воздействие на третью сторону (государство, организацию или человека). Расчет виновного строится на заинтересованности третьей стороны в безопасности заложника, что позволяет виновному манипулировать ею. При незаконном лишении свободы воздействие происходит непосредственно на захваченное лицо.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996г. № 63-ФЗ (ред. от 15 мая 2015 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25; СПС «Консультант Плюс».
2. Авдеев В.А., Авдеева Е.В. Проблемы квалификации похищения человека и незаконного лишения свободы // Российский судья. 2013. № 4. С. 27-28.
3. Бойко Н.В. Незаконное лишение свободы по советскому уголовному праву: автореф. дис. ...канд. юрид. наук. Харьков, 1989. С.11.
4. Журавлев И.А. Уголовно-правовая характеристика преступлений, связанных с захватом заложника: автореф. дис. ...канд. юрид. наук. М., 2001. С. 16.
5. Петров П.К. Похищение человека и незаконное лишение свободы: вопросы квалификации // Вестник Южно-Уральского государственного университета. 2008. № 8 (108). С. 77, 79.

III Раздел:
**«Совершенствование уголовной политики в сфере обеспечения иных
социально-значимых интересов»**

Д.Х. АШРАКАЕВА

*Студентка юридического факультета
Кубанского Государственно Университета*

D.H. ASHRAKAEVA

Law student of the Kuban State University.

**ПОНЯТИЕ И ВИДЫ СОВОКУПНОСТИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ КАК
ПРАВОВАЯ БАЗА ИНДИВИДУАЛИЗАЦИИ НАКАЗАНИЯ**

**CONCEPT AND TYPES OF MULTIPLE OFFENSES AS THE LEGAL BASIS OF
INDIVIDUALIZATION OF PUNISHMENT**

Аннотация. Статья посвящена проблеме назначения наказания по совокупности преступлений с учетом требований принципа индивидуализации наказания. Индивидуализация наказания по совокупности преступлений представляет собой важнейший уголовно-правовой инструмент, призванный обеспечить справедливость назначаемого виновному наказания.

Ключевые слова: совокупность преступлений, назначение наказания, индивидуализация наказания.

Annotation. The article deals with sentencing for multiple offenses with the individualization of punishment. Individualization of punishment for multiple offenses is an essential tool of criminal law, to ensure the validity of the guilty appointed punishment.

Key words: set of crimes, sentencing , individualization of punishment.

При рассмотрении данной проблемы стоит начать с определения понятия совокупности преступлений. Так, статья 17 УК РФ гласит, что совокупностью преступлений признается совершение двух или более преступлений, ни за одно из которых лицо не было осуждено, за исключением случаев, когда совершение двух или более преступлений предусмотрено статьями Особенной части УК РФ в качестве обстоятельства, влекущего более строгое наказание. При совокупности преступлений лицо несет уголовную ответственность за каждое совершенное преступление по соответствующей статье или части статьи УК РФ.

Помимо общих признаков, характерных для любой формы множественности преступлений, совокупность обладает дополнительными признаками, к числу которых можно отнести: а) совокупность преступлений образована из деяний, за которые виновное лицо не было осуждено ни за одно из преступлений, образующих совокупность; б) совершение двух или более преступлений не охватывается одной уголовно-правовой нормой.

Теории уголовного права известны два вида совокупности преступлений: идеальная совокупность; реальная совокупность. Они же нашли свое отражение и в законодательстве, хотя и без явного упоминания о каждой из них.

Идеальная совокупность, согласно ч. 2 ст. 17 УК РФ, выражается в одном действии (бездействии), содержащем признаки преступлений, предусмотренных двумя или более статьями Особенной части УК. Также, данный вид совокупности преступлений могут образовывать преступления, предусмотренные либо разными статьями, либо разными час-

тями одной и той же статьи УК. Последний случай возможен лишь тогда, когда такие части предусматривают различные преступления [1, С.136].

Рассматривая понятие идеальной совокупности, нельзя не обратиться к еще одной важной проблеме. При квалификации преступлений серьезные трудности представляет дифференциация идеальной совокупности и составной нормы. Составные нормы, иногда их именуют учтенной в законе идеальной совокупностью, можно разделить на два вида: во-первых, оба входящих в норму состава абсолютно конкретно определены, во вторых один из составов описан с помощью признака высокой степени абстракции [2, С.56].

С квалификацией преступлений, предусмотренных составными нормами первого вида, особых проблем не возникает. В данном случае можно действовать согласно правилу, предложенному А. С. Гореликом, он считает, что следует применять составную норму, так как она полнее отражает преступное поведение и общественную опасность деяния [3, С. 23]. Академик В. Н. Кудрявцев предлагал следующий критерий отграничения идеальной совокупности от составной нормы. Если объект посягательства и вредные последствия охватываются одной нормой, то это есть идеальная совокупность, учтенная в законе, то есть составная норма, если же объект преступного посягательства и причиненный или возможный вред не охватываются одной нормой Особенной части Уголовного кодекса, то назначение наказания должно основываться на применении института совокупности преступлений [4, С.28].

Следует отметить, что все эти правила применимы лишь тогда, когда одна из частей нормы не описывается с помощью признака высокой степени абстракции. Как поступить в таком случае? Здесь необходимо обратиться к статье В. В. Питецкого «О разграничении идеальной совокупности преступлений и составной нормы в уголовном праве», в ней приводится критерий такого разграничения, и более того, предлагается механизм разграничения таких норм в зависимости от тяжести совершенных преступлений. Мы остановимся лишь на критерии. В качестве критерия приводится размер санкции составной нормы и норм, в нее входящих. Наиболее аргументированной представляется позиция, согласно которой санкция составной нормы должна быть выше санкций норм в нее входящих [2, С. 56}. В данном случае мы должны квалифицировать деяние по составной норме. Если же санкции норм, входящих в составную норму, выше или равны, то такое деяние нужно квалифицировать по совокупности.

Реальная совокупность характеризуется последовательным совершением двух или более преступлений посредством самостоятельных (различных) деяний и может быть образована разнородными, однородными и тождественными преступлениями. В то время как, для идеальной совокупности характерно сочетание однородных и разнородных преступлений.

По мнению профессора Ю. А. Красикова, линия преступного поведения в большей степени проявляется в реальной совокупности [5, С.234]. Я считаю, что с этим следует согласиться, так как при идеальной совокупности фактически есть лишь одно действие, хотя оно и квалифицируется по двум статьям. При реальной же совокупности лицо совершает преступления вне всякой связи между ними, что с точки зрения криминологической опасности личности гораздо серьезней (при одинаковой тяжести самих преступлений).

Совокупность преступлений служит основанием для назначения более строгого наказания. При совокупности преступлений наказание назначается отдельно за каждое совершенное преступление, а потом применяются правила поглощения либо полного или частичного сложения.

Перейдем к вопросу о реализации принципа индивидуализации наказания при назначении наказания по совокупности преступлений: в соответствии со ст. 69 УК процесс назначения наказания по совокупности преступлений проходит два этапа. На первом суд

определяет наказание (и основное, и дополнительное) отдельно за каждое совершенное преступление, входящее в совокупность; естественно, опорой при этом служат общие начала назначения наказания (ст. 60 УК) [6, С. 156-174]. Следование этому этапу - не пустая формальность, она важна во многих отношениях: для обеспечения индивидуализированного наказания, для применения актов амнистии и условно-досрочного освобождения, в случае прекращения дела по одной из статей и т. д. На втором этапе назначается окончательное наказание (основное и дополнительное) по совокупности преступлений. Общие начала назначения наказания и здесь сохраняют свою силу, но деяния, образующие совокупность, рассматриваются как одно целое, которому должна быть дана общая оценка [7, С.270]. Суд берет в качестве отправного, базового наказания, определенное на первом этапе за отдельные деяния, входящие в совокупность. Затем на втором этапе он должен определиться с принципами назначения окончательной меры: это может быть либо поглощение менее строгого наказания более строгим, либо полное или частичное сложение назначенных наказаний. Выбор того или иного принципа зависит от ряда моментов: категории преступлений, вида совокупности (реальная или идеальная), относительной опасности деяний, суммарной их вредности, характеристики личности виновного. Исходя из идеи неотвратимости ответственности по общему правилу при реальной совокупности преступлений предпочтение должно отдаваться принципу сложения наказаний (полного или частичного). Иначе неизбежно складывается мнение - прежде всего у осужденного - о фактической безнаказанности за отдельные преступления, входящие в совокупность.

Окончательное наказание назначается путем частичного или полного сложения, причем, если им выступает лишение свободы, оно может превысить максимальный срок или размер наиболее строгой санкции, но не более чем наполовину (ч. 3 ст. 69 УК), и во всех случаях - в рамках 25-летнего срока. Исключение составляют преступления, перечисленные в ч. 5 ст. 56 УК РФ, за которые максимальное наказание при совокупности преступлений составляет 30 лет лишения свободы.

Таким образом, суд в данном случае располагает новыми пределами назначения наказания, превосходящими как верхние пределы санкций входящих в совокупность преступлений, так и максимальный срок лишения свободы, предусмотренный ст. 56 УК; если ими являются преступления только небольшой и средней тяжести (ч. 2, 3 ст. 15 УК), окончательное наказание может быть избрано судом с использованием как принципа частичного или полного сложения, так и путем поглощения. При сложении суд ограничен тем же полуторным максимальным сроком или размером наказания, предусмотренным за наиболее тяжкое из совершенных преступлений, входящих в совокупность (ч. 2 ст. 69 УК), причем вне зависимости от вида наказаний, входящих в совокупность. Нелогичность такого законодательного решения представляется очевидной. При поглощении окончательное наказание по виду и размерам совпадает с наиболее строгим, назначенным за одно из преступлений, входящих в совокупность. При частичном сложении, в отличие от полного, к наиболее строгому наказанию присоединяется часть наказания, назначенного за другое преступление, входящее в совокупность. Если в совокупность входят три и более преступлений, суд вправе одновременно использовать оба принципа - и сложения (например, суммировать сроки лишения свободы), и поглощения (например, поглотить суммированным лишением свободы исправительные работы или штраф). При частичном сложении окончательное наказание в любом случае должно быть по размеру больше любого наказания, назначенного за отдельное преступление.

Обратимся теперь непосредственно к принципу индивидуализации наказания [8, С. 42-46].

К. Маркс писал: «Если понятие преступления предполагает наказание, то действительное преступление предполагает определенное наказание» [9, С. 153]. Индивидуализа-

ция наказания есть максимальное приспособление избираемой судом меры к целям наказания, учет степени общественной опасности совершенного лицом преступления и данных о его личности, в том числе смягчающих и отягчающих наказание обстоятельств. Суд в отведенных ему пределах конкретизирует наказание, опираясь на сформулированные в законе критерии, и излагает свой вывод о мере уголовно-правового воздействия в приговоре.

Дифференциация и индивидуализация наказания взаимосвязаны: первая из них выступает в качестве необходимой предпосылки второй, в конкретном уголовном деле дифференциация опосредуется судом через индивидуализацию наказания, через приговор. Определение меры уголовно-правового воздействия в законе ставит судебское усмотрение в строго очерченные рамки.

Индивидуализация наказания по совокупности преступлений, базирующаяся на его дифференциации, закрепленной в уголовном законе, представляет собой важнейший уголовно-правовой инструмент, призванный обеспечить справедливость назначаемого виновному наказания. Пленум Верховного Суда РФ также придерживается данной позиции и указывает, что «при решении вопроса о назначении наказания по совокупности ... должны учитываться как характер и степень общественной опасности каждого из преступлений в отдельности, личность виновного, обстоятельства смягчающие и отягчающие наказание, так и повышенная опасность всех совершенных преступлений в их совокупности» [10].

Профессор А. С. Горелик, на мой взгляд, совершенно справедливо прослеживает действие принципа индивидуализации на всех стадиях назначения наказания по совокупности. На стадии назначения наказания за отдельно взятые преступления, пишет он, должны учитываться индивидуальные особенности именно данного деяния, а не общая оценка подобных деяний отраженная в санкции за них. Следовательно, в конкретном случае более тяжкое (с точки зрения санкции) преступление может оказаться менее опасным и повлечет более мягкое наказание по сравнению с тем, которое назначено за деяние со сравнительно менее строгой санкцией. УК РФ 1996 в ч. 3 ст. 60 тоже обращает внимание на такие индивидуализирующие моменты как личность преступника, характер общественной опасности содеянного и так далее. Он также отмечал, что индивидуализация наказания происходит и на этапе назначения наказания по совокупности преступлений. При определении совокупного наказания учету подлежит сочетание тех же факторов, что и при назначении наказания за определенные преступления, но лишь в пределах, в которых они, проявились во всей совокупности, создали какое-либо новое свойство, которое в таком виде отсутствовало в каждом преступлении. Это сочетание и становится основанием для индивидуализации окончательного наказания, причем запрет повторного учета одних и тех же обстоятельств не нарушается, поскольку предметом оценки при определении размера наказания по совокупности являются такие факторы, которые ранее, при назначении наказания за каждое отдельное преступление, не учитывались [3, С. 28].

Кроме того, по моему мнению, нельзя обойти вниманием следующие взаимодополняющие факторы:

- 1) характер общественной опасности, который представляет собой качественную характеристику совершенного преступления, которая определяется в зависимости от ценности объекта преступного посягательства;

- 2) степень общественной опасности выражает количественную характеристику преступления, при помощи которой происходит дифференциация преступлений, квалицируемых по одной и той же статье Особенной части УК РФ. Определение степени общественной опасности может зависеть от различных обстоятельств, например от размера причиненного преступлением вреда. Для определения степени общественной опасности преступления важна также оценка формы вины (умысел, неосторожность), роли лица в со-

вершении преступления, а также иных обстоятельства, учитываемых судом при назначении наказания;

3) характеристику личности виновного (о степени криминализации личности свидетельствует не только характер совершенного преступления, но и поведение виновного до, а также после совершения преступного деяния, его социальные и психофизиологические особенности. Подлежат выяснению и оценке такие обстоятельства, как состояние здоровья, темперамент и волевые качества виновного, его возраст и образование, особенности поведения в семье и по месту работы, законопослушность и т.д. Причем, все эти сведения учитываются судом при назначении наказания за совершение любого преступления;

4) также, суд также должен учитывать смягчающие и отягчающие обстоятельства (ст. ст. 61, 63 УК РФ). Характеризуя преступление, а также личность самого виновного, указанные обстоятельства способны повлиять не только на вид, но и на меру назначенного судом наказания.

Помимо вышеперечисленного, следует отметить, что согласно части 3 статьи 60 УК РФ в числе общих начал назначения наказания содержится упоминание о необходимости учета влияния назначенного судом наказания на исправление осужденного, а также на условия жизни его семьи. При этом последнее обстоятельство может быть для виновного как положительным (например, в случае наличия на иждивении виновного престарелых родителей или малолетних детей и т.д.), так и отрицательным (злоупотребление виновного спиртными напитками, наркотическая зависимость, жестокое обращение с членами семьи и т.д.)

В заключении следует отметить, что без детального анализа и учета вышеперечисленных важнейших составляющих невозможна максимальная индивидуализация, а равно и справедливое назначение наказания по совокупности преступлений [11 С. 254-564].

Литература:

1. Российское уголовное право. Общая часть: учебник для ВУЗов. // М., 2014. С.136 под ред. В.П.Коняхина, М.Л. Прохоровой.
2. Питецкий В. В. О разграничении идеальной совокупности преступлений и составной нормы в уголовном праве / Материалы конференции: Уголовное законодательство: состояние и перспективы развития. Красноярск. 2002. С. 56.
3. Горелик А. С. Конкуренция уголовно-правовых норм. Красноярск 1996. С. 23.
4. Кудрявцев В. Н. Теоретические основы квалификации преступлений. М., 1963. С. 28.
5. Комментарий к Уголовному кодексу РФ / Под.ред. В. М. Лебедева. М., 2004. С. 234.
6. Прохоров Л. А., Прохорова М. Л. Уголовное право. Учебник. М., 2004. С. 156-174.
7. Горелик А. С. Назначение наказания по совокупности. Красноярск, 1975. 270 с.
8. Прохорова М. Л. Регламентация индивидуализации наказания судом присяжных заседателей в российском уголовном законодательстве. // Экономика. Право. Печать. Вестник КСЭИ. №3-4. Краснодар, 2014. С. 42-46.
9. Маркс К. Полн. Собр. Соч. М., 1967. Т. 7. С. 153.
10. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 11 июня 1999 года № 40 «О практике назначения судами уголовного наказания» // Российская газета. 1999. 7 июля
11. Жинкина Е. Ю. Понятие эффективности норм права: некоторые аспекты проблемы. Материалы международной научно-практической конференции 20 мая 2012 г. // Уголовная политика в сфере обеспечения безопасности здоровья населения, общественной нравственности и иных социально-значимых интересов. Краснодар, 2012. С. 254-264.

БАТБАЯР ЭНХЭЭ
доктор права (Монголия)
М.Л. ПРОХОРОВА
доктор юридических наук,
профессор (Россия)

**СМЯГЧЕНИЕ НАКАЗАНИЯ ПО УГОЛОВНОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ
МОНГОЛИИ И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ:
СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ**

**MITIGATION OF PUNISHMENT UNDER THE CRIMINAL LAW OF
MONGOLIA AND THE RUSSIAN FEDERATION:
COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS**

Аннотация. В статье осуществлен сравнительный анализ законодательных, доктринальных и правоприменительных подходов к определению понятия и содержания обстоятельств, смягчающих наказание, в уголовном законодательстве Монголии и России и практики их применения.

Ключевые слова: индивидуализация наказания, смягчающие обстоятельства, судебское усмотрение, уголовное дело, раскаяние, явка с повинной.

Annotation. The article carried out a comparative analysis of legislative, doctrinal-governmental and law enforcement approaches to the definition and content of the circumstances mitigating the punishment, the criminal legislation of Mongolia and Russia, and practice their application-tion.

Key words: individualization of punishment, the mitigating circumstances, judicial discretion, a criminal case, remorse, voluntary surrender.

Уголовное право Монголии многие годы формировалось под влиянием российских уголовно-правовых доктрин. Эта тенденция была закреплена в Уголовных кодексах Монгольской Народной Республики 1926 г., 1929 г., 1934 г., 1961 г. Основные институты этих законодательств по своему содержанию почти дословно повторяли положения Уголовных кодексов РСФСР. Но в начале 21 века законодатель Монголии отступил от прежних постулатов и внес существенные коррективы в уголовное законодательство [1].

Отмеченные изменения коснулись и института назначения наказания. Во-первых, следует отметить, что УК Монголии 2002 г. закрепил *исчерпывающий перечень обстоятельств*, смягчающих наказание, в отличие от УК МНР 1961 г. и УК РФ 1996 г. Совершенно очевидно, что данное обстоятельство значительно ограничивает рамки *благоразумного судебного усмотрения* в процессе индивидуализации наказания. Уголовный кодекс Российской Федерации устанавливает, что при назначении наказания суд может учитывать и другие смягчающие обстоятельства, но должен обязательно мотивировать это решение [2].

В целях совершенствования законодательного регулирования института смягчающих наказание обстоятельств, повышение его эффективности считаем целесообразным нормативно закрепить в Уголовном кодексе Монголии положение, согласно которому при назначении наказания суд будет вправе учитывать в качестве смягчающих и иные, не указанные в законе обстоятельства, с обязательным мотивированием этого решения^а [3].

Во-вторых, законодатель несколько изменил подход к формулированию отдельных обстоятельств. Проведем сравнительный анализ обстоятельств, смягчающих наказание (ст. 55 УК Монголии), в сопоставлении с системой смягчающих наказание обстоятельств, предусмотренных ст. 61 УК РФ.

1. Смягчает наказание факт совершения впервые преступления *небольшой* тяжести или *средней* тяжести *вследствие случайного стечения обстоятельств* (п. 1 ч. 1 ст. 55 УК Монголии). Из анализа содержания этого обстоятельства вытекает, что закон признает смягчающим обстоятельством единую совокупность трех взаимосвязанных условий: а) преступление должно быть совершено впервые. Лицо может считаться совершившим преступление впервые, если оно ранее не совершало преступления. К указанной категории относятся также лица, если их судимость снята или погашена; б) совершенное преступление относится к категории преступлений *небольшой* или *средней* тяжести; в) преступление совершено *вследствие случайного стечения обстоятельств*. Суды учитывали это обстоятельство в 63% изученных уголовных дел. Рассмотренных районными судами Сонгинохайрхана и Чингэлтэй г. Улан-Батора.

Российский законодатель вначале более жестко сформулировал это обстоятельство, исключив категорию преступлений *средней* тяжести. Однако в 2011 году включил в текст пункта "а" ст. 61 УК РФ преступление *средней* тяжести. Таким образом, в качестве смягчающего обстоятельства признаётся совершение *впервые преступления небольшой тяжести вследствие случайного стечения обстоятельств*. Суду, применяющему это положение закона, необходимо установить *три условия в совокупности*. Во-первых, преступление должно быть совершено впервые, виновный ранее не совершал преступления, либо совершал, но судимость снята или погашена; во-вторых, вследствие стечения случайных обстоятельств, что является вопросом факта (попал под влияние более взрослых, сильных правонарушителей и т.д.); в-третьих, преступление должно быть *небольшой* или *средней* тяжести, т.е. максимальное наказание за его совершение по закону не превышает двух лет лишения свободы (ч. 2 ст. 15 УК).

2. *Вторым смягчающим* обстоятельством в п. 2 ч. 1 ст. 55 УК Монголии признано предотвращение виновным вредных последствий совершенного преступления, рассматриваемого как вид деятельного раскаяния. Отмечается, что предотвращение вредных последствий возможно, когда состав преступления сконструирован таким образом, что оконченное преступление создает возможность наступления вредных последствий или ставит объект в опасность причинения вреда. О предотвращении вредных последствий можно говорить и в тех случаях, когда между действиями и наступлением вредных последствий имеется разрыв во времени, в течение которого лицо предотвращает вредные последствия.

Третьим смягчающим обстоятельством в п. 3 ч. 1 ст. 55 УК Монголии законодатель признает добровольное возмещение ущерба либо устранение причиненного вреда. О возмещении имущественного ущерба речь идет и в случаях, когда нанесенный ущерб носит материальный характер и возмещается путем возвращения соответствующего имущества, либо предоставления потерпевшему его материального эквивалента. Отмечается, что устранение причиненного вреда возможно в случаях наступления последствий преступления в виде материального, физического и морального вреда.

В качестве *четвёртого смягчающего* наказания обстоятельства признано и оказание медицинской и иной помощи потерпевшему непосредственно после совершения преступления (п. 10 ч. 1 ст. 55 УК Монголии). Данное обстоятельство было учтено при назначении наказания в 1% уголовных дел.

Российский законодатель объединил в одном пункте «к» ст. 61 УК все эти три обстоятельства. Он связывает смягчение наказания виновному с *оказанием им потерпевшему медицинской или иной помощи непосредственно после совершения преступления, добровольным возмещением имущественного ущерба и морального вреда, причинённых в результате преступления, иными действиями, направленными на заглаживание вреда, причиненного потерпевшему*. Уголовное законодательство и судебная практика придают это-

му обстоятельству большое значение, особенно по делам о преступлениях против личности, против собственности. Оказание *медицинской или иной помощи* потерпевшему непосредственно после совершения преступления выражается, например, в доставлении его в медицинское учреждение, в вызове врача, наложении повязки, введении потерпевшему каких-либо лекарственных препаратов и т.д. Мотивация подобного поведения виновного может быть различной: раскаяние, боязнь ответственности, жалость к жертве и др.

Последовательный учёт этого обстоятельства побуждает виновных к возмещению ущерба, причиняемого хищениями. Однако в судебной практике встречаются случаи, когда одинаково наказываемся как тот, кто возместил ущерб, так и тот, кто этого не сделал. Применяя эту норму при назначении наказания, суд должен иметь в виду, что в законе речь идёт фактически о двух сходных по содержанию обстоятельствах: о предотвращении возможных вредных последствий и устранении уже причинённого вреда. Учитывая факт предотвращения вредных последствий, суд принимает во внимание собственные усилия виновного, а также использование им деятельности других лиц и учреждений для прекращения дальнейшего развития преступления.

Под возмещением нанесённого ущерба необходимо понимать предоставление равного эквивалента за причинённый материальный ущерб. Так, суд признал возможным назначить М. меру наказания, не связанную с лишением свободы, ввиду того, что он добровольно и полностью возместил ущерб, причинённый совершённым им грабежом. Устранение причинённого вреда может заключаться в полном восстановлении повреждённых предметов (ремонт мебели, помещения и т.п.). В случае причинения морального вреда устранением его может признаваться извинение. Возмещение ущерба признаётся смягчающим обстоятельством только в случае *добровольности* его исполнения. Если же такие действия совершаются в результате мер, принятых следственными органами или судом, значение смягчающих обстоятельств они утрачивают.

3. *Пятым смягчающим наказанием обстоятельством* монгольский законодатель признал совершение преступления в результате физического или психического принуждения либо в силу материальной, служебной или иной зависимости (п. 4 ч. 5 ст. 55 УК Монголии).

В УК РФ это смягчающее обстоятельство сформулировано в аналогичной редакции, т.е. преступления в результате *физического или психического принуждения либо в силу материальной, служебной или иной зависимости* (п. "е" ст. 61 УК). По смыслу этой нормы степень общественной опасности деяния снижается, поскольку свобода волеизъявления виновного значительно ограничивается. Правда, он не лишается возможности действовать по собственному выбору, однако рамки его правомерного поведения значительно сужаются, что и определяет смягчающее значение этого обстоятельства. Если же воля лица подавляется полностью, то оно не подлежит уголовной ответственности.

Принуждение как способ ограничения свободы волеизъявления предполагает физическое или психическое воздействие на виновного. Назначаемое наказание при этом должно соответствовать степени опасности принуждения. Если вследствие физического принуждения лицо не могло руководить своими действиями (бездействием), то причинение им вреда охраняемым уголовным законом интересам не является преступлением и, следовательно, не влечёт уголовной ответственности и назначения наказания (ч. 1 ст. 40 УК).

Материальная, служебная или иная зависимость означает наличие определённого отношения между виновным и лицом, принудившим его совершить преступление. Для принуждения наличие подобного отношения не обязательно. Материальная зависимость должна быть труднопреодолимой, от неё должно в значительной степе-

ни зависеть материальное положение виновного. Совершение преступления в силу служебной зависимости предполагает: а) подчинённость виновного по службе; б) общую служебную зависимость виновного от вышестоящего должностного лица. Под иной зависимостью понимается зависимость, проистекающая из семейных отношений, учёбы и других оснований. Закон предоставляет суду право признавать смягчающим обстоятельством любое отношение зависимости между принудившим совершить преступление и виновным в его совершении.

4. *Шестое смягчающее наказание обстоятельство* связано с влиянием сильного душевного волнения виновного, вызванного неправомерными действиями потерпевшего (п. 5 ч.1 ст.55 УК Монголии). В работе отмечается, что противозаконные действия потерпевшего могут быть направлены лишь против лица, совершившего преступление, или его близких. Иными словами, уголовный закон связывает рассматриваемое смягчающее обстоятельство с аффектом, т.е. с возникновением сильного душевного волнения у лица, совершившего преступление. Подход законодателя, на наш взгляд, вполне оправдан, так как действия преступника часто зависят не только от его личностных особенностей, наклонностей и стремлений, но и от поведения потерпевшего, который своими неосторожными, аморальными, противоправными поступками может спровоцировать преступление, создать криминальную обстановку, облегчить наступление преступного результата. Учтено при назначении наказания в 2% дел.

Российский законодатель более полно раскрывает этот признак, признавая обстоятельством, смягчающим наказание, *противоправность или аморальность поведения потерпевшего*, явившегося поводом для преступления (п. "з" ст.61 УК). *Противоправное* поведение потерпевшего - это поведение, противоречащее нормам той или иной отрасли права. *Аморальность* поведения означает несоответствие его нормам морали и нравственности без нарушения правовых предписаний (например, измена супруга, предательство близкого лица и пр.). В рассматриваемой ситуации поведение потерпевшего является провоцирующим, вызывая виновного на совершение ответных действий. Например, отец ребёнка применяет насилие к бывшей жене - матери ребёнка, - которая в нарушение закона препятствует реализации принадлежащего ему права участвовать в процессе воспитания. Противоправность поведения потерпевшей явилась поводом для совершения преступления. В каждом конкретном случае суду необходимо оценивать характер, опасность провоцирующего поведения потерпевшего, возможные либо причинённые им вредные последствия для виновного с тем, чтобы назначить справедливое наказание.

5. *Седьмое смягчающее обстоятельство* п. 6 ч. I ст. 55 УК Монголии называет совершение преступления *вследствие стечения тяжёлых жизненных обстоятельств, случившихся с виновным, с его семьёй, а также с другими лицами*. Понятие «стечение тяжёлых жизненных обстоятельств» является сугубо оценочным, при этом необходимо учитывать не только объективные обстоятельства, послужившие причиной совершения преступления, но и субъективное их восприятие виновным. Для признания смягчающим обстоятельством совершение преступления в силу стечения тяжёлых - жизненных обстоятельств, требуется не просто его наличие, но и причинная связь между ними и совершенным преступлением.

В Уголовном кодексе РФ это смягчающее наказание обстоятельство изложено более лаконично, но в то же время дополнено мотивом сострадания. Пункт "д" ст.61 УК устанавливает, что смягчающим обстоятельством при назначении наказания является также совершение преступления *вследствие стечения тяжёлых жизненных обстоятельств либо по мотиву сострадания*. Если они складываются не по вине лица, совершившего преступление, то могут существенно повлиять на его поведение и должны быть учтены судом. В качестве названных обстоятельств могут выступать, например, потеря кормильца,

смерть близких, серьёзное заболевание самого виновного или членов его семьи, сложившееся тяжёлое материальное положение, различные конфликтные ситуации и др. Эти обстоятельства учитываются в том случае, если именно их наличие и обусловило совершение преступления. Например, утратившее работу лицо, не имея средств к существованию, совершает преступление против собственности, чтобы обеспечить продуктами питания себя и нетрудоспособных членов семьи.

Мотив сострадания связан, как правило, с совершением преступлений против личности (например, убийство безнадежно больного, испытывающего мучения лица, т. н. эвтаназия).

6. *Восьмым обстоятельством, смягчающим наказание* в соответствии с п. 7 ч. 1 ст. 55 УК Монголии, признается *несовершеннолетие виновного*. При назначении наказания суды должны учитывать несовершеннолетие лица не как предписанную абстракцию. В каждом конкретном случае следует дифференцированно подходить к решению вопроса в зависимости от особенностей возрастных категорий несовершеннолетних (подросток это или юноша). По нашему мнению, учет несовершеннолетия в качестве смягчающего наказания обстоятельства не должен обуславливаться тяжестью совершенного преступления. Это смягчающее наказание обстоятельство было учтено в 9% изученных уголовных дел.

Пункт "б" ч. 1 ст. 61 УК РФ также устанавливает, что наказание снижается и в случае совершения преступления *лицом, не достигшим совершеннолетия*. При решении вопроса о наказании несовершеннолетних суду необходимо помнить о том, что каждое решение правоохранительных органов должно быть направлено на предупреждение правонарушений со стороны подростков, на недопущение рецидива. Изоляция несовершеннолетнего от положительно влияющего коллектива (учебного или трудового), родителей и помещение его в среду правонарушителей могут способствовать укреплению антиобщественной установки у виновного и совершению повторных преступлений. Возможна и прямо противоположная ситуация, когда оставление на свободе несовершеннолетнего лица, виновного в совершении общественно опасного деяния, влечет совершение им новых преступлений. Следовательно, чтобы назначаемое наказание достигло целей исправления осуждённого, недопущения рецидива, суду необходимо решить: назначить наказание с лишением свободы или без него, направить осуждённого в воспитательную колонию или применить условное осуждение.

7. *Девятое смягчающее наказание обстоятельство* законодатель Монголии связывает с состоянием беременности виновной и наличием у нее малолетних детей (п. 8 ч. 1 ст. 55 УК Монголии). По закону беременность как фактор, смягчающий наказание, может учитываться не только в том случае, когда преступление совершено в данном состоянии, но и при его наступлении после совершения преступления. Поэтому, вне зависимости от того, находилось ли совершенное преступление в прямой зависимости от состояния беременности виновной, совершение любого преступления женщиной в данном состоянии должно обязательно учитываться и оцениваться в совокупности с другими смягчающими и отягчающими обстоятельствами. Наличие малолетних детей у виновной женщины в качестве смягчающего обстоятельства в законе указано впервые и исходит из принципа гуманизма. Учтено это обстоятельство при назначении наказания в 5 % уголовных дел.

Законодатель России несколько по-иному сформулировал рассмотренное обстоятельство, посвятив ему два пункта. Пункт "в" ст. 61 УК РФ признаёт смягчающим обстоятельством *состояние беременности*. Снижение наказания в этом случае обуславливается тем, что беременность влечёт за собой значительные психофизиологические изменения, повышает эмоциональную возбудимость и т.п., что ослабляет контроль за поведением, поступками женщины. Кроме того, смягчение наказания беременной свидетельствует о том, что общество проявляет заботу о материнстве, физической и

психической полноценности потомства. Непомерно строгое уголовное наказание может повлечь неблагоприятные последствия и для ребёнка, не будет способствовать достижению целей наказания [4].

Пункт "г" ст. 61 УК РФ в качестве смягчающего наказание обстоятельства называет *наличие малолетних детей у виновного*. В законе употреблено понятие во множественном числе, однако наличие и одного малолетнего ребёнка должно быть учтено как смягчающее обстоятельство.

8. *Десятое смягчающее наказание обстоятельство* сформулировано следующим образом: чистосердечное раскаяние или явка с повинной, а также активное способствование раскрытию преступления, изобличению других соучастников преступления и розыску имущества, добытого в результате преступления (п. 9 ч. 1 ст. 55 УК Монголии). Данное обстоятельство было учтено судами в 38 % изученных нами уголовных дел.

Уголовный кодекс РФ в качестве смягчающих наказание обстоятельств закон называет *явку с повинной, активное способствование раскрытию и расследованию преступления, изобличению и уголовному преследованию других соучастников преступления, розыску имущества, добытого в результате преступления* (п. «и» ст. 61 УК в ред. Федерального закона от 29.06.2009 г. №141-ФЗ). *Явка с повинной* означает, что лицо, совершившее преступление, делает добровольное заявление в правоохранительные органы о совершённом им преступлении. Активное способствование раскрытию и расследованию преступления, изобличению других соучастников преступления и розыску имущества, добытого в результате преступления, предполагает добровольное оказание виновным содействия правоохранительным органам в этой деятельности. Оно может выразиться в сообщении имён и сведений о местонахождении соучастников, в указании тайников, где хранится добытое в результате преступления имущество, а также оружие или иные предметы, подготовленные для совершения новых преступлений и т.д.

Указанные обстоятельства не тождественны: в отдельных ситуациях явка с повинной может сочетаться с активным способствованием раскрытию преступления, изобличением других соучастников преступления и розыском имущества, добытого в результате преступления; в иных - они могут иметь самостоятельное значение, не переплетаясь друг с другом. Виновное лицо, явившееся с повинной или активно способствовавшее раскрытию преступления, безусловно, менее общественно опасно, поэтому рассмотренные обстоятельства и признаются смягчающими наказание.

В рассматриваемом пункте УК РФ отсутствует понятие «чистосердечного раскаяния», что, по мнению авторов, представляется обоснованным, так как эта форма позитивного противоправного поведения, наряду с другими факторами, входит в содержание понятия «деятельное раскаяние». По мнению авторов, добровольное, правдивое сообщение виновного работникам правоохранительных органов о преступлении, совершённом до возбуждения уголовного дела, во время производства по делу или в период отбывания наказания, будет считаться явкой с повинной при наличии возможности у преступника скрыться от следствия и суда и избежать уголовной ответственности за содеянное.

Уголовный кодекс Монголии не содержит смягчающее наказание обстоятельство, связанное с применением положений об обстоятельствах, исключающих преступность деяния. УК РФ, в свою очередь, в п. "ж" ч. 1 ст. 61 УК предусматривает в качестве таковых: нарушение условий правомерности необходимой обороны (ст. 37 УК), задержания лица, совершившего преступление (ст. 38 УК), крайней необходимости (ст. 39), обоснованного риска (ст. 41 УК), исполнения приказа или распоряжения (ст. 42 УК). Если перечисленные обстоятельства отвечают условиям правомерности, указанным в ст. 37 - 42 УК, они

устраняют преступность деяния. В случае нарушения этих условий можно вести речь лишь о смягчении наказания.

Подводя итоги проведенного анализа подходов к определению обстоятельств, смягчающих наказание, можно сформулировать следующий вывод. При наличии отдельных отличий в законодательном регулировании дифференциации и индивидуализации назначения наказания доктринальные подходы не имеют существенных отличий к пониманию основных положений института назначения наказания [5]. Так, смягчающими наказание обстоятельствами, в соответствии со ст. 55 УК Монголии и ст. 61 УК РФ, признаются *выходящие за пределы состава преступления объективные и субъективные признаки деяния, личности виновного, которые снижают степень общественной опасности преступного события либо лица, его совершившего* [6].

Литература:

1. Жинкина Т. Ю. Оценочные понятия в праве. Экономика. Право. Печать. Вестник КСЭИ. Краснодар, 2014. С. 143-149.
2. Прохоров Л.А. Общие начала назначения наказания и предупреждение рецидивной преступности. Омск, 1980. С. 11-13.
3. Жинкина Е. Ю. Понятие эффективности норм права: некоторые аспекты проблемы. Материалы международной научно-практической конференции 20 мая 2012 г. // Уголовная политика в сфере обеспечения безопасности здоровья населения, общественной нравственности и иных социально-значимых интересов. Краснодар, 2012. С. 254-264.
4. Алтанзул Алтангэрэл. Понятие наказания, его цели и виды по уголовному законодательству Монголии: автореф. ... дисс. канд. юрид. наук. Краснодар, 2005.
5. Прохоров Л. А., Прохорова М. Л. Новый подход законодателя к дифференциации уголовной ответственности за незаконный оборот наркотиков // Материалы Международной научно-практической конференции «Уголовная политика в сфере обеспечения безопасности здоровья населения, общественной нравственности и иных социально-значимых интересов». 20 мая 2012. КСЭИ. Краснодар, 2012. С. 29-35.
6. Батбаяр Энхээ. Обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание, по уголовному законодательству Монголии: автореф. ... дисс. канд. юрид. наук. Краснодар, 2005.

Л.У. ГЕВОРКЯН

Студентка юридического факультета КубГУ

L.U. GEVORKYAN

Lau student KUBSU

ПРИНЦИПЫ УГОЛОВНОГО ПРАВА КАК НОРМАТИВНО ЗАКРЕПЛЕННАЯ ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ ОСНОВА ИНСТИТУТА НАЗНАЧЕНИЯ НАКАЗАНИЯ

PRINCIPLES OF CRIMINAL LAW AS A LEGAL CONSOLIDATE THE IDEOLOGICAL BASIS INSTITUTE IMPOSITION OF PUNISHMENT

Аннотация. В статье рассматриваются принципы назначения наказания как нормативно закреплённая идеологическая основа института назначения наказания, о необходимости соблюдения всех принципов уголовного права (законности, равенства граждан перед законом, вины, справедливости, гуманизма) судом при назначении наказания

Ключевые слова: принципы, наказание, закон, суды.

Annotation. This article discusses the principles of sentencing as normative fixed ideological foundation of the Institute of sentencing, to follow all the principles of criminal law (rule of law, equality before the law, guilt, justice, humanity) when sentencing court.

Key words: principles, punishment, law courts.

Согласно ст. 49 Конституции Российской Федерации "каждый обвиняемый в совершении преступления считается невиновным, пока его виновность не будет доказана в предусмотренном Федеральным законом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда". В соответствии со ст. 118 Конституции правосудие в Российской Федерации осуществляется только судом. Только суд может сделать окончательный вывод о виновности лица в совершении преступления, и только суд может назначить ему наказание за совершенное преступление. Суд, принимая окончательное решение о виновности лица в совершении конкретного преступления, выносит обвинительный приговор; и если нет законных оснований для освобождения виновного от уголовной ответственности и наказания, назначает ему наказание. Назначая наказание, суд должен учитывать, что только справедливое и правильно избранное наказание способно обеспечить достижение своих целей: а) восстановление социальной справедливости; б) исправление осужденного и в) предупреждение совершения преступлений, как самим осужденным, так и другими лицами (ч. 2 ст. 43 УК РФ). Прежде всего, при назначении наказания должны быть соблюдены все принципы уголовного права: законности, равенства граждан перед законом, вины, справедливости, гуманизма (ст. 3-7 УК РФ). Суды обязаны руководствоваться каждым из этих принципов в отдельности и вкпе при реализации общих начал назначения наказания.

Правовой принцип определяется в юридической литературе как руководящая идея, правильно отражающая сущность общественных явлений [1], которая пронизывает не отдельные, а все нормы и институты. Данная идея должна быть закреплена в законе. Например, профессор Л.А. Прохоров так определяет принцип назначения наказания - это «руководящая идея, воплощающая в себе ту или иную черту всех норм УК, регламентирующих порядок назначения наказания» [2].

Кратко охарактеризуем предусмотренные действующим уголовным законодательством принципы. Прежде всего, это принцип законности, согласно которому сформулирована часть 1 ст. 3 УК РФ. Она гласит, что наказуемость деяния "определяется только настоящим Кодексом", а все виды наказаний предусмотрены исключительно в Уголовном кодексе. Требование принципа законности о полной кодификации уголовно-правовых норм целиком распространяется на регламентацию наказания. При этом применяются санкции того УК, который действовал во время совершения преступления. Исключение допускается согласно ст. 10 УК только в случаях действия обратной силы уголовного закона.

Российское уголовное законодательство не подразделяет, как это делают многие зарубежные УК, последствия совершения преступления на две разновидности: наказание и меры безопасности. Последние назначаются по различным основаниям и имеют неодинаковую правовую природу. Таковы меры безопасности, назначаемые невменяемым и ограниченно вменяемым лицам, алкоголикам и наркоманам, дополнительные наказания, а также превентивные меры безопасности. Последние применяются к лицам, которые не совершили преступления, но находятся в "опасном состоянии" ввиду наличия прежних судимостей [3].

На наш взгляд, столь различные по правовой природе меры не должны объединяться в единый род мер безопасности. В явном противоречии с законностью находятся превентивные меры безопасности, связанные с лишением свободы лиц, не совершивших преступления. Раздел VI УК Испании "Меры безопасности", например, относит к таковым помещение в психиатрическую больницу, помещение в лечебное учреждение для алко-

ликов или наркоманов, превентивное заключение, установление надзора, лишение водительских прав, запрещение заниматься определенной профессиональной деятельностью. УК Испании подразделяет эти меры на две группы. Первая – меры, предусматривающие лишение свободы (помещение в психиатрический центр, помещение в восстановительный центр, помещение в специальный воспитательный центр). Вторая – меры, не предусматривающие лишения свободы (запрет проживать и находиться в определенных местностях, лишение прав на управление транспортными средствами, лишение лицензии на оружие, профессиональная дисквалификация и другие). А меры безопасности по уголовному законодательству США – это превентивная изоляция дефективных правонарушителей, превентивная изоляция сексуальных психопатов, изоляция и лечение преступников – наркоманов и алкоголиков [4].

Принцип законности проявляется также в срочном характере видов наказания. Исключения составляют только смертная казнь (ст. 59), пожизненное лишение свободы (ст. 57), лишение орденов и почетных званий (ст. 48).

Принцип равенства (ст.4 УК) применительно к наказанию означает, во-первых, требование пенализации (наказуемости), т.е. установления санкций за преступления независимо от пола, национальности и других, перечисленных в ст. 4 УК свойств и функций осужденного. Принципиально все равны перед законом, и процесс индивидуализации должен проходить в соответствии с установленными требованиями. И ни высокое должностное положение, ни богатство и высокое обеспечение, ни принадлежность к каким-либо партиям не должны поколебать это требование [5]. Это, однако, не означает, что все лица будут наказаны равно. Не может быть допущено нивелирование личной ответственности.

В истории российского уголовного законодательства этот принцип имел место не всегда. Например, в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. наказание нередко зависело от сословной принадлежности осужденного. Так, телесным наказаниям не подвергались дворяне, священнослужители, купцы, крестьяне, занимающие общественные должности. К домашнему аресту могли быть приговорены лишь дворяне и чиновники.

Во-вторых, реализация принципа равенства означает неотвратимость наказания как решающего этапа уголовной ответственности. Принцип равенства в системе видов наказания и санкциях норм сочетается с принципами справедливости, вины, гуманизма.

Принцип вины (ст.5 УК РФ) в назначении наказания воплощается таким образом, что наказание за невиновное причинение вреда не допускается и наказание носит всегда личный характер, то есть несет в себе лишение и ограничение прав и свобод только для осужденного. Это требование виновной и личной ответственности распространяется как на наказание лица, совершившего преступление индивидуально, так и на соучастников. Однако следует заметить, что такое нарушение допускает новая редакция ст.88 УК.

С учетом особой важности этого принципа законодатель в ст. 60 УК РФ еще раз акцентирует внимание лиц, применяющих уголовный закон, на том, что наказание применяется к «лицу, признанному виновным в совершении преступления». Статья 67 УК требует при назначении наказания соучастникам учитывать их фактический персональный «вклад» в общее преступление. Смягчающие или отягчающие обстоятельства, относящиеся к личности одного из соучастников, учитываются при назначении наказания только этому соучастнику.

Принцип справедливости (ст. 6 УК) полностью обращен к наказанию. В сочетании с принципом законности суд в обязательном порядке должен учесть и точно соразмерить наказание с характером и степенью общественной опасности совершенного преступления, личностью виновного и обстоятельствами дела, смягчающими и отягчающими наказание, а также влиянием назначенного наказания на исправление осужденного и на условия жиз-

ни его семьи [6]. Принцип справедливости предполагает при применении судом наказания учета обстоятельств совершения преступления и личности виновного. Понятие личности виновного складывается из трех ее свойств: социально-демографических, социально-ролевых и социально-психологических.

Профессор М.Т. Тащилин отмечает: «Справедливость - это многоаспектное социальное понятие, базирующееся на библейских заповедях, общечеловеческих ценностях. Преломляя его к уголовному праву, законодатель устанавливает, что наказание и иные меры уголовно-правового характера, применяемые к лицу, совершившему преступление, должны быть справедливыми, то есть соответствовать характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного» [5]. Не допускается двойное наказание за одно и то же преступление. Законодатель не ограничился только включением этого принципа в систему принципов, сформулированных в главе УК РФ. Он еще, так же как и в отношении принципа вины, вернулся к нему в ст.60 УК РФ, указав, что "...назначается справедливое наказание в пределах...". Справедливым будет наказание не мягкое и не жесткое, а в полной мере соответствующее тяжести совершенного преступления и иным обстоятельствам его совершения. Справедливо будет применение смертной казни за особо тяжкие преступления против жизни (сметная казнь, как известно, в настоящее время не применяется). В то же время справедливым может быть и минимальное наказание, предусмотренное санкцией закона, более того, при наличии исключительных обстоятельств, справедливым будет назначение более мягкого наказания, чем предусмотрено санкцией за данное преступление (ст.64 УК РФ) [7].

В судебной практике, как показывают обзоры, достаточно часто вышестоящие суды, изменяя приговоры суда первой инстанции, вынуждены указывать, что, несмотря на то, что суд учел все смягчающие и отягчающие наказание обстоятельства, данные о личности и другие обстоятельства, но сделал это не в полной мере, т.е. нарушил принцип справедливости назначения наказания.

Принцип гуманизма назначения наказания (ст.7 УК РФ) означает рациональную экономию репрессий. Законодатель выражает это требование в ч. 1 ст. 60 УК: "Более строгий вид наказания из числа предусмотренных за совершенное преступление назначается только в случае, если менее строгий вид наказания не сможет обеспечить достижение целей наказания". Этот принцип в соответствии со ст. 7 УК РФ имеет две стороны:

а) гуманность (человечность) в отношении потерпевших лиц, так как всесторонняя охрана безопасности личности предполагает предупреждение посягательства на жизнь и здоровье личности, безопасность общества уголовно-правовыми средствами. До законодательного определения принципа гуманизма было широко распространено понимание гуманизма лишь как снисхождения к преступникам, предоставления им всевозможных послаблений и льгот. В настоящее время в учебниках по-прежнему некоторые авторы раскрывают принцип гуманизма также односторонне;

б) гуманность в отношении преступника, которая предполагает достижение целей наказания мерами минимальной репрессивности. Физическое принуждение и унижение человеческого достоинства не совместимо с целями уголовного наказания, поэтому они не должны применяться в качестве наказания или его составной части. Следовательно, вторая сторона гуманизма обращена к преступнику, к назначению ему наказания или иных мер уголовно-правового характера. При этом закон ориентирует судей не на всепрощенческий подход при назначении наказания, а на то, что это наказание не должно иметь цель причинения физических страданий или унижения человеческого достоинства [8].

Р. Разумов, рассматривая этот принцип, отмечает, что в УК РФ 1996 г. «нашли отражение как гуманистические начала в отношении лиц, совершивших преступления впервые, при наличии смягчающих обстоятельств, так и жесткое, но на основе принципа спра-

ведливости, отношение к лицам, не желающим встать на путь исправления, а также совершающим особо тяжкие преступления при отягчающих обстоятельствах. Начиная с 1998 года, последовательно увеличивается число осужденных, которым назначено наказание, не связанное с лишением свободы: в 1998 году - 67,8%, в первом полугодии 2002 года - 69,3%. Соответственно, реже, несмотря на рост числа осужденных за тяжкие и особо тяжкие преступления, назначаются наказания, связанные с реальным лишением свободы: в 1998 году - 32,8%, в первом полугодии 2002 года - 30,7%»[9].

Важно подчеркнуть гуманизм в отношении законопослушных граждан, которым преступник причиняет вред. Ст. 60 УК РФ дополняет, что наказание должно быть назначено такое, которое способствовало бы исправлению осужденного, не создавало слишком тяжелых условий жизни его семьи. При этом законодатель предусмотрел право суда, проявляя гуманизм, с учетом всех общих начал назначения наказаний, назначить наказание не только условное (ст. 73 УК РФ), но и более мягкое наказание, чем предусмотрено за данное преступление (ст. 64 УК РФ).

Итак, принцип гуманизма применительно к стадии назначения наказания проявляется в следующем:

а) наказание и иные меры уголовно-правового характера, применяемые к лицу, совершившему преступление, не могут иметь своей целью причинение физических страданий и унижение человеческого достоинства;

б) лицу, совершившему преступление, должно быть назначено справедливое наказание, необходимое и достаточное для его исправления и предупреждения совершения новых преступлений;

в) уголовный закон, устраняющий преступность деяния, смягчающий наказание или иным образом улучшающий положение лица, совершившего преступление, имеет обратную силу, то есть распространяется на лиц, совершивших преступления до вступления закона в силу. В том числе и на лиц, отбывающих наказание, отбывших его, но имеющих судимость. Уголовный закон, ухудшающий положение лица, обратной силы не имеет;

г) ограничение применения таких видов наказания, как обязательные и исправительные работы, конфискация имущества (в настоящее время - это иная мера уголовно-правового характера), ограничение свободы, лишение свободы и смертная казнь. Эти ограничения зависят от возраста осужденного, его трудоспособности и т. д. [10];

д) избранная судом мера наказания в виде исправительных работ, ограничения по военной службе, ограничения свободы, содержания в воинской дисциплинарной части или лишения свободы может быть назначена условно, если суд придет к выводу о возможности исправления осужденного без отбывания наказания;

е) установив наличие исключительных обстоятельств, суд может назначить наказание ниже низшего предела, предусмотренного санкцией соответствующей нормы Особенной части УК РФ, или назначить более мягкий вид наказания, чем предусмотрен этой нормой, или не применить дополнительный вид наказания, предусмотренный в качестве обязательного;

ж) установив наличие по делу особо выделенных законом обстоятельств (смягчающие обстоятельства, предусмотренные п. "и", "к" ч. 1 ст. 61 УК РФ, при вердикте присяжных заседателей о снисхождении [11], при неоконченном преступлении) суд не вправе назначить более строгое наказание, чем предусмотрено в ст. 62, 65, 66 УК РФ.

Литература:

1. Кудрявцев В.Н., Келина С.Г. Принципы советского уголовного права. М., 1988. С.60-62.
2. Прохоров Л.А. Общие начала назначения наказания и предупреждение рецидивной преступности. Омск, 1980. С. 11-13.

3. Малиновский А.А. Уголовное право зарубежных государств. М., 1998. С. 98.
4. Щедрин Н. В., Кылина О. М. Российское уголовное право в контексте доктринальных моделей построения уголовно-правовых санкций //Криминологический журнал. Иркутск, 2008. № 3. С. 40-49.
5. Тащилин М.Т. Назначение уголовного наказания судом с участием присяжных заседателей по уголовному праву Российской Федерации. СПб, 2003. С.7.
6. Волженкин Б. Принцип справедливости и проблемы множественности преступлений по УК РФ // Законность. 1988. №12.
7. Прохоров Л. А., Прохорова М. Л. Уголовное право. Учебник. М., 2004. С. 174-176.
8. Лебедева А. Д. Отрядная система содержания осужденных – главное звено воспитательного процесса в учреждениях, исполняющих наказание в виде лишения свободы. Материалы 3 Международной научно-практической конференции. //Уголовная политика в сфере обеспечения безопасности здоровья населения, общественной нравственности и иных социально-значимых интересов. Краснодар, 2014. 210-214.
9. Разумов С. Преступления и наказания. К вопросу о соразмерности установленных УК РФ мер уголовной ответственности // Российская юстиция. 2002. N 11. С.76.
10. Становский М.Н. Назначение наказания. СПб., 1998. С. 142.
11. Прохоров Л. А., Прохорова М. Л. Вердикт присяжных заседателей о снисхождении: актуальные вопросы назначения наказания (ст. 65 УК РФ). Материалы Международной научно-практической конференции 10-11 октября 2014 г. // Эффективность права: проблемы теории и практики. Краснодар, 2014. С. 313-320.

В.А. КОЧЕРГА

*аспирант кафедры уголовного права и криминологии
Кубанского государственного университета*

V.A. KOCHERGA

*postgraduate student of the Department of criminal law and criminology
Kuban state University*

К ВОПРОСУ О ДЕФИНИЦИИ ДОЛЖНОСТНОГО ЛИЦА В УК РФ

TO THE QUESTION OF THE DEFINITION OF OFFICIALS IN THE CRIMINAL CODE

Аннотация. В статье проанализированы нормативная дефиниция должностного лица и предлагаемые в специальной литературе ее доктринальные интерпретации. На этой основе автором предложено и обосновано собственное видение указанного понятия.

Ключевые слова: должностное лицо, государственный служащий, дефиниция должностного лица, должностные полномочия, халатность, специальный субъект.

Annotation. The article analyzes the normative definition of the official and proposed in the literature of its doctrinal interpretation. On this basis, the author proposed and justified his own vision of this concept.

Key words: official, public employee, definition of official, official powers, negligence, special subject.

Состав халатности предполагает наличие специального субъекта преступления – должностное лицо. Несмотря на то, что к вопросу его легального определения в отечественной доктрине обращались многие авторы, оптимальной законодательной дефиниции не выработано и по сей день. Думается, что среди определяющих причин сложившейся си-

туации следует упомянуть стремительно меняющиеся реалии государственной и общественной жизни, а также сохраняющие свое влияние «советские» принципы регламентации уголовной ответственности за должностные преступления.

В основу понятия должностного лица, закрепленного в примечании 1 к ст. 285 УК РФ, положено два критерия: выполняемые функции и вид органа, в котором субъект осуществляет свои должностные полномочия. Такой подход привел к формированию достаточно громоздкой, логически нестройной и перегруженной по смыслу дефиниции. За ее рамками остался целый ряд важных для правоприменительной практики вопросов. В частности, следует ли относить к должностным лицам представителей управленческого звена государственных унитарных предприятий, равно как и лиц, представляющих интересы государственных и муниципальных образований в открытых акционерных обществах, или доверенных, представляющих государственные интересы в субъектах естественных монополий и т.п. Кроме того, за рамками перечня остались должностные лица службы судебных приставов; должностные лица органов прокуратуры; должностные лица органов, осуществляющих государственный контроль (надзор) [1].

Спорность функционального критерия категории «должностное лицо» связана с тем, что формулировки, используемые законодателем – «организационно-распорядительные» и «административно-хозяйственные» функции, отличаются размытостью и неконкретностью. В итоге возникает ситуация их расширительного толкования в следственной и судебной практике. Думается, не имеет под собой никакой практической целесообразности конструирование дефиниции через подобные расплывчатые в своем содержании понятия. Как справедливо отмечает Н.В. Бугаевская, по своей сути, данные функции подразумевают руководство коллективом или хотя бы одним человеком либо реализацию права владения, пользования, распоряжения материальными или иными имущественными ценностями посредством совершения действий, связанных с возникновением, изменением, прекращением прав или обязанностей у физических либо юридических лиц [2].

Не вполне точно в данном случае и применение категории «функция». Буквальное ее толкование показывает, что данное слово в русском языке означает обязанность, круг деятельности [3]; деятельность [4]. В связи с этим напрашивается вывод о более рациональном подходе к формированию функционального компонента дефиниции должностного лица через категорию «деятельность». Такое решение исключит несовершенство примечания 1 к ст. 285 УК РФ, поскольку слово функция употребляется в нем несколько раз. Кроме того, в научной литературе обоснованно указывается, что при конструировании законодательного определения понятия должностного лица необходимо учитывать не только характер выполняемых субъектом функций и сферу их осуществления, но и обязательное наличие легитимно делегированного данному субъекту государством либо органом местного самоуправления права самостоятельно (автономно) принимать от их имени государственно-властные или управленческие решения [5].

На основании приведенных доводов напрашивается вывод о необходимости уточнения содержания примечания 1 к ст. 285 УК РФ.

Нужно отметить, что предложения в подобном «ключе» высказываются и другими авторами. Так, Н.В. Бугаевская предлагает следующую формулировку: «осуществление функций по управлению людьми или имуществом посредством совершения юридически значимых действий» [6]. В.Н. Григорьев считает целесообразным в определении должностного лица сделать акцент на законные основания его деятельности [7].

Возникают вопросы и относительно указания на выполнение функций «по специальному полномочию», о которых говорится в примечании 1 к ст. 285 УК.

Деятельность должностного лица согласно действующему законодательству может осуществляться либо на постоянной, либо на временной основе. В этой связи выделение специальных полномочий не соответствует букве закона. Таких полномочий в нем не предусмотрено. Если предположить, что имеются в виду дружинники, общественные помощники и т.п., то они, не будучи государственными служащими, не могут быть признаны должностными лицами. Они могут действовать лишь совместно с государственными служащими или по их поручению.

Субъект должностного преступления должен отвечать следующим требованиям: 1) наличие занимаемой должности в государственном органе, 2) осуществление властной, носящей юрисдикционный характер деятельности, связанной с выполнением организационных, распорядительных, контрольных функций; 3) наличие права на применение мер государственного принуждения к субъектам правоотношений; 4) реализация служебных задач на профессиональной основе [8].

Представители отечественной уголовно-правовой науки высказывают различные точки зрения относительно перечня должностных лиц. Так, С.В. Авдеев считает, что в круг должностных лиц следует включать представителей законодательной или судебной власти либо наделенных распорядительными полномочиями в отношении лиц, не находящихся от них в служебной зависимости, представителей исполнительной власти [9]. Е.В. Царев дополняет этот список представителями государственных корпораций, государственных или муниципальных учреждений» [10].

По мнению Н.В. Бугаевской к числу должностных лиц следует относить государственных и муниципальных служащих, представляющих интересы государственных и муниципальных образований в открытых акционерных обществах, так как они не являются работниками коммерческих структур, а также лиц, совершающих юридически значимые действия, наряду со своими профессиональными обязанностями, не связанными с управлением людьми или имуществом [11]. Вместе с тем она выступает против включения в круг должностных лиц управленческого персонала государственных и муниципальных унитарных предприятий вследствие коммерческой направленности менеджерской деятельности данных лиц. В монографических исследованиях также предлагается рассматривать в качестве должностных лиц поверенных, представляющих государственные интересы в субъектах естественных монополий [12].

В.А. Лобырев ратует за признание должностными лицами руководителей муниципальных и государственных унитарных предприятий и государственных служащих, представляющих интересы Российской Федерации в органах управления негосударственных организаций с долей собственности в РФ [13].

На взгляд Т.Б. Басовой, необходимо ввести в научный оборот понятие «особое публичное должностное лицо» – лицо, занимающее должности, установленные Конституцией Российской Федерации, федеральными конституционными законами и другими федеральными законами, конституциями или уставами субъектов Российской Федерации для непосредственного исполнения полномочий органов публичной власти [14].

Представляется, что целесообразно давать понятие должностного лица через категории «государственный» или «муниципальный» служащий. В обоснование такого предложения можно привести следующие аргументы. Во-первых, государственный служащий – собирательная категория, объединяющая всех лиц, состоящих на службе у государства на профессиональной основе. Во-вторых, любой представитель власти тоже государственный служащий. Другое дело, что не каждый государственный служащий – должностное лицо, а только тот, который выполняет правозначимую управленческую деятельность от имени государства либо субъекта Российской Федерации, либо муниципального образования.

Подобный подход позволит выстроить единую правовую систему нормативного урегулирования общественных отношений в РФ. Важным звеном этой системы выступают межотраслевые нормы, понимаемые унифицировано. Например, труднообъяснима рассогласованность общих положений о должностных лицах в УК РФ и административном законодательстве. И вряд ли стоит поддерживать позицию некоторых авторов о том, что, с точки зрения науки уголовного права и уголовного закона, это не одинаковые понятия и их тщательный анализ позволит более глубоко изучить проблему специального субъекта должностных преступлений [15].

Согласно ст. 3 Федерального закона от 27.07.2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» [16] государственная гражданская служба Российской Федерации – вид государственной службы, представляющей собой профессиональную служебную деятельность граждан Российской Федерации на должностях государственной гражданской службы Российской Федерации по обеспечению исполнения полномочий федеральных государственных органов, государственных органов субъектов Российской Федерации, лиц, замещающих государственные должности Российской Федерации, и лиц, замещающих государственные должности субъектов Российской Федерации.

Из содержания ст. 8 данного Закона следует, что должности федеральной государственной гражданской службы учреждаются федеральным законом или указом Президента Российской Федерации, должности государственной гражданской службы субъектов Российской Федерации – законами или иными нормативными правовыми актами субъектов Российской Федерации с учетом положений этого Федерального закона в целях обеспечения исполнения полномочий государственного органа либо лица, замещающего государственную должность.

В ст. 2 Федерального закона от 2 марта 2007 г. № 25-ФЗ (ред. от 22 декабря 2014 г.) «О муниципальной службе в Российской Федерации» [17] определено, что муниципальная служба – профессиональная деятельность граждан, которая осуществляется на постоянной основе на должностях муниципальной службы, замещаемых путем заключения трудового договора (контракта). Статья 6 данного Закона устанавливает, что должность муниципальной службы – должность в органе местного самоуправления, аппарате избирательной комиссии муниципального образования, которые образуются в соответствии с уставом муниципального образования, с установленным кругом обязанностей по обеспечению исполнения полномочий органа местного самоуправления, избирательной комиссии муниципального образования или лица, замещающего муниципальную должность. Должности муниципальной службы устанавливаются муниципальными правовыми актами в соответствии с реестром должностей муниципальной службы в субъекте Российской Федерации, утверждаемым законом субъекта Российской Федерации. При составлении и утверждении штатного расписания органа местного самоуправления, аппарата избирательной комиссии муниципального образования используются наименования должностей муниципальной службы, предусмотренные реестром должностей муниципальной службы в субъекте Российской Федерации [17].

В круг государственных служащих следует включать и должностных лиц Вооруженных сил РФ, поскольку согласно ст. 2 Федерального закона от 28.03.1998 г. № 53-ФЗ (ред. от 30.03.2015 г.) «О воинской обязанности и военной службе» военная служба – особый вид федеральной государственной службы...» [18].

Помимо всего прочего, в ст. 6 Федерального закона от 27.05.2003 г. № 58-ФЗ (ред. от 02.07.2013 г.) «О системе государственной службы» указывается, что система государственной службы включает в себя следующие виды государственной службы: государственная гражданская служба; военная служба; правоохранительная служба [19] Особо сле-

дует обратить внимание на ст. 9 этого источника. В ней, в частности, установлено, что перечень государственных должностей определяется реестрами:

1) Реестр должностей государственной службы:

- перечни должностей федеральной государственной гражданской службы;
- перечни типовых воинских должностей;
- перечни типовых должностей правоохранительной службы.

2. Реестр должностей государственной гражданской службы субъекта Российской Федерации.

Наряду с этим в ст. 15 указывается на реестр государственных служащих. Тем самым, законодатель проводит водораздел между должностным лицом и иным государственным служащим.

Таким образом, переход к унифицированной категории «государственный служащий» при конструировании дефиниции должностного лица позволит уйти от перечневого способа ее изложения через функции и место (органы) их выполнения, который явно не рационален.

Кроме того, обращает на себя внимание еще один пример межотраслевой рассогласованности: а именно – в примечании 1 к ст. 285 УК РФ использовано сочетание «государственные органы», а в КоАП РФ – «органы государственной власти».

Резюмируя изложенное, предлагаем следующую дефиницию должностного лица: *«Должностное лицо – это государственный служащий, занимающий должность, указанную в реестре должностей государственной службы либо в реестре должностей государственной гражданской службы субъекта Российской Федерации, а равно муниципальный служащий, занимающий должность, указанную в реестре муниципальных должностей, осуществляющий деятельность, относящуюся к его компетенции и должностным полномочиям».*

Литература:

1. Однако в постановлении пленума Верховного Суда РФ от 10 февраля 2009 г. № 2 «О практике рассмотрения судами дел об оспаривании решений, действий (бездействия) органов государственной власти, органов местного самоуправления, должностных лиц, государственных и муниципальных служащих» названные категории государственных служащих включены в число должностных // <http://rg.ru/2009/02/18/plenum-dok.html>.

2. Бугаевская Н. В. Должностное лицо как субъект преступления: автореф. дис. ... канд юрид. наук. Рязань, 2003. С. 3.

3. Философский энциклопедический словарь. 2010 // <http://dic.academic.ru/>. (Дата обращения 2. 04. 2015 г.); Современная энциклопедия. 2000 // <http://dic.academic.ru/>. (Дата обращения 2. 04. 2015 г.).

4. Большой Энциклопедический словарь. 2000 // <http://dic.academic.ru/>. (Дата обращения 2. 04. 2015 г.).

5. Волколупова В.А. Должностное лицо как субъект уголовной ответственности: дис. ... канд.юрид. наук. Волгоград, 2002. С. 5.

6. Бугаевская Н. В. Должностное лицо как субъект преступления: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2003. С. 6.

7. Григорьев В.Н. Понятие должностного лица в уголовном праве: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2001. С. 5.

8. Динека В.И. Ответственность за должностные преступления по уголовному праву России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2000 С. 6

9. Авдеев С. В. Злоупотребление должностными полномочиями: уголовно - правовой и криминологический аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. С. 4.

10. Царев Е. В. Уголовное законодательство об ответственности за халатность: история, современность, перспективы развития: дис.... канд. юрид. наук. Н.Новгород, 2009. С. 6.
11. Бугаевская Н.В. Должностное лицо как субъект преступления: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2003. С. 7
12. Григорьев В.Н. Понятие должностного лица в уголовном праве: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2001. С. 5.
13. Лобырев В.А. Субъект должностных преступлений: уголовно-правовой и криминологический аспекты: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2005. С. 5
14. Басова Т.Б. Уголовная ответственность за должностные преступления: проблемы правотворчества и правоприменения в условиях административной реформы Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владивосток, 2005. С. 5.
15. Динека В.И. Ответственность за должностные преступления по уголовному праву России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2000 С. 6
16. Федеральный закон от 27.07.2004 г. № 79-ФЗ (ред. от 2.04.2014 г.) «О государственной гражданской службе Российской Федерации»// Собрание законодательства РФ, 02.08.2004, № 31, ст. 3215; http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_161253/. (Дата обращения 2 апреля 2015 г.).
17. Федеральный закон от 2 марта 2007 г. № 25-ФЗ (ред. от 22 декабря 2014 г.) «О муниципальной службе в Российской Федерации» // Собрании законодательства Российской Федерации от 5 марта 2007 г. № 10 ст. 1152; <http://base.garant.ru/12152272/#ixzz3WHcqrStO>. (Дата обращения 2 апреля 2015 г.).
18. Федеральный закон от 28.03.1998 г. № 53-ФЗ (ред. от 30.03.2015 г.) «О воинской обязанности и военной службе» // Собрание законодательства РФ. 1998. № 13. Ст. 1475; http://www.consultant.ru/popular/military/32_1.html (дата обращения 2 апреля 2015 г.).
19. Федеральный закон от 27.05.2003 г. № 58-ФЗ (ред. от 02.07.2013 г.) «О системе государственной службы Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2003. № 22. Ст. 2063; <http://www.consultant.ru/popular/gossluzh/#info>.

О. КРИВОШЕЕВА

*студентка юридического факультета
Южного института менеджмента*

O. KRIVOSHEEVA

Law student Southern Institute of Management

ВОЗРАСТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПО УК РФ

AGE OF CRIMINAL RESPONSIBILITY UNDER THE CRIMINAL CODE

Аннотация. Статья рассматривает проблемные вопросы определения: возраста уголовной ответственности, порядок его установления в УК РФ, критериев определения круга деяний, за которые ответственность наступает при совершении их лицами моложе общего возраста уголовной ответственности.

Ключевые слова: субъект преступления, возраст уголовной ответственности, категории преступлений

Annotation. The article discusses the problematic issues of definition: age of criminal responsibility, the procedure for the establishment of the Criminal Code of the Russian Federation,

the criteria for determining the range of actions for which the liability is incurred when committed by persons below the general age of criminal responsibility.

Key words: the perpetrator, the age of criminal responsibility, the category of crimes

Субъект преступления является одним из элементов состава преступления. Легального определения понятия «субъект преступления» УК РФ не закрепляет, используя термин «лицо, совершившее преступление». В ст.19 УК РФ перечислены признаки, необходимые для привлечения лица к уголовной ответственности: «вменяемое физическое лицо, достигшее возраста, установленного настоящим Кодексом». Таким образом, возраст, как и вменяемость, является законодательно закрепленным признаком субъекта преступления.

Способность осознавать фактическую сторону и общественную опасность совершенного деяния и руководить своим поведением у здорового человека зависит в большей степени от возрастного развития. Как уже упоминалось, действующий Уголовный кодекс фиксирует положения о возрасте в ст. 20, ч.1 данной статьи закрепляет общий возраст уголовной ответственности – возраст, по достижении которого лицо, совершившее любое уголовно наказуемое деяние, подлежит уголовной ответственности.

В теории выделяют несколько вопросов относительно возраста как признака субъекта преступления:

- выявление критериев установления нижнего и верхнего пределов возраста уголовной ответственности;
- определение круга деяний, за которые ответственность наступает при совершении их лицами старше или моложе общего возраста уголовной ответственности.

В зависимости от совокупности ряда факторов способ установления возраста уголовной ответственности может быть единым и дифференцированным. Единый возраст означает, что уголовная ответственность наступает в полном объеме по достижении строго определенного возраста. Хотя не исключается установление в некоторых случаях льготного режима для несовершеннолетних при назначении наказания.

В большинстве стран мира предусмотрен дифференцированный возраст уголовной ответственности, что в большей мере отвечает задачам индивидуализации уголовной ответственности. Он может классифицироваться по следующим основаниям: 1) в зависимости от правового режима уголовной ответственности несовершеннолетнего; 2) в зависимости от составов преступлений; 3) в зависимости от субъективных качеств виновного (принцип разумения).

Под специальным (дифференцированным) возрастом уголовной ответственности в нашей стране понимается возраст, несовпадающий с общим, при достижении которого ответственность наступает только за совершение определенного круга деяний. Поэтому необходим перечень таких деяний, за которые ответственность наступает при совершении их лицами старше или моложе общего возраста уголовной ответственности.

В нашей стране общий возраст уголовной ответственности установлен на уровне шестнадцати лет почти в течение полувека (из положений УК 1960 года). Но оптимальным он не является в том смысле, что в части 2 статьи 20 УК РФ приводится перечень деяний, уголовная ответственность за совершение которых наступает уже с четырнадцати лет: убийство (статья 105), умышленное причинение тяжкого вреда здоровью (статья 111), умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью (статья 112), похищение человека (статья 126), изнасилование (статья 131), насильственные действия сексуального характера (статья 132), кражу (статья 158), грабеж (статья 161), разбой (статья 162), вымогательство (статья 163), неправомерное завладение автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения (статья 166), умышленные уничтожение или повреждение имущества при отягчающих обстоятельствах (часть вторая статьи 167), террористический акт (статья 205), захват заложника (статья 206), заведомо ложное сообщение об акте тер-

роризма (статья 207), хулиганство при отягчающих обстоятельствах (часть вторая статьи 213), вандализм (статья 214), хищение либо вымогательство оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств (статья 226), хищение либо вымогательство наркотических средств или психотропных веществ (статья 229), приведение в негодность транспортных средств или путей сообщения (статья 267). Дадим общую характеристику составляющим этого списка.

Согласно данному в статье 15 УК делению, в этом перечне присутствуют преступления всех категорий:

1. небольшой тяжести (кража; вандализм);
2. средней тяжести (умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью; грабеж; вымогательство; неправомерное завладение автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения; умышленное уничтожение или повреждение имущества при отягчающих обстоятельствах; заведомо ложное сообщение об акте терроризма при отягчающих обстоятельствах; приведение в негодность транспортных средств или путей сообщения);
3. тяжкие (умышленное причинение тяжкого вреда здоровью; похищение человека при отягчающих обстоятельствах; изнасилование; насильственные действия сексуального характера; разбой; захват заложника; хулиганство при отягчающих обстоятельствах; хищение либо вымогательство оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств; хищение либо вымогательство наркотических средств или психотропных веществ);
4. особо тяжкие (убийство; террористический акт).

Используя в качестве основания классификации объект преступлений, уголовная ответственность за совершение которых наступает с четырнадцати лет, получим следующее:

жизнь и здоровье личности (статьи 105, 111, 112), ее свобода, честь и достоинство (статья 126), половая свобода и неприкосновенность (статьи 131, 132), собственность (статьи 158, 161, 162, 163, 166, часть 2 ст. 167), общественная безопасность и общественный порядок (статьи 205, 206, 207, часть 2 ст. 213, 214, 226), здоровье населения и общественная нравственность (ст. 229), безопасность движения и эксплуатации транспорта (ст. 267).

На сегодняшний день в уголовном законе отсутствует норма, устанавливающая четкие основания для снижения возраста уголовной ответственности. Очевидно, что единых критериев, по которым выделены эти составы преступлений, у законодателя нет, как и единого мнения по этому вопросу в науке уголовного права.

Некоторые юристы считают, что все эти преступления имеют достаточно высокую степень общественной опасности. Существует мнение, согласно которому главным основанием называют возможность полного осознания в четырнадцатилетнем возрасте общественной опасности запрещаемых деяний. Другие ученые пишут о том, что причинами являются умысел в отношении деяния и меры социальной терпимости к отклоняющемуся поведению этой категории лиц. Третьи, к числу оснований выделения добавляет распространенность этих преступлений в среде несовершеннолетних и традиционность – «обычный для всех времен характер деяния позволяет считать, что общественно опасные последствия ясны для лиц, достигших указанного возраста».

Отсутствие четких критериев при определении круга деяний, за которые ответственность наступает при совершении их лицами моложе общего возраста уголовной ответственности, порождает немало вопросов в процессе анализа перечня, приведенного в статье 20 УК РФ, и некоторых составов преступлений, зафиксированных в Особенной части УК.

Например, ответственность за убийство (статья 105) наступает с четырнадцати лет. В то же время за посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля (статья 277) или посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа (статья 317) ответственность наступает с шестнадцати лет. Аналогична коллизия в нормах о краже (статья 158), грабеже (статья 161), разбое (статья 162) – ответственность с четырнадцати лет – и хищении предметов, имеющих особую ценность (статья 164) – соответственно с шестнадцати. По мнению законодателя, похищение человека (статья 126) охватывается пониманием четырнадцатилетних преступников, а незаконное лишение свободы (статья 127) – нет. И подобных примеров неоднозначности регулирования в данной области уголовного закона достаточно много, нами приведены лишь некоторые из них.

В итоге, критерии определения специального минимального возраста уголовной ответственности не имеют в теории уголовного права исчерпывающего объяснения. Одной из главных проблем этого института является то, что любые жесткие возрастные рамки, которыми определяется момент превращения лица в уголовно ответственное, носят характер юридической фикции и не учитывают индивидуальных особенностей развития конкретной человеческой личности. Созревание личности не происходит одномоментно, и фактический уровень психического развития подростков одного возраста может очень существенно различаться. Поэтому календарный подход к этому вопросу – большое упрощение.

Множественность оснований, которые легли в основу перечня деяний части 2 статьи 20 УК РФ, необходима для полноты и эффективности правового регулирования. Иначе, признав главным основанием, например, распространенность среди несовершеннолетних законодатель должен будет исключить из списка таких деяний похищение человека и террористический акт. А при использовании основного критерия – общественной опасности преступлений, необходимо будет исключить кражу и вандализм, хотя они достаточно распространены в среде подростков.

В связи с этим, целесообразна, на наш взгляд, система различных оснований отнесения деяний к категории преступлений, за совершение которых ответственность наступает с четырнадцати лет. Необходимо лишь закрепление закрытого перечня этих критериев.

Но не только снижение границы возраста уголовной ответственности привлекают внимание правоведов. В УК РФ имеется группа преступлений, которые могут быть совершены только совершеннолетними (так называемый «абсолютный» возраст уголовной ответственности – 18 лет). Такие составы можно поделить на две большие категории.

1. Преступления, для совершения которых лицо должно обладать дополнительными признаками, предполагающими совершеннолетие лица (военнослужащие, должностные лица, судьи и другие). Например, незаконное освобождение от уголовной ответственности лица, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления, прокурором, следователем или лицом, производящим дознание (ст. 300 УК РФ)

2. Преступления, которые могут быть совершены только совершеннолетним лицом вследствие прямого указания на это в гипотезе уголовной нормы. Например, половое сношение и иные действия сексуального характера с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста (ст. 134), вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления (ст. 150).

Таким образом, в соответствии с Уголовным кодексом РФ лицо, совершившее преступление, по общему правилу может быть привлечено к уголовной ответственности с шестнадцати лет, а в определенных случаях – с четырнадцатилетнего возраста. Очевидно, что преступную деятельность некоторые несовершеннолетние начинают сознательно осуществлять в более раннем возрасте. Как следствие все чаще звучат голоса в пользу снижения возраста уголовной ответственности. С другой стороны, при снижении возраста ответст-

венности в сферу уголовной юстиции попала бы значительная масса малолетних, превратившихся в судимых лиц, а значит государство и общество, прибегая к карательным мерам, призналось бы в собственном бессилии и по существу отказалось бы от использования иных, воспитательно-профилактических мер воздействия на несовершеннолетних.

М.Н. КУШНЕРЕВ

*старший преподаватель Инновационного Евразийского университета
(Казахстан, Павлодар)*

И.А. ГРИГОРЬЕВА

*старший лейтенант полиции
Управления МВД РФ по г. Краснодару*

M.N. KUSHNEREV

*Senior Lecturer Innovative University of Eurasia
(Kazakhstan, Pavlodar)*

I.A. GRIGORIEVA

*Senior police lieutenant
Department of the Interior Ministry in the city of Krasnodar*

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ НОВОГО УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

SOME PROBLEMATIC ASPECTS OF THE NEW CRIMINAL LEGISLATION KAZAKHSTAN

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые проблемные вопросы, возникшие после принятия нового Уголовного кодекса Республики Казахстан и вступившего в законную силу с 1 января 2015 года. А также дается уголовно-правовой и криминологический анализ действующего уголовного законодательства и делается попытка внести некоторые предложения по совершенствованию отдельных положений Общей части УК РК.

Ключевые слова: Уголовное законодательство, Уголовный кодекс, принципы уголовного права, уголовная ответственность юридических лиц, правовая реформа, Концепция правовой политики Республики Казахстан, Верховный Суд РК, Конституционный Совет РК.

Annotation. Some problematic issues are considered in article which arose after adoption of the new Criminal code of the Republic of Kazakhstan and entered into force since January 1, 2015. And also is given the criminal-legal and criminological analysis of the existing criminal legislation and attempt to make some suggestions for improvement of separate provisions of the General part of the criminal code of the Republic of Kazakhstan.

Key words: Criminal legislation, Criminal code, principles of criminal law, criminal liability of legal entities, legal reform, Concept of legal policy of the Republic of Kazakhstan, Supreme Court of the Republic of Kazakhstan, Constitutional Council of the Republic of Kazakhstan.

Законодательство Казахстана формируется в тесной взаимосвязи с историей, культурой и традициями народов Республики. Отбирается все положительное, как более переносимое, которое, безусловно, может только улучшить действующую систему права нашего государства, содействовать эффективному осуществлению правосудия и утверждению законности [1].

Просветитель XVIII в. Монтескье сформулировал требование: «хороший законодатель заботится не столько о наказании за преступление, сколько о предупреждении пре-

ступлений. Он постарается не столько карать, сколько улучшать нравы». Эта идея получила развернутую правовую аргументацию в работе Ч.Беккария «О преступлениях и наказаниях». Комментируя ее, Вольтер сформулировал принципиально важное положение о том, что предупреждение преступлений есть истинная юриспруденция в цивилизованном обществе.

Проведенная во второй половине 90-х годов двадцатого столетия реформа уголовного законодательства в странах постсоветского пространства основывалась на учете концептуальных положений и рекомендаций, констатированных в рамках Модельного Уголовного кодекса стран СНГ.

В интересах разрешения задачи активизации борьбы с преступностью и иными правонарушениями повышенную значимость приобретает приложение дальнейших активных усилий государства к осуществлению мер по созданию эффективного механизма функционирования правотворческого и правоприменительного процесса, ориентированного в совокупности на обеспечение внесения определенного положительного вклада в деятельность государственных органов по реализации мероприятий, направленных на сдерживание, а в конечном итоге, на обуздание и взятие под надлежащий социально-правовой контроль все разрастающиеся масштабы проявления социальной девиантности в современных условиях.

На феномен разрастающихся масштабов проявления социальной девиантности в современных условиях указывалось на X конгрессе ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями, состоявшемся в Вене в апреле 2000 г. В частности, в резолюции Конгресса обращалось особое внимание на опасные тенденции, обозначившиеся в количественных и качественных показателях преступности, представляющие, по сути, новые, угрожающие человечеству вызовы. При этом участниками конгресса были выдвинуты конкретные, вполне обоснованные предложения, содержащие в себе обращение повышенного внимания на объективную необходимость усиления мер, направленных на дальнейшую активизацию борьбы с транснациональной организованной преступностью, терроризмом и другими опасными преступными деяниями на основе координации и тесного международного сотрудничества, для достижения, в конечном итоге, цели эффективного противостояния опасным вызовам XXI в.

Противоречия криминального характера проявляются в том, отмечает Г.А. Аванесов, что личность необоснованно отвергает важные ценностные установки, выраженные и закреплённые в уголовном законодательстве. Сущность же таких противоречий выражается, с одной стороны, в дефектности отношений между личностью и обществом, с другой — в реальности выполнения личностью специфической антиобщественной роли — совершения преступления. Нужна, следовательно, профилактика. Она тесно связана с преодолением противоречий между личностью и обществом [2].

В Концепции правовой политики Республики Казахстан на период с 2010 до 2020 гг., утверждённой Указом Президента Республики Казахстан от 24 августа 2009 г. № 858, регламентировано следующее: «В целях повышения эффективности нормотворческой деятельности необходимо продолжить работу по систематизации действующего законодательства, дальнейшей консолидации в разрезе отраслей законодательства; освобождению его от устаревших и дублирующих норм, восполнению пробелов в правовом регулировании, устранению внутренних противоречий в действующем праве; минимизации отсылочных норм в законах и расширению практики принятия законов прямого действия в рамках круга вопросов, по которым в соответствии с Конституцией могут приниматься законодательные акты» [3].

На проявление внезапного обострения и усугубления криминологической обстановки в республике могут оказать воздействие различные факторы политического, соци-

ально-экономического, правового, нравственного или иного порядка и содержания, которые в совокупности способны выступить детерминантами в процессах, являющихся, по сути, феноменами девиантности и деструктивности в жизни государства и общества, выступающими, в свою очередь, в качестве факторов, напрямую воздействующих на механизм формирования показателей преступности и иных правонарушений.

В интересах разрешения проблемы эффективности борьбы с преступностью и иными правонарушениями в настоящее время назрела объективная необходимость в пересмотре отдельных традиционных, но и вместе с тем превратившихся в определенного рода уголовно-правовой и криминологический анахронизм понятий и категорий.

Степень эффективности борьбы с преступностью находится, как известно, в прямой зависимости от устойчивости и целесообразности проводимой государством уголовно-правовой политики.

В свою очередь, одним из обязательных слагаемых обеспечения состояния устойчивости проведения уголовно-правовой политики принято признавать неукоснительное соблюдение принципов уголовного права.

Однако в рассматриваемом Уголовном кодексе в новой редакции принципы уголовного законодательства не сконструированы, что можно расценивать как допущенный существенный правовой пробел.

Согласно Конвенции ООН против коррупции от 31 октября 2003 г., которая ратифицирована Законом Республики Казахстан от 4 мая 2008 г. № 31—IV [4], в ст. 26 «Ответственность юридических лиц» закреплено следующее: «1. Каждое Государство-участник принимает такие меры, какие, с учетом его правовых принципов, могут потребоваться для установления ответственности юридических лиц за участие в преступлениях, признанных таковыми в соответствии с настоящей Конвенцией.

При условии соблюдения правовых принципов Государства-участника ответственность юридических лиц может быть уголовной, гражданско-правовой или административной. 3. Возложение такой ответственности не наносит ущерба уголовной ответственности физических лиц, совершивших преступления. 4. Каждое Государство-участник, в частности, обеспечивает применение в отношении юридических лиц, привлекаемых к ответственности в соответствии с настоящей статьей, эффективных, соразмерных и оказывающих сдерживающее воздействие уголовных или неуголовных санкций, включая денежные санкции».

Учитывая концептуальный подход разработчика по невключению в Уголовный кодекс Республики Казахстан уголовной ответственности юридических лиц, группа экспертов обращает внимание на п. 1 анализируемой ст. 26 Конвенции ООН против коррупции от 31 октября 2003 г.: «Каждое Государство-участник принимает такие меры, какие, с учетом его правовых принципов, могут потребоваться для установления ответственности юридических лиц за участие в преступлениях, признанных таковыми в соответствии с настоящей Конвенцией».

Таким образом, разработчик упустил из виду, что невозможно механически проигнорировать (не включить) уголовную ответственность юридических лиц в проект Уголовного кодекса Республики Казахстан (новая редакция), не включив в последний отдельную статью «О разъяснении принципов уголовного законодательства». Следовательно, необходимо в Разделе 1 а Уголовного кодекса в новой редакции сформулировать принципы уголовного законодательства. Статья 1 Уголовного кодекса изложена в следующей редакции: «1. Уголовное законодательство Республики Казахстан состоит исключительно из настоящего Уголовного кодекса Республики Казахстан. Иные законы, предусматривающие уголовную ответственность, подлежат применению только после их включения в настоящий

Кодекс. 2. Настоящий Кодекс основывается на Конституции Республики Казахстан и общепризнанных принципах и нормах международного права».

Как видно по изложенной выше редакции, ст. 1 осталась без изменений, что не совсем соответствует положениям УК, определяющим соотношение Уголовного кодекса с нормами Конституции Республики, ратифицированными международными договорами, а также «применению постановлений Конституционного Совета при решении вопросов уголовно-правового характера».

В этом же логическом ряду имеет место рассмотрение проблемного вопроса о квалификации преступлений со ссылкой на нормативные постановления пленума (пленарного заседания) Верховного Суда Республики Казахстан в уголовно-правовом и уголовно-процессуальном направлениях.

Классически место каждого подзаконного акта в иерархии нормативных правовых актов зависит от органа, издавшего его, полномочий и компетенции этого органа. Нормативные постановления Верховного Суда по юридической силе приравниваются к тем нормативным правовым актам, положения которых стали предметом интерпретации (толкования) в конкретном нормативном постановлении. В частности, в постановлении Конституционного Совета от 13 декабря 2001 г. отмечено: «Из права давать официальное толкование норм Конституции следует юридическая сила решений Конституционного Совета, равная юридической силе тех норм, которые стали предметом его толкования». По аналогии с этим положением и компетенцией пленарного заседания Верховного Суда принимать нормативные постановления можно утверждать, что юридическая сила нормативного постановления определяется юридической силой нормативного правового акта, нормы которого интерпретируются. Последние должны применяться в единстве с положениями соответствующего нормативного постановления в силу его общеобязательного характера.

«Слабость» же нормативных постановлений Верховного Суда Республики Казахстан в толковании, которое дал от 6 марта 1997 г. №3 Конституционный Совет Республики Казахстан [5]: «К действующему праву относятся нормативные постановления Верховного Суда — следует понимать таким образом, что Верховный Суд Республики Казахстан полномочен издавать нормативные постановления только по вопросам применения в судебной практике норм законодательства, в том числе и норм Конституции».

Криминологические исследования показывают, что правоприменители (дознаватели, следователи, прокуроры и судьи) довольно часто используют наряду с нормами Уголовного кодекса и нормативные постановления пленума (пленарного заседания) Верховного Суда Республики Казахстан.

Необходимо детально проработать вопрос адекватности преступления и наказания по каждой статье нового УК и соразмерности наказания по частям каждой отдельной статьи (чтобы низший предел квалифицированного состава был высшим пределом простого состава). Ревизию «адекватности и соразмерности» необходимо проводить с учётом также такого института уголовного права, как неоконченная преступная деятельность.

В современных условиях защита прав граждан должна стать составной частью государственной политики. Задача современного этапа заключается не только в развитии и совершенствовании норм, предусматривающих ответственность за совершение преступлений, по сути, и в установлении меры наказания субъекту преступления, и в создании условий для защиты нарушенных прав и свобод граждан.

С криминологических позиций весьма интересным представляется вопрос уголовной ответственности юридических лиц. Ограничения субъектов преступления физическими лицами означает, что субъектами преступлений не могут быть юридические лица.

Этот вопрос решён на законодательном уровне традиционно для отечественного уголовного права. Отсутствие в казахстанском уголовном праве института уголовной от-

ветственности юридических лиц не означает, что данная проблема характерна лишь для зарубежного законодателя. Во-первых, в одном из проектов уголовного кодекса предлагалось ввести такую ответственность и у нас в стране. В частности, глава 18 гласила: «Юридическое лицо подлежит уголовной ответственности за деяние, предусмотренное уголовным законом, если: а) юридическое лицо виновно в неисполнении или в ненадлежащем исполнении прямого предписания законов, устанавливающего обязанность либо запрет в осуществлении определенной деятельности; б) юридическое лицо виновно в осуществлении деятельности, не соответствующей его учредительным документам или объявленным целям; в) деяние, причинившее вред, либо создавшее угрозу причинения вреда личности, обществу и государству, было совершено в интересах данного юридического лица либо было допущено, санкционировано, одобрено, использовано органом или лицом, осуществляющим функции управления юридическим лицом» [6; 59].

Во-вторых, Казахстан стал полноправным членом Организации Объединенных Наций, постепенно вступает в другие международные организации, нельзя не заметить того обстоятельства, что часть членов данных организаций в той или иной степени признают уголовную ответственность юридических лиц. Казахстан должен с этим считаться, хотя бы с точки зрения гармонизации собственного законодательства с международным. И как бы человек ни хотел, все равно экономика первична, и для развития государства во всех областях жизнедеятельности нужно сотрудничество сторон, в том числе и в правовой сфере.

Процесс введения юридических лиц в сферу воздействия уголовного права активизировался в 80-е годы двадцатого столетия, и особенно в 90-е годы, в связи с принятием рядом государств новых уголовных кодексов. Например, в 1976 г. уголовная ответственность юридических лиц была установлена в Нидерландах, в 1982 г. — в Португалии, в 1992 г. — во Франции, в 1995 г. — в Финляндии, в 1997 г. такая ответственность была введена в соседнем Китае. К настоящему времени уголовная ответственность юридических лиц уже существует в Англии, США, Канаде, Шотландии, Дании и других государствах. В Германии и Швеции установлена так называемая квазиуголовная (административно-уголовная) ответственность юридических лиц. Квазиуголовная ответственность допускается в Бельгии в налоговой, таможенной и сельскохозяйственной сферах.

И третье возражение связано с наказанием юридических лиц: указывается на тщетность применения к юридическим лицам традиционных наказаний, которые в этом случае не могут отвечать ни одной из их общепризнанных целей. В сущности, наказание есть мера государственного принуждения, предназначенная для воздействия на сознание, психику человека. Абсурдно думать, что путем применения наказания к юридическим лицам государство сможет карать, исправлять или устранять их.

Борьба с проявлениями экстремизма как приверженности к крайним взглядам и, что действительно опасно, к насилию как средству разрешения социальных конфликтов, была бы более эффективной, если бы острие уголовно-правовых средств было направлено на суть этого феномена, а не на сопутствующие ему деяния или на деяния, имеющие отдаленное отношение к экстремизму.

Было бы более правильным, если бы законодатель привел в законе четкие признаки экстремистских и террористических уголовных правонарушений, которые позволили бы определить соотношение между собой этих понятий, а не ограничивался простым перечнем статей УК.

Известно, что Республика Казахстан является участницей Шанхайской конвенции о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом от 15 июня 2001 г. Конвенция (п. 3 ч. 1 ст. 1) даёт следующее определение понятия «экстремизм» — какое-либо деяние, направленное на насильственный захват власти или насильственное удержание власти, а также на насильственное изменение конституционного строя государства, а равно насильственное

посягательство на общественную безопасность, в том числе организация в указанных выше целях незаконных вооруженных формирований или участие в них, и преследуемое в уголовном порядке в соответствии с национальным законодательством Сторон.

Такое определение в силу своей размытости дает возможность применять понятие «экстремизм» к сколь угодно широкому кругу феноменов, в число которых попадает и террористическая деятельность (в этом случае понятия «экстремизма» и «терроризма» смешиваются), и создание не легализованной в установленном порядке политической партии (в этом случае понятие «экстремизма» необоснованно расширяется, даже по сравнению с положениями Шанхайской конвенции, которая в этом контексте упоминает незаконное вооруженное формирование, а не политическую партию или религиозную организацию).

Литература:

1 Послание Президента Республики Казахстан — Лидера нации Н.А. Назарбаева народу Казахстана «Стратегия «Казахстан-2050: новый политический курс состоявшегося государства» // ИС «ПАРАГРАФ», 2013.

2 Аванесов Г.А. Криминология. М.: Академия МВД СССР, 1984. С. 487.

3 Концепция правовой политики Республики Казахстан на период с 2010 до 2020 года: Указ Президента Республики Казахстан от 24 августа 2009 года № 858 // ИС «ПАРАГРАФ», 2010.

4 Конвенция ООН против коррупции от 31 октября 2003 года: Закон Республики Казахстан от 4 мая 2008 года № 31-IV // ИС «ПАРАГРАФ», 2013.

5 Нормативное постановление Конституционного Совета Республики Казахстан от 6 марта 1997 года №3 // ИС «ПАРАГРАФ», 2013.

6 Джекебаев У.С. Об уголовной ответственности юридических лиц // Известия НАН РК. 1993. № 4. С. 59.

Л.А. ПРОХОРОВ

*д.ю.н., профессор, Заслуженный работник высшей школы РФ,
профессор юридического факультета ФГБОУ ВПО «Кубанский
государственный университет»*

В.С. КРЫЖАНСТОВСКАЯ

*студентка юридического факультета ФГБОУ ВПО
«Кубанский государственный университет»*

L.A. PROKHOROV

*Doctor of Law, Professor, Honored Worker of Higher School of Russia
Professor of the Faculty of Law VPO "Kuban State Law Faculty "*

V.S. KRYZHANSTOVSKAYA

law student VPO, "Kuban State Law Faculty"

ЗАЩИТА ПРАВ И ИНТЕРЕСОВ ПОТЕРПЕВШЕГО КАК ГАРАНТИЯ СПРАВЕДЛИВОГО НАЗНАЧЕНИЯ НАКАЗАНИЯ ПРИ ЗАКЛЮЧЕНИИ ДОСУДЕБНОГО СОГЛАШЕНИЯ О СОТРУДНИЧЕСТВЕ

PROTECTING THE RIGHTS AND INTERESTS OF THE VICTIM AS A GUARANTEE OF A JUST-SPRA SENTENCING DURING PRE-CUSTODY OF COOPERATION AGREEMENT

Аннотация. Статья посвящена изучению института досудебного соглашения о сотрудничестве, в частности более подробного изучения личности потерпевшего.

Ключевые слова: справедливость, потерпевший, цели назначения наказания, возмещение вреда, досудебное соглашение.

Annotation. Article is devoted to studying of institute of the pre-judicial cooperation agreement, in particular more detailed studying of victim's identity.

Key words: justice, the victim, the purpose of sentencing, reparation, pre-trial agreement.

Институт назначения наказания в российском уголовном праве, модель которого была создана законодателем в Уголовном кодексе 1996 года, за прошедшие 18 лет претерпел значительные изменения. Среди них можно назвать введение правил назначения в случае заключения досудебного соглашения о сотрудничестве. Главная цель вносимых в УК РФ и УПК РФ изменений согласно пояснительной записке к ФЗ № 141-ФЗ заключалась в противодействии организованным формам преступности.

Федеральным законом от 29 июня 2009 г. № 141-ФЗ «О досудебном соглашении о сотрудничестве» в статью 62 УК включена часть 2 следующего содержания: «В случае заключения досудебного соглашения о сотрудничестве при наличии смягчающих обстоятельств, предусмотренных пунктом «и» части 1 статьи 61 настоящего Кодекса, и отсутствии отягчающих обстоятельств срок или размер наказания не могут превышать половины максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части настоящего Кодекса». Данный Закон определяет и порядок заключения досудебного соглашения о сотрудничестве [1]. Подозреваемый или обвиняемый подает ходатайство, в котором указывает, что конкретно он обязуется совершить в целях содействия следствию *в раскрытии и расследовании преступления, изобличении и уголовном преследовании других соучастников преступления, розыске имущества, добытого в результате преступления* (ст. 317¹ УПК РФ).

Следует отметить, что уголовно-правовой и уголовно-процессуальный институт, который в настоящее время мы называем «сделкой с правосудием», возник достаточно давно. Он существовал, к примеру, в Британии уже в средние века. На тот момент «апелляция раскаявшегося» предполагала, что подсудимый мог избежать смерти, если помогал раскрыть другие преступления, которые совершили другие люди. Принято считать, что «сделка с правосудием» в том смысле, в котором мы ее понимаем сейчас, возникла в США примерно в конце 19 века, а затем получила распространение и в других странах.

Необходимо отметить, что у указанного института есть множество как сторонников, так и ярых противников. Сторонники, объясняют свою позицию тем, что подобные институты существенным образом способствуют раскрытию наиболее сложных, много эпизодных, групповых преступлений. Противники же, указывая на исторический опыт Британии, в которой в средние века этот институт прекратил свое существование, говорят о том, что возможность получить меньшее наказание взамен на оговор других лиц дает возможность избежать наказания виновным и привлечению невиновных.

Сущность досудебного соглашения о сотрудничестве состоит в заключении между сторонами обвинения и защиты двустороннего уголовно-процессуального договора, предметом которого являются обязательства выполнения подозреваемым или обвиняемым определенных действий, способствующих раскрытию и расследованию преступлений. Со стороны государства для данного лица в этом случае предусмотрены гарантии:

- а) применение особого порядка судебного разбирательства,
- б) значительное сокращение назначаемого уголовного наказания,
- в) обеспечение мер государственной защиты как для подозреваемого или обвиняемого, так и для его близких родственников, родственников и близких лиц.

В части 2 ст. 62 УК РФ определены параметры решения суда в случае заключения досудебного соглашения о сотрудничестве:

- наличие смягчающих обстоятельств, предусмотренных п. "и" ч. 1 ст. 61 УК РФ, т. е. явка с повинной, активное содействие раскрытию и расследованию преступления,

изобличению и уголовному преследованию других соучастников преступления, розыску имущества, добытого в результате преступления;

- отсутствие отягчающих обстоятельств.

При наличии этих условий срок или размер назначаемого виновному наказания *не могут превышать половины максимального срока* или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части УК РФ.

Особые правила применения данной статьи установлены в отношении лиц, совершивших преступления, за которые предусмотрены пожизненное лишение свободы или смертная казнь, но заключивших досудебное соглашение о сотрудничестве. Часть 4 ст. 62 УК устанавливает, что «в случае заключения досудебного соглашения о сотрудничестве, если соответствующей статьей Особенной части настоящего Кодекса предусмотрены пожизненное лишение свободы или смертная казнь, *эти виды наказаний не применяются*. При этом срок или размер наказания *не могут превышать двух третей максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания*, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части настоящего Кодекса».

В судебной практике имеют место сложные ситуации, обусловленные тем, что *пожизненное лишение свободы* не применяется: к лицам женского пола; лицам, совершившим преступления в возрасте до 18 лет; мужчинам, достигшим к моменту вынесения приговора 65-летнего возраста. *Смертная казнь* не применяется к этим же категориям осуждаемых, а также к лицу, выданному Российской Федерации иностранным государством для уголовного преследования в соответствии с международным договором при наличии условий, указанных в ч. 2¹ ст. 59 УК. Имеет ли суд право применять ст. 62 УК к указанным выше категориям лиц?

На этот вопрос ответил Президиум Верховного Суда РФ по делу Б., осужденной по п. «а» ч. 2 ст. 105 УК к 15 годам лишения свободы с отбыванием наказания в исправительной колонии общего режима. Президиум Верховного Суда РФ отменил все предыдущие решения судов и смягчил наказание в соответствии с ч. 1 ст. 62 УК РФ [2].

Закон, предусматривая отмеченные льготы для подозреваемого или обвиняемого, выдвигает жесткое условие. Невыполнение обязательств подозреваемым или обвиняемым влечет ничтожность договора, последствиями чего является рассмотрение уголовного дела и назначение наказания за совершенное преступление в общем порядке в соответствии с установленными законом требованиями, или пересмотр и отмена вступившего в законную силу приговора суда. Для нормативного регулирования принятия судом решения в данной ситуации Федеральным законом от 29 июня 2009 г. № 141-ФЗ в УК РФ включена ст. 63¹ «Назначение наказания в случае нарушения досудебного соглашения о сотрудничестве», которая предусматривает: «В случае если установлено, что лицом, заключившим досудебное соглашение о сотрудничестве, были предоставлены ложные сведения или сокрыты от следователя или прокурора какие-либо иные существенные обстоятельства совершения преступления, суд назначает ему наказание в общем порядке без применения положений частей второй, третьей и четвертой статьи 62 настоящего Кодекса, касающихся срока и размера наказания, и статьи 64 настоящего Кодекса».

В соответствии с изменениями, внесенными в законодательство ФЗ №141-ФЗ, необходимо учесть следующие проблемные аспекты:

1) определение круга преступлений, в отношении которых возможно заключение досудебного соглашения о сотрудничестве;

2) разъяснение обвиняемому его возможности и последствия заключения «сделки с правосудием»

3) последствия предоставления ложной информации и законодательного регулирования ответственности за данные сообщения;

4) и один из наиболее важных аспектов - это защита права потерпевшего, который по Закону не приобрел ничего, все действия проходят без его участия и он не может их обжаловать.

Обратим внимание на последний аспект, имеющиеся в указанном законе и УК РФ. Реализации в отношении потерпевшего принципа социальной справедливости в уголовном судопроизводстве связана, в том числе, и с разрешением вопросов о привлечении к ответственности преступника и назначении ему справедливого воздаяния, на что неоднократно ориентировала правоприменителя судебная практика [3]. «Потерпевший», по мнению Конституционного Суда РФ, отраженному в Постановлении от 15 января 1999 г. N 1-П по делу о проверке конституционных положений ч. 1 ст. 295 УПК РСФСР в связи с жалобой гражданина М.А. Ключева, «заинтересован в том, чтобы поспособствовать раскрытию преступления, установлению истины по делу, изобличению преступника и справедливому воздаянию за содеянное. При этом он фактически, с учетом его процессуального положения, выступает в качестве стороны, противостоящей обвиняемому (подсудимому)» [4].

Таким образом, от назначения законного, обоснованного и справедливого наказания лицу, совершившему преступление, когда учтены характер, степень общественной опасности преступления, обстоятельства его совершения, личность виновного и интересы потерпевшего, могут быть достигнуты цели, провозглашенные в ч.2 ст. 43 УК РФ:

- 1) восстановления социальной справедливости,
- 2) исправления осужденного
- 3) предупреждения совершения новых преступлений.

В соответствии с положениями гл. 40¹ УПК РФ, лицо, которое совершило преступное деяние любой степени тяжести и содействует следствию в его раскрытии и расследовании, изобличении и уголовном преследовании других соучастников, розыске имущества, добытого в результате преступления, впервые получило возможность оформить в виде соглашения свое сотрудничество с правоохранительными органами, получив взамен существенное снижение наказания.

Согласно ч. 1 ст. 317¹ УПК РФ, «ходатайство о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве подается подозреваемым или обвиняемым в письменном виде на имя прокурора. Это ходатайство подписывается также защитником».

Законодатель в случае заключения досудебного соглашения о сотрудничестве *во главу угла поставил публичный интерес по раскрытию преступления и привлечению виновных к уголовной ответственности*. Подобный подход законодателя и правоприменительной практики говорит о том, что первостепенное значение здесь имеет уменьшение сроков наказания для обвиняемого, его безопасность, увеличение раскрываемости преступлений, уменьшение сроков рассмотрения уголовного дела, снижение нагрузки на судей и уменьшение статьи расходов бюджета по финансированию судопроизводства.

Анализ материальных и процессуальных норм показывает, что вне действующей процедуры заключения досудебного соглашения оказывается участник, которому преступлением причинен вред - *потерпевший*. Кроме того, в числе субъектов, обладающих правом на обжалование факта заключения соглашения и его содержания, также не включен потерпевший. Сказанное определяет одну из наиболее острых и актуальных проблем соответствия института досудебного соглашения о сотрудничестве требованию принципам уголовного права справедливости и гуманности.

Таким образом, анализируя нормы о досудебном соглашении в контексте защиты прав потерпевших, можно сказать о существенном нарушении норм Конституции РФ, а также основополагающих принципов отечественного уголовного права, а именно принципа справедливости и гуманизма. Действительно, такой ключевой участник уголовно-правовых и уголовно-процессуальных отношений, как потерпевший, оказался в неравном

процессуальном положении как по отношению к своим процессуальным сторонникам - стороне обвинения, так и к своему оппоненту - обвиняемому (подсудимому).

Вместе с тем, означает ли это игнорирование законодателем интересов лица, пострадавшего от преступления?

В соответствии с положениями базисных международных правовых актов жертвы преступления:

- имеют право на доступ к механизмам правосудия и скорейшую компенсацию за нанесенный ущерб;

- судебные и административные процедуры в большей степени должны отвечать их потребностям [5];

- при этом основной функцией уголовного правосудия должны быть удовлетворение запросов и охрана интересов потерпевшего [6].

Следовательно, соблюдение прав и интересов жертв правонарушений (потерпевших) должно быть одной из фундаментальных функций уголовной юстиции [7].

Нам представляется, что, не смотря на то, что потерпевший не может определять судьбу досудебного соглашения, так как это относится к компетенции государственных органов, он, как наименее защищенный участник процесса, в любом случае имеет право на возмещение вред, причиненного преступлением. Однако судебная практика в настоящее время в отдельных регионах России идет по пути оставления без рассмотрения заявленного в уголовном деле (как в выделенном в отдельное производство, так и в отношении остальных соучастников) гражданского иска. Более того, суд оставляет и без разъяснения потерпевшему права на рассмотрение его иска в гражданском процессе в отношении всех лиц, виновных в причинении вреда [8].

Редакция ч. 2 ст. 62 УК РФ порождает еще один принципиальный вопрос, обсуждаемый в литературе. Дело в том, что поставленное законодателем условие смягчения наказания лишь при отсутствии отягчающих обстоятельств, практически блокирует применение норм главы 40¹ УПК РФ именно по делам об организованной преступной деятельности. Дело в том, что в перечне ст.63 УК РФ упоминаются в качестве отягчающих обстоятельств совершение преступления в составе лиц, в том числе - организованной группой или преступного сообщества. Таким образом, законодателю следует обратить внимание на противоречия, которые имеются в законодательстве РФ. Для этого, как нам представляется, можно *дополнить ч. 2 ст. 62 УК РФ указанием на то, что при рассмотрении возможности заключения соглашения не учитывается п. «в» ч. 1 ст. 63 УК РФ.*

В последнее время законодатель обращает внимание на роль потерпевшего при получении своевременной информации о ходе рассмотрения уголовного дела, а также принятия иных решений в отношении преступника. Так, Федеральный Закон «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс и Уголовно-исполнительный кодекс РФ по вопросу участия потерпевших при рассмотрении судом вопросов, связанных с исполнением приговора» от 25 марта 2015 г. дополняет часть 5 пункт 21¹ ст.42 следующим содержанием:

« ходатайство о получении информации, указанной в пункте 21¹ части второй статьи 42, заявляется потерпевшим, его законным представителем до окончания прений сторон в письменной форме. В ходатайстве указываются перечень информации, которую желает получать потерпевший или его законный представитель, адрес места жительства, адрес электронной почты, номера телефонов, а также иные сведения, которые могут обеспечить своевременное получение потерпевшим или его законным представителем информации».

Таким образом, международные нормы права и законодательство России провозглашают человека, его права и свободы высшей ценностью. Конституционное положение

РФ напрямую направлено на закрепление за государством обеспечения доступа потерпевшего к правосудию и законодательную защиту не только от преступлений, но и от злоупотреблений властью. Обязанность обеспечения прав жертв преступлений лежит именно на государстве. Уголовно-процессуальный кодекс России указывает на то, что одним из назначений уголовного судопроизводства является защита прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений (подпункт 1 ч. 1 ст. 6 УПК). Тем не менее, реальная действительность свидетельствует об отсутствии должного соблюдения этих требований. Законодательные недоработки усугубляются коррупцией. Есть что-то противоестественное в позиции законодателя, видящего за проблемой защиты прав человека только того, кто преступил закон, кто бросил вызов обществу и государству, а не жертвы преступлений, те миллионы судеб, которые попираются правонарушителями.

Прибегая к помощи потерпевшего, органы уголовного преследования решают главным образом свои служебные задачи. Не учитывается то, что после совершенного преступления жертва находится в состоянии острых психологических и материальных проблем и потому нуждается в правовой защите и повышенном внимании. Жертва нуждается в помощи как непосредственно после деяния, так и в пролонгированной помощи (сироты, утрата кормильца, инвалиды по утрате трудоспособности, медицинское сопровождение на период лечения и т. п.), человек должен получать правовую, медицинскую, материальную помощь, однако в российском праве потерпевшему не уделяется достаточного внимания.

Следует сказать, что положения о сути и форме досудебного соглашения вызывали критику ещё на стадии обсуждения законопроекта, но поправки в закон были внесены без учета этой критики. Эту проблему оригинально охарактеризовал ещё Чезаре Беккариа, который выделял положительные и отрицательные стороны (выгоды и невыгоды) данного института. Отрицательная сторона заключается в том, что государство поощряет предательство, презираемое даже преступниками. Кроме того, суды обнаруживают по данному вопросу колебания в своей практике, а законы — несостоятельность, поскольку вызывают к помощи тех, кто их нарушает. Положительная сторона заключается в предупреждении тех особо тяжких преступлений, последствия которых очевидны, виновники неизвестны и которые внушают панический страх населению. Эта мера показывает также, что, нарушая верность законам, то есть государству, преступник способен нарушить верность и частному лицу. Чезаре Беккариа приходит к выводу о том, что общий закон, предусматривающий освобождение от наказания соучастника, раскрывшего преступление, «следовало бы предпочесть специальным постановлениям, принимаемым отдельно для каждого конкретного случая подобного рода. Это препятствовало бы сговору сообщников из-за опасения каждого из них лишь самому подвергнуться риску наказания. И тем самым суд не придавал бы смелости преступникам, обращаясь в отдельных случаях к их помощи» [9].

Таким образом, заключение досудебных соглашений о сотрудничестве, возможно, является эффективным способом борьбы с организованной преступностью и расследования преступлений. Но при этом необходимо уделять особое внимание дальнейшей разработке его механизмов и недопущению злоупотреблений при заключении таких сделок, как со стороны правоохранительных органов, так и со стороны виновных лиц, усилению судебного контроля, и *в большей степени дополнению прав потерпевших.*

Литература:

1. Александров А.С., Колесник В. В. Порядок заключения досудебного соглашения о сотрудничестве: правовые позиции высших судов России // Российский следователь. 2013. № 19.
2. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ № 66-012-60 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2013. № 4. С. 23.

3. Постановление Конституционного Суда РФ от 8 декабря 2003 г. N 18-П "По делу о проверке конституционности положений статей 125, 219, 227, 229, 236, 237, 239, 246, 254, 271, 378, 405 и 408, а также глав 35 и 39 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросами судов общей юрисдикции и жалобами граждан" // <http://www.rg.ru/2003/12/23/ks-dok.html>

4. Постановление Конституционного Суда РФ от 15 января 1999 г. N 1-П "По делу о проверке конституционности положений частей первой и второй статьи 295 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина М.А.Клюева"// Вестник Конституционного Суда РФ. N 2. 1999, <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=21775>.

5. Декларация основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотребления властью. Принята резолюцией 40/34 Генеральной Ассамблеи от 29 ноября 1985 года // http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/power.shtml

6. Рекомендация Комитета Министров Совета Европы от 28 июля 1985 г. «О положении потерпевшего в рамках уголовного права и процесса»// <http://docs.pravo.ru/document/view/20073340/18952243/>

7. Рекомендация Комитета Министров Совета Европы от 5 сентября 1996 г. «По политике борьбы с преступностью в изменяющейся Европе» // Уголовное право. 1999. №4. С. 86.

8. Парфенов В.Н. Проблемы обеспечения прав и законных интересов потерпевшего при особом порядке принятия судебного решения в связи с заключением досудебного соглашения о сотрудничестве // Российский судья. 2009. № 11.

9. http://krotov.info/library/02_b/ek/karia3.html

Д.В. СОБИН

*аспирант кафедры уголовного права и криминологии
юридического факультета*

Кубанского государственного университета

D.V. SOBIN

*Postgraduate of the Department of Criminal Law and Criminology
Faculty of Law, Kuban State University*

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ ПОДХОДОВ К ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НАРУШЕНИЕ ПРАВИЛ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ И ЭКСПЛУАТАЦИИ ТРАНСПОРТНЫХ СРЕДСТВ (ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

TRANSFORMATION LEGISLATIVE APPROACH TO DIFFERENTIATION OF CRIMINAL LIABILITY FOR VIOLATION OF TRAFFIC RULES AND OPERATION OF VEHICLES (HISTORICAL ASPECT)

Аннотация. В статье осуществлен сравнительно-правовой анализ особенностей законодательной регламентации уголовной ответственности за нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств на различных этапах развития российского государства.

Ключевые слова: уголовная ответственность, дорожное движение, эксплуатация транспортных средств, Соборное уложение 1649 г., Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г., дифференциация ответственности.

Annotation. In the article the comparative and legal analysis of features of a legislative regulation of criminal liability for violation of the rules of traffic and operation of vehicles at various stages of development of the Russian state is carried out.

Key words: criminal liability, traffic, operation of vehicles, the Cathedral code of 1649, the Code about criminal and corrective punishments of 1845, differentiation of responsibility.

Президиум Общественного совета при МВД России рассмотрел проблемы, связанные с обеспечением безопасности дорожного движения в стране. На совещании было констатировано, что криминальная ситуация остается достаточно сложной. Количество зарегистрированных аварий и число погибших в результате дорожно-транспортных происшествий в стране за прошедшие 10 лет остается почти на прежнем уровне [11]. В этот период действовала Федеральная целевая программа «Повышение безопасности дорожного движения в 2006-2012 годах». Она была введена в действие специальным Указом Президента РФ [2] и предусматривала широкий комплекс мер, которые необходимо принять правительству, органам исполнительной власти субъектов Российской Федерации, в том числе правовых и уголовно-правовых, в частности.

Однако эффективность принимаемых мер оказалась невысокой, в 2009, 2010, 2011, 2012 годы имеет место рост тяжких дорожно-транспортных преступлений. Согласно данным МВД РФ, ежегодно более 900 детей погибают на дорогах страны, десятки тысяч людей получают травмы, становятся инвалидами [10].

Сложившаяся тревожная ситуация в сфере противодействия этому виду преступлений явилась предметом обсуждения на Совете Безопасности Российской Федерации. Совет, оценив сложившуюся на 2013 год криминальную ситуацию в России, отметил среди *наиболее опасных угроз для России* обострение проблем в области обеспечения безопасности дорожного движения [13]. Поэтому для устранения этой угрозы в стране разработана и принята Федеральная целевая программа обеспечения безопасности дорожного движения, рассчитанная до 2020 года.

Усиленное внимание рассматриваемой проблеме государство проявляет потому, что деяния связаны с использованием источника повышенной опасности, потенциально способного причинить особо тяжкие последствия для потерпевшего. Вполне естественно, что законодатель, как правило, четко реагирует на изменения складывающейся ситуации. Это показывают результаты исторического анализа уголовного законодательства России. Следует отметить, что рассматриваемые преступления, степень их общественной опасности в полной мере зависит от уровня развития техники, транспортных средств [15]. Соответственно, это обстоятельство непосредственно влияет на нормативно-правовую базу, которая регулирует отношения, складывающиеся в этом обществе.

Ответственность за преступления в сфере обеспечения безопасности дорожного движения находила свою регламентацию уже в ранних нормативно-правовых актах Российского государства. Но в отличие от иных т. н. «обще уголовных» преступлений рассматриваемые общественно опасные деяния получили распространение значительно позже в связи с развитием техники. На первом этапе правовые документы содержали правила и предписания, касающиеся гужевого и водного транспорта. Затем с появлением механического транспорта порядок движения по российским дорогам в 17-18 веках был регламентирован уже более обстоятельно.

Рассмотрим отдельные этапы развития законотворчества в России, некоторые особенности которых представляют интерес и сегодня. Прообразом такого преступления можно считать деяние, сопряженные с нарушением правил управления лошадьми. Например, ответственность за нарушение подобных правил устанавливалась ст. 17 главы XXII Соборного уложения 1649 г. Уголовно наказуемыми признавались действия лица, которое «с похвалы или с пьянства, или умыслом наскочет на лошади на чью жену, и

лошадью ее стопчет и повалит, и тем ее обесчестит, или ее тем боем изувечит...» [16]. Наказание за это деяние было предусмотрено достаточно жесткое. Виновного били кнутом «нешадно» и помещали в тюрьму на три месяца. Но если наступала смерть потерпевшей, то виновного подвергали смертной казни [12].

Рассматриваемый нормативно-правовой акт представляет интерес не только жесткой дифференциацией ответственности, но и тем, что уже в то время указанный законодательный памятник предусматривал *предупредительные меры*. Он регламентировал порядок содержания проезжих дорог, мостов, перевозов, устанавливая гражданско-правовую ответственность за его нарушение. Если провести аналогию с сегодняшней Россией, когда значительная часть дорожно-транспортных происшествий совершается в связи с аварийным состоянием дорог, то видно, что реальных рычагов воздействия на органы местной власти явно недостаточно. Поэтому в названном выше Указе «О первоочередных мерах по обеспечению безопасности дорожного движения» предусмотрен специальный пункт, обязывающий органы местного самоуправления обеспечить улучшение условий безопасного дорожного движения.

Появление новых видов транспортных средств, развития транспортной инфраструктуры в законодательстве России устанавливались и новые виды уголовно-правовых запретов. Следующим серьезным этапом в развитии соответствующих уголовно-правовых норм явилось принятие Уложению о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. Законодатель предусмотрел довольно обширную группу норм об ответственности за нарушения различных правил обращения с транспортными средствами. Все они подразделялись на три категории: нормы о сухопутном сообщении, оречном и морском транспорте. Однако специальной нормы, посвященной нарушению правил дорожного движения не существовало [3].

Применительно к нашей теме исследования можно назвать статьи 1255-1258 Уложения, которые регламентировали ответственность за нарушения правил в области гужевого транспорта. Санкции отмеченных уголовно-правовых норм были значительно мягче, чем нормы Соборного уложения 1649 г. Более строгая ответственность была предусмотрена за нарушение в области речного и морского транспорта.но тоже ограничивалась в основном штрафом.

В Уголовном уложении 1903 г. нормы об ответственности за транспортные преступления вошли в качестве составной части в раздел о преступлениях, связанных с ненадлежащим производством работ и пользованием средствами связи. Вполне естественно, что число таких норм возросло, а ответственность за транспортные преступления заметно дифференцировалась, в частности, в зависимости от специального субъекта преступления (служащего железной дороги, пассажира, капитана корабля и т.п.). Однако состава преступления, связанного с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации автотранспорта, (аналогичного сформулированному в ст. 264 УК РФ 1996 г.), в связи с незначительной распространенностью автомобильного транспорта в России в Уголовном уложении еще не было.

После 1917 года, после смены власти в России и наметившимся существенным прогрессом в развитии техники посягательства на работу транспорта стали расцениваться как имеющие повышенную общественную опасность. Но эти тенденции имели место в процессе регламентации ответственности за посягательства на безопасную работу речного, морского и воздушного транспорта [11]. Например, ответственность за задержку следующих по назначению эшелонов и грузов, несвоевременную подачу паровозов и порожних вагонов, за крушения и другие преступления, посягающие на нормальную и безопасную работу транспорта, была установлена специальным постановлением Совета Рабоче-крестьянской Обороны от 11 декабря 1918 г. В постановлении подчеркивалось, что

виновные в этих преступлениях привлекаются к ответственности по всей строгости революционных законов [7].

Первый Уголовный кодекс РСФСР 1922 г. не предусматривал системы транспортных преступлений. Преступления на различных видах транспорта рассматривались в основном в сфере народного здоровья, общественной безопасности и публичного порядка. Можно выделить ст. 218 УК – за неисполнение или нарушение правил, установленных законом или обязательным постановлением для охраны порядка и безопасности движения по сухопутным, водным и воздушным путям сообщения. Особенность этой ст. 218 УК РСФСР заключается в следующем:

- 1) во-первых, в ней впервые были объединены нарушения соответствующих правил, действовавших в то время на всех видах (в том числе автомобильного) транспорта;
- 2) во-вторых, такое объединение произошло на базе особенностей объекта преступных посягательств, в качестве которого выступали общественные отношения в сфере охраны порядка и безопасности движения всех перечисленных транспортных средств.

Санкция этой уголовно-правовой нормы устанавливала наказание в виде принудительных работ или штраф до 300 рублей золотом [12].

В УК РСФСР 1926 г. законодатель не предусматривал специальной нормы, регламентирующей ответственность за транспортные преступления. Однако развитие автомобильной промышленности, рост автопарка, интенсификация движения по дорогам страны требовали введения специальной нормы, непосредственно направленной на охрану безопасного функционирования автотранспортных средств. В судебной практике нарушения безопасной работы автотранспорта квалифицировались либо по статьям о преступлениях против личности, либо как нарушения обязательных постановлений об охране порядка на транспорте, либо как преступно-небрежное исполнение водителем своих служебных обязанностей (ст. 111 УК). По мнению профессора А. И. Коробеева, такая практика была возможна потому, что уголовное законодательство содержало норму об ответственности по аналогии. Но, как обоснованно отмечалось в литературе, такой подход не мог обеспечить достаточно эффективной репрессии в отношении грубых нарушений правил безопасности движения на автотранспорте [14].

Советское правительство в целях обеспечения безопасности транспортной сферы приняло постановление ЦИК и СНК СССР от 23 января 1931 г. «Об ответственности за преступления, дезорганизующие работу транспорта» [8]. Этот нормативно-правовой акт регламентировал ответственность за преступные нарушения на железнодорожном транспорте (ст. 59^{3в}). Часть 1. этой статьи предусматривала наказание в виде лишения свободы на срок до 10 лет. При наличии квалифицирующего признака (наличие явно злостного характера) наказание было предусмотрено в виде высшей меры социальной защиты – расстрела и конфискации имущества.

Следует отметить, что Пленум Верховного Суда СССР уделял достаточное внимание толкованию существующих в УК РСФСР норм и выработке рекомендаций по их применению. Отсутствие в законодательстве специальной нормы об ответственности требовало разъяснения со стороны высшей судебной инстанции. Поэтому в постановлении от 26 мая 1932 г. было разъяснено, что работники автотранспорта за аварии с человеческими жертвами по общему правилу должны привлекаться к уголовной ответственности по ст. 111 УК. В исключительных случаях, когда нарушение правил вождения автотранспорта повлекло массовые человеческие жертвы, гибель ценного государственного имущества и другие исключительно серьезные последствия, действия водителя *по аналогии* могут квалифицироваться по ст. 59^{3в} УК.

Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 29 декабря 1936 г. приравнивало преступные нарушения трудовой дисциплины работников автотранспорта и городских железных дорог к таким же деяниям на железнодорожном и водном транспорте. Поэтому Верховный Суд указывал на необходимость квалификации этих преступлений по ст. 59^{3в}. В рассматриваемый период рекомендации этой судебной инстанции носили обязательный характер и должны были выполняться неукоснительно.

Впоследствии Постановлением Пленума Верховного Суда СССР от 15 сентября 1950 г. все автотранспортные преступления подразделялись на совершенные работниками транспорта и иными лицами, с предписанием квалифицировать первые по ст. 59^{3в}, а вторые – по статьям о преступлениях против личности [9].

Вполне понятно, что подобный подход законодателя к регламентации ответственности за транспортные преступления и рекомендации судебной практики не соответствовал уровню развития транспортной инфраструктуры. Количество автотранспорта, трамваев несоизмеримо возросло в сравнении с предыдущими годами, возросло и количество лиц, управляющих ими. Поэтому правоприменительная практика столкнулась с проблемами квалификации совершаемых дорожно-транспортных происшествий. Сложившаяся ситуация настоятельно требовала внесения существенных корректив в действующее на тот период законодательство.

Первое четкое наименование рассматриваемых нами преступлений было дано в законе от 25 декабря 1958 г. «Об уголовной ответственности за государственные преступления». Статья 22 закона «Нарушения правил безопасности движения и эксплуатации транспорта» устанавливала ответственность за эти нарушения на железнодорожном транспорте. Эта статья вошла в принятый УК РСФСР 1960 г. Кроме того в этом кодексе появились новые статьи. Криминализации подверглись несколько групп нарушений правил безопасности на транспорте. Нарушение правил безопасности движения и эксплуатации транспортных средств лицом, не являющимся работником автотранспорта (ст. 212 УК), нарушение действующих на транспорте правил (ст. 213 УК). В дальнейшем была установлена ответственность за управление транспортным средством в состоянии опьянения (ст. 211¹ УК), за выпуск в эксплуатацию технически неисправных транспортных средств (ст. 211² УК), за допуск к управлению транспортными средствами лиц, находящихся в состоянии опьянения (ст. 211³ УК). Все эти статьи входили в 10 главу УК РСФСР «Преступления против общественной безопасности, общественного порядка и здоровья населения».

Наибольшую практическую значимость имела ст. 211 УК РСФСР «Нарушение правил безопасности движения и эксплуатации автотранспорта или городского электротранспорта». В части 1 ст. 211 УК РСФСР был сформирован состав нарушения правил безопасности движения и эксплуатации транспортных средств лицом, управляющим транспортным средством, повлекшее причинение потерпевшему менее тяжкого телесного повреждения. Максимальное наказание за это преступление было предусмотрено в виде 3 лет лишения свободы.

Квалифицированный состав этого преступления был связан с гибелью потерпевшего или причинения потерпевшему тяжкого телесного повреждения (ч. 2 ст. 211 УК РСФСР). Максимальное наказание за это преступление следовало в виде лишения свободы на срок до десяти лет.

Особо квалифицированный состав этого преступления законодатель связал с гибелью в связи с нарушением правил безопасности движения и эксплуатации транспортных средств нескольких лиц (ч. 3 ст. 211 УК РСФСР). Максимальное наказание за это преступление следовало в виде лишения свободы на срок от 3 до 15 лет. Санкции

рассмотренных уголовно-правовых норм достаточно строгие, поэтому их предупредительное значение высоко, на что уже было отмечено в литературе [17].

Анализ составов, включенных в рассмотренную статью, показывает, что подход законодателя к установлению признаков субъективной стороны состава нарушения правил безопасности движения и эксплуатации транспортных средств существенно отличается современного подхода [18]. Вина в данном составе выступает в форме умысла, в отличие от ст. 264 УК РФ. Такой подход, по нашему мнению, больше соответствует сути преступления, совершаемого с помощью источника повышенной опасности.

В заключение можно отметить, можно констатировать, что к тому времени была создана система норм об ответственности за транспортные преступления. Вместе с тем, по мнению представителей теории уголовного права, одним из серьезных недостатков УК РСФСР 1960 г. было отсутствие самостоятельной главы «Транспортные преступления», и составы данных преступных посягательств оказались в разных главах УК РФ. Этот пробел удалось исправить в процессе разработки и принятия действующего УК РФ 1996 года, в котором содержится глава 27 «Преступления против безопасности движения и эксплуатации транспорта».

Литература

1. Уголовный кодекс Российской Федерации 1996 г. (по состоянию на 5 мая 2015 г.)
2. Указ Президента РФ «О первоочередных мерах по обеспечению безопасности дорожного движения» № 1042 от 22 сентября 2006 года //Российская газета. 2006. 26 сентября.
3. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. СПб, 1845.
4. Уголовный кодекс РСФСР 1922 г.
5. Уголовный кодекс РСФСР 1926 г.
6. Уголовный кодекс РСФСР 1960 г.
7. СУ РСФСР. 1918. № 93. Ст. 930.
8. СЗ СССР, 1931, № 4. Ст. 44.
9. Сборник действующих постановлений Пленума Верховного Суда СССР: 1924-1957 г. М., 1958.
10. Александров Г. Колеса смерти //Аргументы и факты. 2012. №39.
11. Алексеев Н.С. Транспортные преступления. Л., 1957.
11. Баршев В. Быстрее -безопаснее // Российская газета. 2015. 8 апреля.
12. Бытко Ю. И., Бытко С.Ю. Сборник нормативных актов по уголовному праву России X –XX веков. Саратов. 2006.
13. Егоров И. Вызов принят: интервью секретаря Совета Безопасности РФ Н. Патрушева // Российская газета. 2013. 27 декабря.
14. Коробеев А.И. Транспортные преступления. СПб., 2003.
15. Прохоров Л. А., Прохорова М. Л. Обоснованность дифференциации уголовной ответственности за нарушение правил дорожного движения как предпосылка их предупреждения. //Материалы второй Международной научно-практической конференции «Уголовная политика в сфере обеспечения безопасности здоровья населения, общественной нравственности и иных социально-значимых интересов». 25 мая 2013. Краснодар, 2013.
16. Российское законодательство X – XX веков. М., 1985. Т. 3.
17. Прохоров Л. А., Прохорова М. Л. Безопасность движения и эксплуатации транспорта: криминальная ситуация и обусловленные ею актуальные правовые и правоприменительные проблемы //Юридический мир. 2013. № 6.
18. Прохоров Л. А.Актуальные вопросы противодействия преступным нарушениям правил дорожного движения в России. //Российский следователь. 2012. № 23.

ШАБАН МАЖИД ЖОМА САИД

доктор права (Палестина)

Л.А. ПРОХОРОВ

доктор юридических наук, профессор,

Заслуженный работник высшей школы РФ (Россия)

SHABAN SAID MAJID PULP

Doctor of Laws (Palestine)

L.A. PROKHOROV

Doctor of Law, Professor,

Honored Worker of Higher School of the Russian Federation (Russia)

**ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА УБИЙСТВО ПО МУСУЛЬМАНСКОМУ ПРАВУ:
ОСОБЕННОСТИ ДОКТРИНАЛЬНЫХ ПОЛОЖЕНИЙ И ПОДХОДОВ
ЗАКОНОДАТЕЛЯ ПАЛЕСТИНЫ И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

**RESPONSIBILITY FOR THE KILLING IN MUSLIM LAW:
FEATURES DOCTRINAL AND APPROACHES
LEGISLATORS PALESTINE AND THE RUSSIAN FEDERATION**

Аннотация. В статье рассмотрены доктринальные подходы к определению понятия и видов убийства, а также особенности регламентации уголовной ответственности за убийство в теории и законодательстве Палестины в сопоставлении с теоретическими и законодательными подходами в уголовном праве России.

Ключевые слова: мусульманское право, российское уголовное право, убийство, дифференциация уголовной ответственности, квалифицированные составы, начало, конец жизни.

Annotation. The article examines doctrinal approaches to the definition and VJ-ing murder, and especially the regulation of criminal liability for murder in theo-Rhee and legislation Palestine in comparison with the theoretical and legislative sub-moves in the criminal law of Russia.

Key words: Islamic law, the Russian criminal law, murder, Diffie-entiation of criminal responsibility, skilled compositions, beginning, end of life.

Преступления против жизни и здоровья в мусульманском праве имеют более длинную историю, чем в европейском, в том числе, и в российском уголовном праве [11]. Первым преступлением в мире считается убийство Каином своего брата Авеля. Со временем стали появляться другие виды преступлений против жизни и здоровья, такие, как побои, истязания, ранения и т.д. За эти преступления назначались различные наказания, которые со временем менялись: ужесточались или же, наоборот, смягчались. Стали разделяться убийства умышленные и убийства по неосторожности. Месть, прежде служившая наказанием за убийство, была отменена с появлением в мусульманских странах Ислама. Был принят новый закон, определяющий ответственность за убийства.

Наказания, предусмотренные в Своде законов Палестины за убийство, значительно отличаются от наказаний за аналогичный вид преступных деяний в уголовном праве Российской Федерации. В РФ назначаемые наказания за убийства гораздо мягче, чем сложившаяся годами практика наказаний за убийство в Палестине, где практически за все виды убийства наказание одно – смертная казнь [10]. Такой жесткий подход законодателя к регламентации уголовной ответственности за убийство является важным сдерживающим фактором. Так, в соответствии со статистическими данными убийств в Палестине совершается 20 убийств в год. На 100 000 населения приходится около 0,4 убийства, что свидетельствует о сравнительно невысоком уровне преступности в отношении человеческой

жизни. В то же время в России аналогичный коэффициент достигает 22 убийств на 100 000 населения, в странах Западной Европы он составляет 3,5 убийства.

Следует отметить, что в Своде законов Палестины и уголовных законодательствах Иордании и Египта нет определения понятия простого умышленного убийства. Оно представлено в доктрине уголовного права, одним из самых распространенных является следующее определение: "Убийство - это умышленное лишение жизни человека действием другого человека без права на это" [3,4]. Махмуд Ибрагим Исмаил предлагает несколько другое определение, звучащее следующим образом: "Убийство - это совершение действия или не совершение действия с целью лишения жизни другого лица без права на это" [6]. По нашему мнению, второе определение менее удачное, оно ассоциируется с составами посягательства на жизнь, которые сконструированы в специальных статьях 277, 295, 317 УК РФ [2].

В то же время, приведенные выше дефиниции объединяет то, что они включают два важнейших момента. *Во - первых*, смысл слов "без права на это" заключается в отсутствии этого преступления (убийства) в случаях использования права необходимой обороны. *Во-вторых*, вышеуказанные определения убийства показывают, что убийство совершается человеком не против самого себя, а против другого человека [16]. В учебниках по уголовному праву в России убийство определяют, как противоправное умышленное причинение смерти другому человеку [9].

В уголовном праве Палестины самым тяжким преступлением против личности является убийство, оно характеризуется, как умышленное причинение смерти другому человеку. Анализ приведенных выше понятий позволяет выделить три элемента убийства. Согласно господствующей в большинстве арабских стран французской концепции, они присущи всем без исключения преступлениям [13], а именно: а) легальный; б) материальный; в) моральный.

При этом необходимо затронуть такой важный вопрос, как объект преступления (убийства), который в силу несовершенства указанной концепции оказался за ее пределами, так как не включен ни в один из этих элементов, но который следовало бы отнести к материальному элементу преступления. *Объектом* преступления - убийства - может быть только жизнь человека. Жизнь человека является одним из важнейших объектов уголовно-правовой охраны. Определение этого объекта позволяет очертить круг действий, подпадающих под категорию преступления - убийства. Нет сомнения в праве человека на жизнь. Это право осуществляется, в том числе, и путем охраны его уголовным законом, ибо такая охрана обеспечивает, в конечном итоге, существование самого общества [9].

Человек - это живое существо, которое появляется на свет путем рождения. При защите его жизни закон охраняет человечество в целом, независимо от личных качеств конкретного человека, т.е. его расовой принадлежности, пола, цвета кожи, гражданства, возраста, умственных способностей и т.д. Хотя закон и защищает право на жизнь, даже если речь идет об эмбрионе, посягательство, направленное на прекращение его нормального развития в утробе матери, не относится законом к категории преступлений, квалифицируемых как убийство. Такое действие рассматривается как преступный аборт (в Своде законов Палестины и в ст.ст.321-325 УК Иордании, ст.ст.260-264 УК Египта). Право на жизнь - понятие сложное. И один из важнейших и спорных вопросов в этой области - *время начала жизни*. По общему правилу жизнь человека начинается с момента рождения и заканчивается его естественной смертью. По этому вопросу в Своде законов Палестины и в УК Иордании (ст.30), Египта (ст.34) сказано следующее: "Личность человека возникает с момента его рождения и прекращается с его смертью".

Однако в уголовно-правовой доктрине Палестины нет единого подхода к определению *момента начала жизни*, с которым связано убийство. Например, Ахмет Фатхе отме-

чает, что в уголовном праве Палестины началом жизни считается момент появления ребенка в утробе матери. В связи с этим еще не родившийся ребенок попадает под юридическую защиту государства, которое обеспечивает охрану прав и свобод своих граждан не только от рождения до смерти, но и с момента их зачатия. В соответствии с этим одним из видов убийства считается прерывание беременности (аборт), которое влечет за собой смерть плода, а, следовательно, причинение смерти [1].

Иной точки зрения придерживается арабский ученый Махмуд Нагиб Хусни. Он отмечает, что определение момента рождения имеет важное практическое значение в праве, так как это определение является показателем того, когда зачатое существо может считаться "эмбрионом", истребление которого квалифицируется как аборт. И наоборот, когда это зачатое существо считается человеком, посягательство на жизнь которого уже квалифицируется как убийство. Это важно и потому, что наказание за убийство является более строгим, чем наказание за аборт. В этом вопросе существует большая разница юридического характера, поскольку *настоящая жизнь* более важна с точки зрения закона, чем *будущая жизнь*. В случае коллизии между ними предпочтение отдается принципу потери меньшей ценности ради спасения большей. Например, ответственность не наступает, когда врачи уничтожают эмбрион для спасения жизни беременной женщины [7]. Эту позицию поддерживают Джалал Саруат и другие авторы, которые полагают, что плод становится человеком с начала процесса родов. Это тот момент, когда на него непосредственно может воздействовать внешний мир, когда он может испытывать действия, совершаемые во внешнем мире, при условии, чтобы это воздействие не было связано с матерью [7].

Третья точка зрения связана с еще большим отдалением момента начала жизни от момента зачатия. Например, Хамид Ас-Сади полагает, что ребенок считается родившимся с того момента, когда он отделяется от матери, т.е. когда перерезают пуповину [15].

Из вышеприведенных точек зрения вторая представляется более практичной, т.к. плод нуждается в уголовно-правовой охране уже с начала его движения, которое завершается рождением ребенка. Думается, что такой подход к решению этого вопроса предполагает повышенную защиту не только от намеренных, но и неумышленных действий со стороны различных лиц, например, акушерки. В теории российского уголовного права также доминирует эта точка зрения. Так, профессор Л.А. Прохоров и профессор М. Л. Прохорова полагают, что момент жизни человека должен быть связан с началом физиологических родов, с так называемым «прорезанием головки плода из утробы роженицы». Именно на этом положении основано законодательное установление ответственности за убийство человека во время родов (ст. 106 УК РФ) [9].

Другой вопрос, вызывающий спор в теории уголовного права и судебной практике Палестины, касается *момента прекращения жизни*. Известно, что жизнь прекращается с момента полной остановки сердца и органов дыхания или отмирания мозга [17], а до этого момента она продолжает находиться под защитой закона, несмотря на то, что человек был неизлечимо болен и летальный исход был неизбежен в скором времени. По нашему мнению, верно то, что именно сама жизнь, а не способность к жизни является объектом уголовно-правовой защиты. И если закон считает, что потерпевшим в преступлении-убийстве может быть только человек, родившийся живым, то закон не ставит условием жизнеспособность тела человека или его способность продолжать жизнь [12].

Теория и правоприменительная практика в Российской Федерации придерживается позиции, что момент окончания жизни связан не с остановкой биения сердца (клиническая смерть), а со смертью мозга (биологическая смерть) [9].

В уголовном законодательстве и теории уголовного права арабских стран, в том числе Палестины, выделена и обоснована следующая классификация преступлений против жизни. Основным видом посягательств против жизни по уголовному праву арабских

стран является *простое умышленное убийство*. Оно является основным составом в области преступлений против жизни, от которого законодатель как бы отталкивается при рассмотрении других видов убийств: а) при отягчающих обстоятельствах (квалифицированные составы); б) при смягчающих обстоятельствах; в) неумышленных видов убийства.

В Своде законов Палестины, УК Иордании и Египта убийство делится на 2 вида: умышленное убийство; убийство по неосторожности. В свою очередь, умышленное убийство делится на простое убийство, особо жестокое убийство и убийство по причине.

В Своде законов Палестины законодатель сформулировал следующие *виды убийства при отягчающих обстоятельствах*:

- 1) убийство с предумышленной виной, а также убийство с предумышленной виной и из засады;
- 2) убийство, связанное с другим преступлением или проступком, которое также предусматривается уголовными кодексами указанных арабских стран;
- 3) убийство родственников;
- 4) убийство двух или более лиц;
- 5) убийство чиновника во время исполнения им своих служебных обязанностей или в связи с исполнением им своего служебного долга;
- 6) убийство, совершенное путем отравления;
- 7) убийство, совершенное с применением пыток.

Этот перечень не является исчерпывающим, т.к. в уголовных кодексах некоторых стран указываются и другие обстоятельства, отягчающие ответственность за убийство.

Убийствами при смягчающих обстоятельствах являются, например, такие, как убийство матерью своего ребенка, родившегося от прелюбодеяния или внебрачной половой связи с целью избежать позора, убийство матерью своего новорожденного ребенка, не достигшего годовалого возраста. Уголовным законодательством предусматривается еще одно смягчающее, а в некоторых кодексах - даже исключаящее ответственность обстоятельство, - убийство жены или одной из близких родственниц в случае их прелюбодеяния или незаконной половой связи.

Уголовный кодекс Российской Федерации предусматривает еще три вида привилегированных составов убийств: ст. 107 – убийство, совершенное в состоянии аффекта; ст. 108 – убийство, совершенное при превышении пределов необходимой обороны либо при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление.

Уголовные кодексы некоторых арабских стран предусматривают весьма специфическое смягчающее обстоятельство. Если во время драки, в которой участвовало несколько лиц, было совершено убийство, и невозможно установить его конкретного виновника, то все лица, посягавшие на потерпевшего, подлежат наказанию, которое, однако, снижается на одну треть или наполовину по сравнению с санкцией, предусмотренной за простое убийство.

Подводя итоги проведенного анализа, можно сделать следующие выводы:

- в Своде законов Палестины и уголовных законодательствах Иордании и Египта нет определения понятия простого умышленного убийства, оно представлено в доктрине уголовного права, одним из самых распространенных является следующее определение: "Убийство - это совершение действия или не совершение действия с целью лишения жизни другого лица без права на это";

- посягательство, направленное на прекращение нормального развития эмбриона в утробе матери, не относится законом к категории преступлений, квалифицируемых как убийство: такое действие рассматривается как преступный аборт (в Своде законов Палестины и в ст.ст.321-325 УК Иордании, ст.ст.260-264 УК Египта). Законодатель исходит из того, что жизнь человека начинается с момента рождения и заканчивается его естествен-

ной смертью. По этому вопросу в Своде законов Палестины и в УК Иордании (ст.30), Египта (ст.34) сказано следующее: "Личность человека возникает с момента его рождения и прекращается с его смертью";

- в уголовно-правовой доктрине Палестины нет единого подхода к определению *момента начала жизни*, с которым связано убийство: некоторые ученые началом жизни признают момент появления ребенка в утробе матери, что обеспечивает охрану прав и свобод своих граждан не только от рождения до смерти, но и с момента их зачатия; другие ученые полагают, что плод становится человеком с начала процесса родов, т.е. с того момента, когда на него непосредственно может воздействовать внешний мир, когда он может испытывать действия, совершаемые во внешнем мире, при условии, чтобы это воздействие не было связано с матерью; третья точка зрения связана с еще большим отдалением момента начала жизни от момента зачатия, ребенок считается родившимся с того момента, когда он отделяется от матери, т.е. когда перерезают пуповину;

- перечень отягчающих убийство обстоятельств, в основном, сходен с обстоятельствами, предусмотренными в уголовных законодательствах других стран;

- наряду с указанными видами умышленного убийства, уголовное законодательство арабских стран предусматривает в качестве самостоятельного преступления *неумышленное убийство или совершенное по неосторожности*.

Литература

1. Ахмед Фатхе. Уголовное право. М., 2000.
2. Богомолов Д. П., Прохорова М.Л. Уголовно-правовые меры охраны здоровья представителей общественности, в организационном порядке привлекаемых к деятельности по обеспечению правопорядка //Российский следователь. 2010. № 9.
3. Джамиль Аль Аурафали. Комментарий к багдадскому УК. Багдад 1980 (на арабском языке).
4. Джунди Абдель Малик. Уголовная энциклопедия, т.5, 1976. (на арабском языке).
5. Джалал Саруат. Теория Особенной части. Бейрут 1967. (на арабском языке).
6. Махмуд Ибрагим Исмаил. Комментарий к УК Египта по преступлениям против жизни. Каир, 1950 (на арабском языке).
7. Махмуд Нагиб Хусни. Уголовный закон. Особенная часть. Каир, 1986.
8. Помазан С. В. Совершенствование правовых средств противодействия терроризму. // Уголовная политика в сфере обеспечения безопасности здоровья населения, общественной нравственности и иных социально-значимых интересов. Краснодар, 2014.
9. Прохоров Л. А., Прохорова М. Л. Уголовное право. Учебник. М., 2004.
10. Прохоров Л. А., Прохорова М. Л. Кризис уголовного наказания и уголовная политика. Материалы 2 международной научно-практической конференции «Современные проблемы уголовной политики» 23 сентября 2011. Краснодар, 2011.
11. Рене Давид, Камилла Жофре-Спинози. Основные правовые системы современности. М., 2003.
12. Ринпоче С. Книга жизни и практика умирания / пер. В. М. Подшуваловой, Е. И. Антоновой. М., 1997.
13. Уголовное право зарубежных стран. Понятие преступления и вина. М., 1972.
14. Фаузия Абд Аль-Сатар. Комментарий к Особенной части УК. Каир 1982. (на арабском языке).
15. Хамид Ас-Сади. Кровные преступления. Багдад 1964 (на арабском языке).
16. Шабан Мажит Жом Саид. Убийство по уголовному праву Палестины и России: сравнительный анализ: автореф. ...дисс. канд. юрид. наук. Краснодар, 2006.
17. Якия Аль-Шариф. Принципы судебной медицины. Каир, 1980.

IV Раздел:
«Актуальные проблемы общества, экономики, права»

Я.Н. ВОЙТОВА-ДОЛГИХ

*к.и.н., доцент кафедры социально-гуманитарных и
естественнонаучных дисциплин СКФ ФГБОУВО «РГУП»*

Y.N. VOYTOVA-DOLGIN

*Ph.D., assistant professor of social and humanitarian and
natural sciences GFR FGBOUVO "RGUP"*

**ИСТОРИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ
РАЗВИТИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ**

HISTORICAL AND LEGAL ASPECTS INFORMATION SECURITY OF RUSSIA

Аннотация. В статье рассматриваются историко-правовые аспекты развития информационной безопасности России. Автор выделяет несколько этапов становления информационной безопасности, дает их краткую характеристику. Особое внимание уделяется развитию информационной безопасности в нашей стране в последние десятилетия. Автор отмечает, что становление и развитие информационной безопасности в России имеет свои особенности и обозначает основные проблемы, требующие решения на уровне государственной власти. В заключении автор делает выводы, которые сводятся к тому, что России нужна продуманная последовательная политика в области законодательства в сфере защиты информационной безопасности государства.

Ключевые слова: информационная безопасность России, основные этапы становления информационной безопасности, Доктрина информационной безопасности Российской Федерации, историко-правовые аспекты.

Annotation. This article presents historical legal aspects of the development of Russian information security. The author identifies several stages of formation of information security and gives them brief description. Particular attention is paid to the development of information security in our country in recent decades. The author notes that the establishment and development of information security in Russia has its own characteristics and represents the main problems that must be resolved at the level of state power. At the end of the article the author makes a conclusion that Russia needs a well thought-out, consistent policy in the field of legislation on the protection of state information security.

Key words: Russian information security, Main stages of formation of information security, Information Security Doctrine of the Russian Federation, historical legal aspects.

Информация является национальным достоянием, независимо от разновидности собственности на нее. Она способна преобразовываться и приумножаться только при наличии информационного правопорядка.

Информация является первоосновой принятия верных и качественных государственных решений, и имеет прямую взаимосвязь с нормальным функционированием государственных и общественных институтов. Соответственно, государство заинтересованно в обеспечении бесперебойного и своевременного поступления объективной и достоверной информации, в защите от любых противоправных влияний на саму информацию, на системы ее хранения и оборота, а также ее использованием только во благо личности, общества и государства.

В современном мире информационная сфера, состоящая из различных аспектов информационной инфраструктуры, имеет все возрастающую роль и очень важное значение. Информационная сфера, являясь системообразующим фактором жизни общества, активно влияет на состояние политической, экономической, оборонной и других составляющих безопасности Российской Федерации. Экономическая, социальная и информационная безопасность приобретают большую значимость в связи с процессами глобализации, которые во многом определяют стабильность государства и являются ключевыми для выявления его места в мировой системе. Национальная безопасность Российской Федерации существенным образом зависит от обеспечения информационной безопасности, и в ходе технического прогресса эта зависимость будет возрастать.

В Доктрине информационной безопасности РФ от 2000 г. дается определение информационной безопасности Российской Федерации — «под информационной безопасностью Российской Федерации понимается состояние защищенности ее национальных интересов в информационной сфере, определяющихся совокупностью сбалансированных интересов личности, общества и государства»[1].

Интересы личности в информационной сфере заключаются в реализации конституционных прав человека и гражданина на доступ к информации, на использование информации в интересах осуществления не запрещенной законом деятельности, физического, духовного и интеллектуального развития, а также в защите информации, обеспечивающей личную безопасность. Интересы общества в информационной сфере заключаются в обеспечении интересов личности в этой сфере, упрочении демократии, создании правового социального государства, достижении и поддержании общественного согласия, в духовном обновлении России.

Интересы государства в информационной сфере заключаются в создании условий для гармоничного развития российской информационной инфраструктуры, для реализации конституционных прав и свобод человека и гражданина в области получения информации и пользования ею в целях обеспечения незыблемости конституционного строя, суверенитета и территориальной целостности России, политической, экономической и социальной стабильности, в безусловном обеспечении законности и правопорядка, развитии равноправного и взаимовыгодного международного сотрудничества [1].

На основе национальных интересов Российской Федерации в информационной сфере формируются стратегические и текущие задачи внутренней и внешней политики государства по обеспечению информационной безопасности.

Рассмотрим основные историко-правовые аспекты возникновения и развития информационной безопасности в России.

Традиционно исследователи выделяют несколько этапов становления информационной безопасности. Первый этап — до 1816 года — характеризуется использованием естественно возникавших средств информационных коммуникаций. В этот период основная задача информационной безопасности заключалась в защите сведений о событиях, фактах, имуществе, местонахождении и других данных, имеющих для человека лично или общества, к которому он принадлежал, жизненное значение. Вторым этапом — начиная с 1816 года — связан с началом использования искусственно создаваемых технических средств электро- и радиосвязи. Для обеспечения скрытности и помехозащищенности радиосвязи необходимо было использовать опыт первого периода информационной безопасности на более высоком технологическом уровне, а именно применение помехоустойчивого кодирования сообщения (сигнала) с последующим декодированием принятого сообщения (сигнала). Третий этап — с 1935 года — связан с появлением радиолокационных и гидроакустических средств. Основным способом обеспечения информационной безопасности в этот период было сочетание организационных и технических мер, направленных на повы-

шение защищенности радиолокационных средств от воздействия на их приемные устройства активными маскирующими и пассивными имитирующими радиоэлектронными помехами. Четвертый этап — начиная с 1946 года — связан с изобретением и внедрением в практическую деятельность электронно-вычислительных машин (компьютеров). Задачи информационной безопасности решались, в основном, методами и способами ограничения физического доступа к оборудованию средств добывания, переработки и передачи информации. Пятый этап — с 1965 года — обусловлен созданием и развитием локальных информационно-коммуникационных сетей. Задачи информационной безопасности также решались, в основном, методами и способами физической защиты средств добывания, переработки и передачи информации, объединенных в локальную сеть путем администрирования и управления доступом к сетевым ресурсам. Шестой этап — с 1973 года — связан с использованием сверхмобильных коммуникационных устройств с широким спектром задач. Угрозы информационной безопасности стали гораздо серьезнее. Для обеспечения информационной безопасности в компьютерных системах с беспроводными сетями передачи данных потребовалась разработка новых критериев безопасности. Образовались сообщества людей — хакеров, ставящих своей целью нанесение ущерба информационной безопасности отдельных пользователей, организаций и целых стран. Информационный ресурс стал важнейшим ресурсом государства, а обеспечение его безопасности — важнейшей и обязательной составляющей национальной безопасности. Формируется информационное право — новая отрасль международной правовой системы. Седьмой этап — начиная с 1985 года — связан с созданием и развитием глобальных информационно-коммуникационных сетей с использованием космических средств обеспечения. Можно предположить, что очередной этап развития информационной безопасности, очевидно, будет связан с широким использованием сверхмобильных коммуникационных устройств с широким спектром задач и глобальным охватом в пространстве и времени, обеспечиваемым космическими информационно-коммуникационными системами. Для решения задач информационной безопасности на этом этапе необходимо создание макросистемы информационной безопасности человечества под эгидой ведущих международных форумов [2].

Впервые в России понятие «информационная безопасность» было введено в 1990 г. в парламентской комиссии академика Ю.А.Рыжова, которая занималась разработкой концепции национальной безопасности страны. С тех пор созданы соответствующие структуры в Правительстве РФ, в Администрации Президента РФ, в Совете безопасности РФ. В настоящее время задача обеспечения информационной безопасности Российской Федерации, как неотъемлемого элемента ее национальной безопасности, и защита информации превращается в одну из приоритетных государственных задач. Защита информации обеспечивается в любом государстве и в своем развитии проходит множество этапов в зависимости от потребностей государства, возможностей, методов и средств ее добывания (в частности разведки), правового режима государства и реальных его усилий по обеспечению защиты информации.

Следует отметить, что важным этапом становления и совершенствования системы информационной безопасности в нашей стране явился период 1970-1980-х гг. С начала 1970-х гг. в разведывательной деятельности ведущих стран мира началось широкомасштабное применение технических средств разведки, 1980-е гг., ознаменовавшись бурным научно-техническим прогрессом, особенно в военной области, дали новые импульсы в дальнейшем наращивании возможностей технических средств иностранных разведок: до 70 % разведывательной информации добывалось в то время с помощью технических средств. Сложившаяся обстановка потребовала совершенствования системы мер противоборства с иностранными разведками. Противодействие техническим

разведкам стало задачей государственной важности и одной из составных частей в общей системе мер по сохранению государственной и служебной тайны.

Для организации и координации работ в этой области решением правительства 18 декабря 1973 г. была создана Государственная техническая комиссия СССР. Тогда же начала формироваться система научного обеспечения комплексного противодействия иностранным техническим разведкам. В 1974 г. были сформированы концептуальные, организационные, научно-методологические и нормативные основы противодействия иностранным техническим разведкам (ПДИТР) и развернута большая практическая работа. В 80-е гг. была разработана цельная концепция по противодействию иностранной технической разведке. Совершенствовались нормативная база, методы и средства контроля. К началу 90-х гг. произошли качественные изменения в военно-политической и научно-технической сферах, заставившие во многом пересмотреть государственную политику в области защиты информации в целом.

Высшими органами государственной власти Российской Федерации был предпринят ряд принципиально важных шагов. В частности, Указом Президента Российской Федерации от 5 января 1992 года № 9 на базе Гостехкомиссии СССР создана Государственная техническая комиссия при Президенте Российской Федерации (Гостехкомиссия России) с задачами проведения единой технической политики, организации и контроля работ по защите информации в оборонной, экономической, политической, научно-технической и других сферах деятельности [3]. Были приняты Законы Российской Федерации - Федеральный закон от 21 июля 1993г. № 5485-1 (ред. от 21.12.2013) «О государственной тайне» [4] и Федеральный закон «Об информации, информатизации и защите информации», принят Государственной Думой 25 января 1995 года N 24-ФЗ (утратил силу с 09.08.2006 на основании Федерального закона от 27.07.2006 N 149-ФЗ "Об информации, информационных технологиях и о защите информации" (со всеми изменениями и дополнениями) [5]. Этими правовыми актами в сферу защиты информации был заложен основополагающий принцип - баланс интересов государства, общества и личности.

Произошло структурное совершенствование существующей системы органов защиты государственной тайны. Ее основным элементом стала Межведомственная комиссия по защите государственной тайны, предназначенная для координации всей деятельности органов государственной власти, предприятий, учреждений организаций в этой области. Одними из главных результатов этой деятельности явились подготовка и утверждение Президентом Российской Федерации Перечня сведений, отнесенных к государственной тайне, и государственной программы по обеспечению защиты государственной тайны (Указ Президента РФ от 30 ноября 1995 г. N 1203 "Об утверждении перечня сведений, отнесенных к государственной тайне" (с изменениями и дополнениями)). Опубликование в открытой печати «Перечня сведений, отнесенных к государственной тайне», открыло новый этап в обеспечении защиты информации, составляющей государственную тайну, явилось реальным результатом демократизации России в части открытости и гласности.

Еще одним важным шагом в обеспечении информационной безопасности стало создание в составе Совета Безопасности Российской Федерации Межведомственной Комиссии по информационной безопасности, осуществляющей функции координации работ в этой области. Ее возглавил Генеральный директор ФАПСИ при Президенте РФ А.В. Старовойтов, который выступил с инициативой разработки Доктрины информационной безопасности Российской Федерации. Уже в 1997 г. Доктрина была разработана Межведомственной Комиссией Совета Безопасности РФ по информационной безопасности, под руководством А. В. Старовойтова. Она должна была быть принята в сентябре 1997 г. Однако по объективным и субъективным причинам, принятие разработанной Доктрины ин-

формационной безопасности Российской Федерации затянулось. (Она была утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным лишь 9 сентября 2000 года), как официально принятая система взглядов на проблему обеспечения информационной безопасности, методы и средства защиты жизненно важных интересов личности, общества, государства в информационной сфере.

Следует отметить, что с начала 2000-х гг. правительство РФ начинает серьезно и ответственно подходить к проблеме определения и отстаивания жизненно важных интересов, реальных и потенциальных угроз в информационной сфере. Российская политическая элита начинает осознавать необходимость решения проблем обеспечения информационной безопасности.

Таким образом, проблема информационной безопасности является в настоящее время одной из самых актуальных среди нерешенных проблем российского законодательства. И хотя уже достаточно давно принят закон Российской Федерации «О государственной тайне» (21 июля 1993 года, № 5485-1) и утверждены вытекающие из него соответствующие постановления Правительства Российской Федерации, вопрос по-прежнему стоит достаточно остро. Правовое регулирование информационной безопасности может рассматриваться в двух аспектах. Первый касается отношений, связанных с формированием, хранением и защитой государственных информационных ресурсов, распространением информации по информационным сетям с использованием компьютерных технологий. Второй связан с производством и распространением массовой информации и ее влиянием на отдельных граждан, общество в целом, на государственные органы власти, а также с защитой от разглашения СМИ сведений ограниченного доступа, то есть являющихся конфиденциальными или относящихся к государственной тайне. Но если вопросы информационной безопасности России, связанные с информатизацией и защитой информационных ресурсов, в какой-то степени урегулированы такими законодательными актами, как законы Российской Федерации «О государственной тайне», «Об информации, информатизации и защите информации», «Об участии в международном информационном обмене», то вопросы защиты государственных и общественных интересов на радио и телевидении, включая обеспечение информационно-психологической безопасности, пока еще практически законодательно не разрешены.

Также следует отметить, что становление и развитие информационной безопасности в России имеет свои особенности, которые обусловлены специфическими условиями развития нашего государства. При этом обеспечение информационной безопасности государства требует решения следующих ключевых проблем:

1. Развитие научно-практических основ информационной безопасности, отвечающей современной геополитической ситуации и условиям политического и социально-экономического развития государства.
2. Формирование законодательной и нормативно-правовой базы обеспечения информационной безопасности, в том числе разработка реестра информационного ресурса, регламента информационного обмена для органов государственной власти и управления, предприятий, нормативного закрепления ответственности должностных лиц и граждан за соблюдение требований информационной безопасности.
3. Разработка механизмов реализации прав граждан на информацию.
4. Формирование системы информационной безопасности, являющейся составной частью общей системы национальной безопасности страны.
5. Разработка современных методов и технических средств, обеспечивающих комплексное решение задач защиты информации.
6. Разработка критериев и методов оценки эффективности систем и средств информационной безопасности и их сертификации.

7. Исследования форм и способов цивилизованного воздействия государства на формирование общественного сознания.

8. Комплексное исследование деятельности персонала информационных систем, в том числе методов повышения мотивации, морально-психологической устойчивости и социальной защищенности людей, работающих с секретной и конфиденциальной информацией.

Исходя из всего вышеизложенного, можно сделать вывод, что России нужна продуманная последовательная политика в области законодательства в сфере защиты информационной безопасности государства, разрабатываемого с учетом опыта других стран и соответствующих общепризнанных норм и принципов международного права в этой сфере.

Внедрение современных технологий и законодательная основа защиты государственной тайны должна стать мощным звеном в укреплении вертикали власти в России и ее становлении как экономически и политически сильного государства на мировой арене.

Литература:

1. Доктрина информационной безопасности Российской Федерации.
URL: http://www.infoguard.ru/legislation?ID=1&show_id=4&chaper=1 (дата обращения 12.03.2015).
2. Лопатин В. Н. Информационная безопасность России: Человек, общество, государство Серия: Безопасность человека и общества. М.: 2000. 428 с .
3. Указ Президента РФ от 19 февраля 1999 г. N 212 "Вопросы Государственной технической комиссии при Президенте Российской Федерации" (Утратил силу - Указ Президента Российской Федерации от 16.08.2004 г. N 1085) URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?base=LAW&frame=1&n=41240&req=doc> (дата обращения 17.03.2015).
4. Закон РФ от 21.07.1993 N 5485-1 (ред. от 21.12.2013) "О государственной тайне" (21 июля 1993 г.) URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_156018/ (дата обращения 17.03.2015).
5. Об информации, информатизации и защите информации (с изменениями на 10 января 2003 года) (утратил силу с 09.08.2006 на основании Федерального закона от 27.07.2006 N 149-ФЗ). URL: <http://docs.cntd.ru/document/9010486> (дата обращения 17.03.2015); Федеральный закон от 27 июля 2006 г. N 149-ФЗ "Об информации, информационных технологиях и о защите информации". URL: Система ГАРАНТ: <http://base.garant.ru/12148555/#help#ixzz3WW8kkaGV> (дата обращения 18.03.2015).
6. Указ Президента РФ от 30 ноября 1995 г. N 1203 "Об утверждении перечня сведений, отнесенных к государственной тайне" (с изменениями и дополнениями) Система ГАРАНТ. URL: <http://base.garant.ru/10105548/#ixzz3WW9hO96x> (дата обращения 18.03.2015).
7. Национальная безопасность. URL: <http://www.nationalsecurity.ru/library/> (дата обращения 18.03.2015).

Т.В. ПАВЛЮШКЕВИЧ

*к.э.н. доцент кафедры экономики
Кубанского социально-экономического института
аттестованный аудитор, член НП СРО РКА*

И.А. ГРИГОРЬЕВА

*старший лейтенант полиции
Управления МВД РФ по г. Краснодару*

T.V. PAVLYUSHKEVICH

*Ph.D. Associate Professor of Economics
Kuban Social and Economic Institute
certified auditor, a member of NP SRO RCA*

I.A. GRIGORIEVA

*Senior police lieutenant
Department of the Interior Ministry in the city of Krasnodar*

ПОТРЕБНОСТИ В АУДИТЕ СИСТЕМЫ БЕЗОПАСНОСТИ СОВРЕМЕННОГО ПРЕДПРИЯТИЯ

REQUIREMENTS FOR AUDIT OF SAFETY MODERN ENTERPRISE

Аннотация. Статья посвящена оценке потребности современного предприятия в обеспечении экономической безопасности своей деятельности, рассмотрены показатели эффективности аудита безопасности, его масштабы и возникающая потребность в нем современного предприятия.

Ключевые слова: система безопасности предприятия, аудит безопасности, эффективность аудита безопасности, результативность аудита, внутренние угрозы, риски.

Annotation. The article is devoted to assessing the needs of the modern enterprise in the economic security of its activities, performance indicators are considered a security audit, its scope and the need for it arises the modern enterprise.

Key words: enterprise security, security audit, the effectiveness of the security audit, performance audit, internal threats, risks.

В России твердо закрепил за собой позиции, аудит финансовой отчетности, все руководители предприятий вполне лояльно относятся к нему, а аудит других бизнес-процессов предприятия – кадровый, технологический, экологический или системы безопасности, практически не принимают. Вопрос экономической безопасности предприятия это весь комплекс перечисленных выше направлений аудита и является видом консалтинговых услуг. Такие услуги определяют виды рисков и угроз действующего предприятия по направлениям, которые согласовываются с заказчиком.

Причины недооценки такого важного мероприятия как аудит системы безопасности можно разделить на две основные:

- недооценка системы безопасности, как одного из видов бизнес-процессов, определяющих успех дела в целом;
- непонимание того факта, что экономическая безопасность – системный процесс, где необходимо максимально учесть все потенциальные риски и угрозы.

Аудит безопасности не подменяет деятельность внутренней службы безопасности предприятия или частного охранного агентства, а так же службы внутреннего контроля и т.п. – это в первую очередь аудит обеспечения экономической безопасности в системе управления предприятием. Рассматривая, как пример деятельность торгового предприятия мы сталкиваемся с банальным воровством товаров и выявленной в дальнейшем недоста-

чей. Классические действия администрации всегда направлены в первую очередь на сотрудников и компенсации ущерба из заработной платы в рамках договора о материальной ответственности и во вторую очередь на повышение цен на товары для компенсации упущенной прибыли. Последствия таких действий:

- текучесть кадров и риск приобретения взамен выбывших сотрудников еще более недобросовестных, либо возникает кадровый дефицит;
- рост цен снижает конкурентную привлекательность торгового предприятия.

Создавая свой бизнес, владельцы и руководители не осознавали, что экономическая безопасность – это система и если системы нет, то мы своими руками создаем «экономическую опасность – глобальный хозяйственный риск».

Аудиторское сообщество дает определение аудита системы безопасности «Аудит – это оценка соответствия системы экономической безопасности предприятия целям, задачам и миссии бизнеса, а также определение ее способности минимизировать ущерб от внешних и внутренних угроз». Любое работающее предприятие – это живой организм, имеющий свои особенности, свой характер, рассчитанный для реализации определенных целей, задач, достижение которых возможны только с применением конкретных технологий, процедур, методов организации бизнеса в условиях действия некоторых ограничений. Каждое предприятие работает в конкретной внешней среде, с реальными поставщиками и партнерами, имеет свой круг основных потребителей. Именно поэтому для каждого предприятия создается своя система, которая должна развиваться вместе с развитием предприятия и быть всегда актуальной.

Работа по аудиту и проектированию безопасности предприятия поручается независимым экспертам консалтинговых компаний. В России это предложение набирает обороты. Профессиональные сообщества консультантов-экспертов создают стандарты проведения аудита системы безопасности предприятий.

Чаще всего понимание необходимости объективной оценки состояния системы и разработки концепции безопасности у руководителей и владельцев предприятий наступает в следующих случаях:

1. В начале пути при организации бизнеса, проектировании, строительстве, вводе в эксплуатацию предприятия.
2. При кардинальной реорганизации и реконструкции предприятия.
3. Если выясняется, что предприятие несет неоправданно большие потери. Их величина превысила допустимый порог, предприятие убыточно.
4. Предприятие находится на грани банкротства.

По мере роста компаний и усложнения их деятельности все сложнее становится понять, какие процессы, действия, подразделения влияют на экономическую безопасность и каким образом это происходит. Отсюда следует проблема, как измерить эффективность управления экономической безопасности.

Проанализировав существующие методы оценки эффективности управления системой безопасности предприятия, можно сказать, что основным недостатком существующих систем оценки эффективности – несогласованность ключевых показателей эффективности с системой мотивации их достижения.

Идеальные показатели эффективности обладают рядом свойств, которые представлены в таблице 1.

Таблица 1 – Показатели эффективности аудита безопасности

№	Показатели эффективности	Свойства показателей эффективности
1	Всеобъемлющий характер	Показатели должны охватывать всю компанию, чтобы их можно было сравнивать по горизонтали между отдельными подразделениями, анализировать сверху вниз для получения оценок эффективности различных организационных уровней компании, проследить снизу вверх для понимания взаимосвязи результатов деятельности отдельного сотрудника и результатов деятельности компании в целом
2	Стабильность во времени	Показатели изменяются постепенно, чтобы реакция и мотивация сотрудников были предсказуемы
3	Разумное количество показателей	Число их на каждом организационном уровне должно соответствовать психологической способности человека усваивать и обрабатывать информацию (например, человек одновременно может воспринимать 7 ± 2 предмета). В противном случае часть информации будет утеряна
4	Применимость для прогнозирования	Одной из основных задач системы оценки эффективности управления является прогнозирование будущей эффективности компании и выявление путей ее повышения. Оценки эффективности в прошлом сами по себе практической роли в управлении не играют, их назначение - служить базой для оценок будущей эффективности
5	Применимость в мотивации персонала	Показатели эффективности должны лежать в основе системы расчета вознаграждения, получаемого персоналом за свою деятельность

Функции показателей эффективности управления в свою очередь включают:

- прогнозирование будущего,
- оценка прошлого,
- вознаграждение персонала,
- мотивация персонала,
- сравнение.

Одна из основных функций показателей эффективности состоит в возможности делать на основе таких показателей выводы о будущей эффективности компании и принимать соответствующие управленческие решения.

Основными инструментами оценки эффективности управления безопасностью предприятия будут выступать качественный, логический анализ и моделирование воздействия различных нежелательных факторов.

Система экономической безопасности предприятия должна работать как хорошо отлаженный механизм, главные характеристики которого системность и комплексность. Для этого необходимо, чтобы ее конструкция имела внутреннюю логику, каждый элемент должен выполнять определенную функцию для реализации основной задачи.

Эффективность средств экономической безопасности предприятия - зависит также от свойств и состояния объекта, и от того, как функционирование отдельных норм права, законодательных установлений, институтов и отраслей права взаимно увязано друг с другом.

Фокусирование в основном на экономических измеряемых показателях (например, прибыль, будущие денежные потоки и т. д.) является одним из недостатков используемых систем оценки эффективности бизнеса. В то же время показатели, не относящиеся к экономической и технической сферам предприятия, в системах оценки эффективности бизнеса практически не используются. В настоящее время при оценке эффективности управления, в том числе при оценке безопасности бизнеса, необходимо системное использование нефинансовых показателей, связанных со структурой службы безопасности, правовым обеспечением, организационной защитой, инженерно-технической безопасностью, системой управления безопасностью, регулированием бизнеса и лиц, в нем заинтересованных.

Оценка эффективности управления экономической безопасностью предприятия в частности позволяет ответить на вопросы о наличии резервов повышения прибыльности бизнеса, соответствия текущей финансовой оценки его реальной или потенциальной стоимости, степени защищенности бизнеса от враждебных действий.

На основании выше сказанного становится возможным проведение аудита безопасности предприятия. Результаты аудиторской проверки безопасности предприятия будут являться методом оценки уровня и качества управления системой безопасности в целом.

Для проведения аудита безопасности фирмы можно рекомендовать следующую последовательность действий представленных в таблице 2.

Таблица 2 – Этапы проведения аудита системы безопасности

№	Этапы аудита	Порядок выполнения этапа аудита
1	Подготовка к проведению аудита безопасности	выбор объекта аудита (фирма, отдельные здания и помещения, отдельные системы или их компоненты)
		составление команды аудиторов-экспертов
		определение объема и масштаба аудита и установление конкретных сроков работы
2	Проведение аудита	общий анализ состояния безопасности объекта аудита
		регистрация, сбор и проверка статистических данных и результатов инструментальных измерений опасностей и угроз
		оценка результатов проверки
		составление отчета о результатах проверки по отдельным составляющим
3	Завершение аудита	составление итогового отчета
		разработка плана мероприятий по устранению узких мест и недостатков в обеспечении безопасности фирмы

Условиями успешного проведения аудита безопасности являются:

- активное участие руководства фирмы в его проведении;
- объективность и независимость аудиторов (экспертов), их компетентность и высокая профессиональность;
- четко структурированная процедура проверки;
- активная реализация предложенных мер обеспечения и усиления безопасности.

Действенным инструментом оценки безопасности и управления рисками является аудит безопасности. Предотвращение угроз безопасности означает в том числе и защиту экономических, социальных и информационных интересов фирмы. Отсюда вывод, что аудит безопасности становится инструментом экономического менеджмента.

Аудит безопасности можно разделить на внутренний и внешний. Масштабы аудита представлены на рисунке 1.

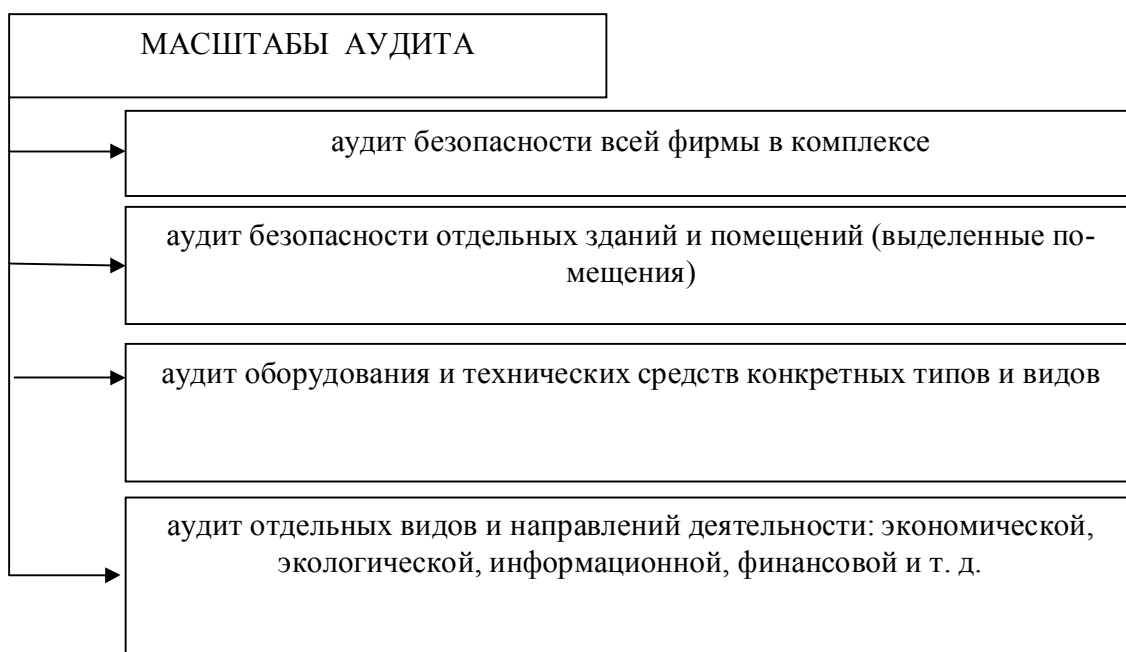

Рисунок 1 – Масштабы аудита безопасности

В последнее время аудит безопасности широко внедряется в конкретную практику деятельности служб безопасности.

К числу творческих задач, решаемых на основе комплексных подходов, относятся проблемы безопасности.

Таким образом, авторы пришли к следующему мнению:

1. Результативность и качество аудита безопасности зависят от человека, выполняющего эти задачи, от его мыслительной деятельности.
2. Процесс решения слабо структурированной задачи это сложный субъективный процесс.
3. Результатом аудита безопасности является оценка соответствия безопасности требованиям, установленным на объекте защиты.
4. Основой решения слабо формализованных задач является соответствие формализованной модели требований безопасности реальному формализованному состоянию.
5. Объектом исследования аудита безопасности является фирма (организация, предприятие).
6. Комплексный аудит экономической безопасности предприятия необходимо рассматривать как исключительно внутренний инструмент управления, исключающий в целях конспирации возможность предоставления информации о результатах его деятельности сторонним лицам и организациям.
7. Проблема безопасности относится к числу сложных слабо формализуемых проблем, которые строго методически решить невозможно, так как они характеризуются большим количеством и многообразием факторов (барьеров, происшествий, угроз, рисков), влияющих на состояние безопасности, которые однозначно выявить и строго описать не удастся.

Литература:

1. Ярочкин В. И. Система безопасности фирмы, 3-е изд. М., Ось-89, 2005.

2. Научная библиотека КиберЛенинка: <http://cyberleninka.ru/article/n/audit-bezopasnosti-predpriyatiya-kak-metod-otsenki-effektivnosti-upravleniya-sistemoy-bezopasnosti#ixzz3S7j2id5i>
3. Ярочкин В. И., Бузанова Я. В. Основы безопасности бизнеса и предпринимательства. М., Академический проект, Фонд «Мир», 2005.
4. Copyright © 2006 ТЕХНОЛОГИИ БЕЗОПАСНОСТИ БИЗНЕСА
5. Федеральный закон от 30.12.2008 г. № 307-ФЗ «Об аудиторской деятельности» (с изм.).
6. Т.В. Павлюшкевич. Стандарты аудиторской деятельности, принципы проведения налогового аудита в современной России. Экономика. Право. Печать. Вестник КСЭИ. 2013. № 3. С. 342-246.
7. Павлюшкевич Т.В. Проблемы и успехи внешнего контроля качества работы аудиторов. Вестник Академии знаний. 2013. №1 (4). С. 55-57.
8. Павлюшкевич Т.В. Анализ ситуаций в организации аудита в условиях перехода на МСА. Экономика. Право. Печать. Вестник КСЭИ. 2014. №1 (61). С. 239-243.
9. Н.Г. Каратунова, Анализ применения информационных технологий в аудиторской деятельности, Экономика. Право. Печать. 2014 № 3-4(63-64).

**Уголовная политика в сфере обеспечения безопасности здоровья
населения, общественной нравственности и иных
социально-значимых интересов**

Материалы IV Международной научно-практической конференции

Часть I

Печатается по решению научно-методического и
редакционно-издательского советов КСЭИ

Подписано в печать 18.05.15.
Формат 60×84. Усл.печ.л. 7,25. Тираж 300 экз.

Издательство Кубанского социально-экономического института.
350018, г. Краснодар, ул. Камвольная, 3.